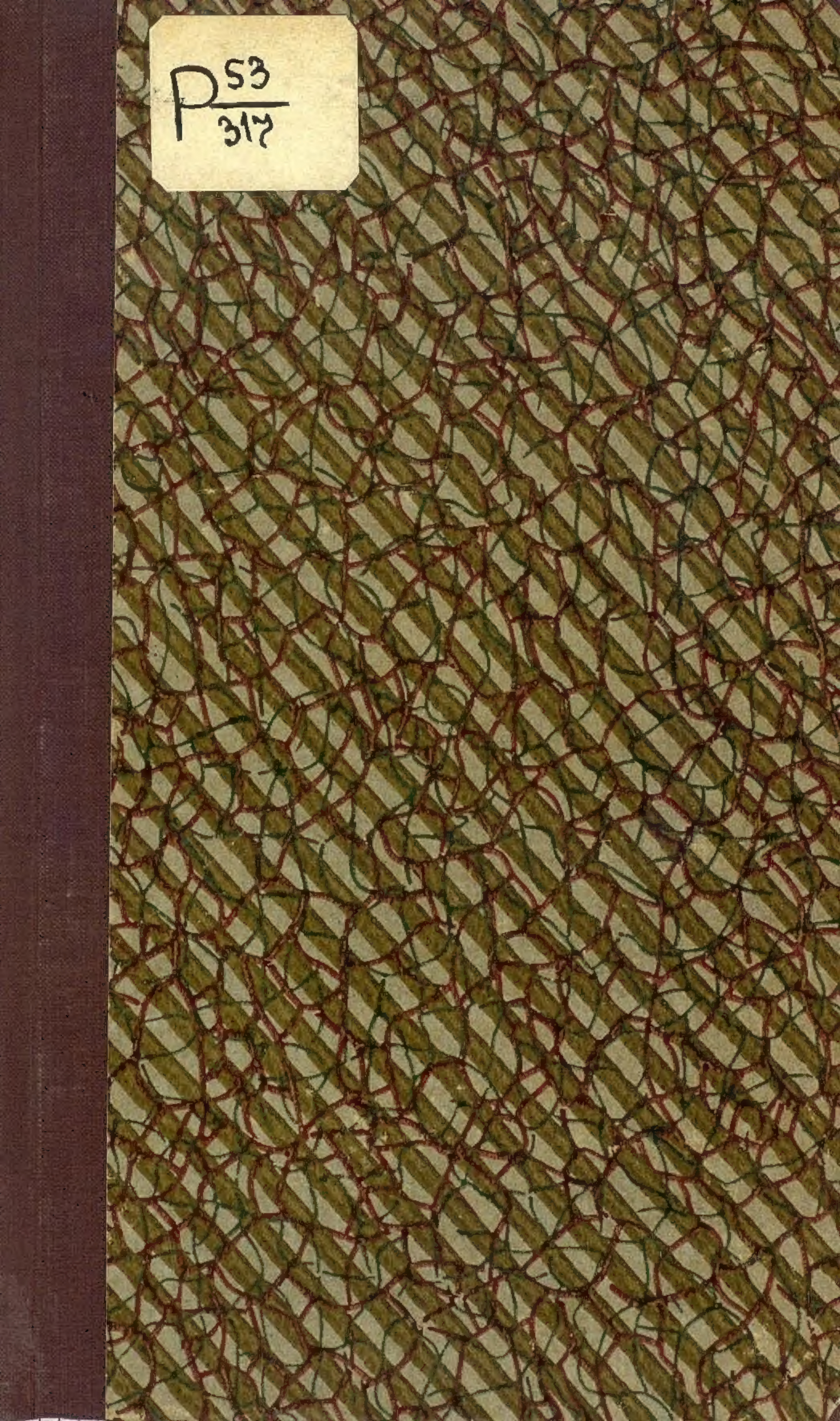
P 53/317

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРІИ
ВОЙНЫ 1877–1878 ГГ.
ВЪ АЗІЯТСКОЙ ТУРЦІИ.

ПРОЦЕСЪ ФАИКА-ПАШИ, НАЧАЛЬНИКА ВАНСКАГО И БАЯЗЕТСКАГО ОТРЯДОВЪ.

(Переводъ съ турецкаго).

(Приложеніе къ «Военному Сборнику» 1879 г.).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. А. Полетики, (Литейная, № 42).
1879.

2007043061

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРІИ

ВОЙНЫ 1877—1878 ГГ.

ВЪ АЗІЯТСКОЙ ТУРЦІИ.

ПРОЦЕСЪ ФАИКА-ПАШИ, НАЧАЛЬНИКА ВАНСКАГО И БАЯЗЕТСКАГО ОТРЯДОВЪ.

(Переводъ съ турецкаго).

(Приложеніе къ «Военному Сборнику» 1879 г.).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. А. Полетики, (Литейная, № 42).
1879.

(Изъ журнала «Военный Сборникъ», 1879 г.).

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 8-го ноября 1879 года.

ПРОЦЕСЪ ФАИКА-ПАШИ,

НАЧАЛЬНИКА ВАНСКАГО И БАЯЗЕТСКАГО ОТРЯДОВЪ.

Протоколъ приговора анатолійскаго военнаго суда надъ Фаикомъ-пашой, бывшимъ начальникомъ Ванскаго и Баязетскаго отрядовъ

Настоящій военный судъ, согласно султанскому ираде, учрежденъ надъ тѣми начальниками и офицерами, которые дурнымъ распоряженіемъ и своими ошибками были причиною важныхъ неудачъ нашихъ армій, и для опредѣленія степени заслуженнаго ими законнаго наказанія. Дивизіонный генералъ Ахметъ-Фаикъ-паша, начальникъ надъ ванскими и баязетскими войсками (1), находясь въ кате-

(1) Въ 1827 г. (1243 г. по турецкому счисленію), Фаикъ-паша поступилъ въ военную службу рядовымъ въ 1-й баталіонъ 1-го полка 1-го корпуса императорской арміи. Въ 1832 г. (1248) онъ зачисленъ ефрейторомъ въ 1-й баталіонъ 2-го полка 1-го корпуса императорской арміи. Въ слѣдующемъ году назначенъ фельдфебелемъ въ 3-й баталіонъ того-же полка, того-же корпуса. Въ 1837 г (1253) Фаикъ поступилъ въ военную школу, а въ 1838 г. (1254) командированъ въ Вѣну съ цѣлью усовершенствованія военнаго образованія. Три года спустя, въ 1841 г. (1257), онъ съ успѣхомъ сдалъ экзаменъ изъ уставовъ пѣхотной и кавалерійской службы и произведенъ въ чинъ штабсъ-капитана. Въ 1843 г. (1259) онъ возвратился въ Константинополь и въ 1847 г. (1263) произведенъ въ чинъ маіора генеральнаго штаба; въ 1852 г. (1268) въ чинъ подполковника; въ 1853 г. (1269) въ чинъ полковника; въ 1863 г (1279) въ бригадные генералы 3-го корпуса и вскорѣ затѣмъ назначенъ начальникомъ штаба того же корпуса. Произведенный въ 1866 г. (1282) въ дивизіонные генералы, Фаикъ былъ назначенъ начальникомъ войскъ въ Герцеговинѣ и Босніи; временно командовалъ войсками Битольскаго вилайета, былъ назначенъ членомъ Даришура (военный совѣтъ сераскеріата). Въ томъ же году, послѣ командованія войсками въ Янинѣ, Превезѣ и Нишѣ, Фаикъ былъ назначенъ начальникомъ штаба 4-го корпуса.

Участіе Фаика паши въ походахъ. Въ 1831 г. (1247) онъ участвовалъ въ нишскомъ походѣ; въ 1847 г. (1263) въ Авлоніи и Виранѣ (въ Албаніи) во время возстанія въ этихъ мѣстностяхъ; въ 1848 г. (1264)—противъ соединенныхъ княжествъ, во время ихъ возстанія. Въ 1861 г. (1277) на него было возложено порученіе, во время событій въ Дамаскѣ, реорганизовать въ Гебели-Аджлунскій округъ. Въ 1853 г. (1269) Фаикъ находился въ должности начальника штаба анатолійскаго корпуса императорской арміи. Во время экспедиціи въ Грузію, въ Восточную войну 1853—56 гг., состоялъ при совѣтѣ корпуса и наконецъ въ 1877 г. (1293), во время русско-турецкой войны, онъ командовалъ ванскимъ и баязетскимъ отрядами. Награжденъ орденами: Меджидіэ и Османіэ 3-й степени.

горіи военныхъ начальниковъ, которые, благодаря своимъ ошибкамъ, навлекли важныя неудачи на нашу армію, былъ арестованъ, а бригадный генералъ генеральнаго штаба, Абидъ-паша, исправлявшій должность военнаго прокурора, немедленно приступилъ къ допросу Фаика-паши. Показанія послѣдняго, внесенныя въ особый протоколъ, были представлены военному министру военнымъ прокуроромъ настоящаго суда, дивизіоннымъ генераломъ Вахидъ-пашою. Вслѣдъ за этимъ былъ представленъ въ судъ обвинительный актъ, заключавшій четыре пункта, на основаніи которыхъ обвиняемый былъ судимъ.

Изъ этого перваго обвинительнаго акта, изъ отвѣтовъ Фаика-паши на предложенные ему во время судебнаго слѣдствія вопросы, и изъ рапорта, представленнаго Фаикомъ-пашой въ военный судъ, въ отвѣтъ на второй обвинительный актъ, составленный военнымъ прокуроромъ, и наконецъ на основаніи доказательствъ и заключеній изъ этихъ документовъ могла быть опредѣлена степень отвѣтственности этого начальника, вслѣдствіе чего онъ, согласно закону, былъ приговоренъ къ нижеслѣдующему наказанію.

Обвинительный актъ Ахмедъ-Фаика-паши.

Пунктъ I. По объявленіи намъ Россіею войны, около середины апрѣля мѣсяца 1877 г. (1293 г.), генералъ Тергукасовъ, съ 12-ю баталіонами пѣхоты, 4-мя полками кавалеріи и 32 орудіями, перешелъ границу около Баязета и направился на этотъ городъ. Отрядъ нашъ, занимавшій Баязетъ, подъ начальствомъ Ахмедъ-бея, и состоявшій всего изъ двухъ баталіоновъ пѣхоты, двухъ эскадроновъ кавалеріи и одной полевой батареи, отряженныхъ отъ войскъ ванскаго отряда, не былъ въ силахъ задержать наступленіе непріятеля и отошелъ, согласно приказанію, къ *Баргири*, къ сторонѣ Вана. Такимъ образомъ русскіе безъ выстрѣла заняли Баязетъ, въ которомъ оставили одинъ баталіонъ съ частью кавалеріи. Остальныя войска ихъ продолжали наступать по большой дорогѣ на Эрзерумъ. Образовавъ во время этого движенія въ *Діадинъ*, *Ючь-Килисъ* и въ другихъ пунктахъ нѣсколько складовъ боевыхъ и продовольственныхъ запасовъ и оставивъ для обезпеченія ихъ небольшіе отряды въ сто или въ полтораста человѣкъ (смотря по важности), они съ необычайною быстротою наступали все дальше по направленію равнинъ Алашкерта.

Съ цѣлью остановить движеніе непріятеля и принудить его къ отступленію, было признано необходимымъ снова занять Баязетъ и тѣмъ отрѣзать ему путь отступленія. Задача эта могла быть исполнена лишь войсками ванскаго отряда, занимавшимъ обезпеченное со всѣхъ

сторонъ расположеніе. Главнокомандующій 23-го апрѣля 1877 г. (1293 г.) возложилъ исполненіе этой задачи на Фаика-пашу, начальника ванскаго отряда, подъ начальство котораго ежедневно поступали новыя силы. 24-го апрѣля Фаикъ-паша донесъ главнокомандующему телеграмою, что предполагаетъ поручить бригадному генералу Мехметъ-Муниле-пашѣ, занятому въ это время формированіемъ подходившихъ частей войскъ и отправкою продовольствія, двинуться со 2-мъ и 3-мъ баталіонами ванскаго резерва на присоединеніе къ баязетскимъ баталіонамъ, отступившимъ къ *Баргири*. Другою телеграмою отъ 1-го мая 1877 г. (1293 г.) онъ доносилъ главнокомандующему, что только-что выслалъ одинъ баталіонъ въ с. *Баязетъ-Ага*, находящееся въ разстояніи 4—5 часовъ отъ *Баргири*. Съ остальными частями онъ намѣревался выступить къ Баязету самъ, какъ только получатся боевые припасы.

28-го апрѣля главнокомандующій телеграмою, которая была получена лишь 3-го мая, предписалъ Фаику-пашѣ не начинать движенія, не пополнивъ предварительно недостающихъ запасовъ, что, конечно, вынуждало Фаика-пашу простоять нѣсколько дней въ Баргири.

Между тѣмъ недостающіе боевые припасы, въ особенности тѣ, которые необходимы для боевой готовности войскъ, были высланы 7-го мая 1877 г. (1293 г.) изъ центральнаго склада. Въ это время всѣ 6½ баталіоновъ регулярныхъ и резервныхъ войскъ были сосредоточены у Баргири. При нихъ находилась и часть придаточныхъ (баши-бузуки, т. е. народное ополченіе) войскъ пѣхоты и кавалеріи. Слѣдовательно, съ этими силами, Фаикъ-паша имѣлъ возможность и былъ обязанъ, около половины мая, взять обратно у непріятеля Баязетъ, тогда какъ онъ, основываясь на вышеупомянутомъ предписаніи главнокомандующаго «не начинать движенія не пополнивши предварительно запасовъ», ждалъ припасы полностью и не предпринялъ никакого наступательнаго движенія. Наконецъ лишь вынужденный двумя предписаніями главнокомандующаго отъ 25-го и 31-го мая 1877 г. (1293 г.) перейти въ наступленіе, онъ волею-неволею, 5-го іюня, въ воскресенье, достигъ мѣстности, называемой *Теперизъ*, находящейся въ 3-хъ-часовомъ разстояніи отъ Баязета. Разстояніе отъ *Теперизa* до *Вана*—27, а до *Баргири* 12 часовъ, а между тѣмъ прошло болѣе 40 дней со дня полученія Фаикомъ-пашою предписанія наступать на Баязетъ—до дня прибытія послѣдняго въ Теперизъ. Если бы Фаикъ-паша, безъ потери времени, двинулся со ввѣреннымъ ему отрядомъ на Баязетъ съ желаемою быстротою, то послѣдній легко могъ быть взятъ обратно у непріятеля, занимавшаго

его незначительными силами. Отрядъ Тергукасова, угрожаемый потерею пути отступленія, по всѣмъ вѣроятіямъ, отошелъ бы за границу.

Пунктъ II. Два дня до прибытія ванскаго отряда въ Теперизъ, часть находившихся здѣсь придаточныхъ войскъ отправилась въ Баязетъ, гдѣ, разграбивъ имущество и скотъ жителей города и близлежащихъ деревень, снова возвратилась въ Теперизъ. Съ цѣлью отбить угнанный скотъ, небольшой отрядъ русскихъ вышелъ изъ Баязета 6-го іюня, т. е. на другой день послѣ прибытія турецкаго отряда въ Теперизъ, и утромъ того же дня достигъ мѣстности *Индже-Су*, находящейся въ получасовомъ разстояніи отъ Теперизa. Непріятельскій отрядъ вступилъ здѣсь въ дѣло съ придаточными войсками, находившимися на правомъ флангѣ расположенія ванскаго отряда, не подозрѣвая присутствія всего отряда, прибывшаго сюда лишь 24 часа тому назадъ. Неожиданное появленіе двухъ ротъ пѣхоты и двухъ эскадроновъ кавалеріи съ нѣсколькими орудіями заставило ихъ обратиться въ бѣгство. Наши солдаты преслѣдовали и перебили значительное число ихъ. Остальные скрылись въ оборонительныхъ казармахъ Баязета. Во время отступленія русскихъ, преслѣдуемыхъ нашею кавалеріею и придаточными войсками, *Шейхъ-Джелалъ-Эддинъ*-ефенди, начальникъ иррегулярныхъ войскъ, предложилъ маіору *Мегмету-Агѣ* перейти въ наступленіе съ остальными баталіонами, на что послѣдній не согласился, объявивъ, что отрядный начальникъ уже отдалъ приказаніе для преслѣдованія непріятеля. Слѣдуетъ замѣтить, что такъ какъ главная цѣль командовавшаго отрядомъ заключалась въ томъ, чтобы угрожать сообщеніямъ отряду Тергукасова, то необходимо было всему отряду участвовать въ преслѣдованіи бѣжавшихъ къ Баязету русскихъ и овладѣть этимъ городомъ. Тогда русскій отрядъ, понесшій большія потери при отступленіи, при видѣ наступленія всего нашего отряда на Баязетъ, скоро убѣдился бы въ невозможности удерживаться въ оборонительныхъ казармахъ и положилъ бы оружіе.

При движеніи обыкновеннымъ маршемъ, отъ Теперизa до Баязета три часа ходу, при весьма благопріятныхъ условіяхъ мѣстности для движенія войскъ. Два баталіона отряда, составлявшіе прежде гарнизонъ Баязета подъ начальствомъ полковника Ахмедъ-бея, имѣли, конечно, нѣсколько офицеровъ, знавшихъ топографическія условія этой мѣстности, подъ руководствомъ которыхъ слѣдовало бы непремѣнно войти въ Баязетъ. Однимъ словомъ, въ этотъ день не было никакой причины откладывать наступленіе и не было препятствія для его исполненія.

Телеграма Фаика-паши къ главнокомандующему ясно доказываетъ,

что уже наступленіе на Баязетъ было рѣшено на этотъ день, что всѣ необходимыя для того распоряженія были сдѣланы и лишь въ виду какихъ-то замѣшательствъ, могшихъ послѣдовать при этомъ движеніи, наступленіе было отложено до слѣдующаго дня. Итакъ, Фаикъ-паша не воспользовался разстройствомъ непріятеля для наступленія, пропустилъ удобнѣйшее на это время и упустилъ благопріятную минуту. Все это заключаетъ въ себѣ нарушеніе возложенной на него задачи и составляетъ ошибку.

Пунктъ III. Фаикъ-паша, телеграмою отъ 6-го іюня 1877 г. (1293 г.), доносилъ главнокомандующему, что, по случаю нѣкоторыхъ затрудненій, явившихся вслѣдствіе дѣла у *Индже-Су*, онъ рѣшился не двигаться, въ этотъ день, съ ввѣреннымъ ему отрядомъ на Баязетъ, но что на слѣдующій день лично поведетъ туда всѣ находящіяся подъ его начальствомъ войска. Однакоже онъ почему-то не рѣшился дѣйствовать согласно этому донесенію и, выдѣливъ лишь два батальона съ тремя орудіями, направилъ только ихъ къ вышеназванному мѣсту. Съ остальною частью отряда онъ не покидалъ занятаго имъ расположенія у Тепериза до 28-го іюня, т. е. до того дня, когда русскіе, появившись въ достаточныхъ силахъ передъ Баязетомъ, сняли блокаду и отняли у насъ три полевыхъ орудія.

Раздѣлить отрядъ на двѣ неровныя части, выслать одну на Баязетъ и удержать наибольшую у Тепериза—значило сдѣлать ошибку противъ началъ тактики, ибо непріятель, настигнувъ часть, находящуюся внѣ возможности быть во-время поддержанною, могъ уничтожить ее и затѣмъ, направившись на другую, также разбить ее. Вотъ единственная причина нашей неудачи въ этотъ день подъ Баязетомъ.

Мы сдѣлали запросъ Фаику-пашѣ, какія причины воспрепятствовали ему двинуть весь отрядъ на Баязетъ немедленно послѣ дѣла у Индже-Су или не позднѣе слѣдующаго дня? Онъ отвѣчалъ, что, не сдѣлавъ предварительной рекогносцировки мѣстности, онъ не осмѣлился преслѣдовать разбитаго у Индже-Су непріятеля въ тотъ же день, но что на слѣдующій день онъ направилъ два баталіона къ Баязету, и если удержалъ въ Теперизѣ остальныя свои силы, то это было сдѣлано съ цѣлью обезпеченія пути отступленія отряда.

Доводы эти совсѣмъ не убѣдительны, такъ какъ всѣ баталіоны отряда, во время дѣла у Индже-Су, по всему вѣроятію, были подъ ружьемъ и въ полной готовности къ наступленію. Дѣло окончилось еще утромъ; мѣстность между *Батарисе* и *Баязетомъ* не представляла неудобствъ для движенія войскъ; наконецъ, какъ было уже сказано выше, стоявшіе въ Баязетѣ гарнизономъ баталіоны несомнѣнно

имѣли офицеровъ, знавшихъ эту мѣстность, подъ руководствомъ которыхъ было бы весьма легко направить войска къ Баязету. Слѣдовательно, съ этого же дня надо было начать движеніе. Затѣмъ, къ Баязету съ одной стороны подходила граница нейтральной Персіи, съ другой—примыкалъ Ванскій вилайетъ, съ третьей проходила большая эрзерумская дорога, и только со стороны каракулакской дороги оставался открытый доступъ къ нему изъ Россіи. Русскіе имѣли возможность лишь съ этой одной стороны подойти къ Баязету, почему приведенныя Фаикомъ-пашою причины о необходимости обезпеченія своего пути отступленія ни на чемъ не основаны, и грустныя послѣдствія сосредоточенія у Тепериза безъ всякой надобности большей части отряда, неминуемо должны были отозваться на нашей арміи.

Пунктъ IV. Для генерала, которому правила осадной войны извѣстны, было обязательно предложить непріятелю, засѣвшему въ Баязетѣ и укрывшемуся въ его оборонительныхъ казармахъ, сдаться, а въ случаѣ сопротивленія—уничтожить. Фаикъ-паша не пожелалъ выполнить въ точности это правило. Осажденные болѣе всего страдали отъ недостатка въ водѣ, которую они добывали не иначе, какъ извнѣ. Слѣдовало не допускать противника пользоваться водой. Между тѣмъ осажденный, устроивъ ходъ за казармою, высылалъ каждую ночь по двадцати человѣкъ безъ оружія за водою, и по двадцати вооруженныхъ для охраны, и такимъ образомъ никогда не имѣлъ недостатка въ водѣ. Свободнымъ выходомъ въ поле осажденные пользовались и для сообщенія съ главнымъ отрядомъ. Захваченные однажды четыре человѣка въ плѣнъ изъ конвоировавшихъ транспортъ съ водою, передъ отправленіемъ въ Константинополь, показали, что гарнизонъ увѣдомилъ своего отряднаго начальника о твердой рѣшимости, въ ожиданіи подкрѣпленій, держаться до послѣдней крайности. Два изъ нихъ получили приказаніе передать о томъ письменное донесеніе.

Судя по этимъ обстоятельствамъ, слѣдуетъ признать, что правила осадной войны не были соблюдены нашимъ отряднымъ начальникомъ. На сдѣланный Фаику-пашѣ по этому поводу допросъ онъ отвѣчалъ, что оборонительная казарма не могла быть разрушена вслѣдствіе недѣйствительности артилерійскаго огня, и что на пространствѣ между сдѣланнымъ русскими выходомъ и мѣстомъ, откуда доставалась вода, по скалистому характеру почвы не было никакой возможности устроить прикрытій для пѣхоты. Между тѣмъ казарма представляла нѣсколько уязвимыхъ мѣстъ, а вышеупомянутое пространство, по произведенному на мѣстности осмотру, оказалось вполнѣ удобнымъ для устройства на

немъ прикрытій для пѣхоты съ цѣлью воспрепятствовать осажденному непріятелю дальнѣйшее снабженіе водою. Кромѣ того, столь упорное сопротивленіе горсти людей противъ цѣлаго отряда, не бывшаго въ состояніи раздавить осажденныхъ, не дѣлаетъ ему чести.

Пока осажденные въ Баязетѣ не сдались, непріятель не могъ упускать изъ вида этого города и, безъ сомнѣнія, долженъ былъ появиться въ достаточныхъ силахъ для его освобожденія. Фаикъ-паша обязанъ былъ двинуться со всѣми своими силами, съ цѣлью взять въ плѣнъ русскій гарнизонъ, или отъ него избавиться какимъ либо другимъ способомъ. Въ этомъ смыслѣ телеграфировалъ ему главнокомандующій 18-го и 20-го іюня 1877 г. (1293 г.), но Фаикъ-паша не исполнилъ этихъ предписаній. Ванскій генералъ-губернаторъ сообщилъ ему полученную отъ перваго секретаря императорскаго двора депешу, составленную въ томъ же смыслѣ, и указывалъ мѣры, какія должны были быть приняты Фаикомъ-пашою. Но послѣдній даже не отвѣчалъ генералъ-губернатору, который былъ вынужденъ обратиться 16-го іюня телеграмою къ главнокомандующему.

Итакъ, неисполненіе данныхъ Фаику-пашѣ приказаній и указаній имѣло послѣдствіемъ потерю Баязета.

Пунктъ V. Чтобы воспрепятствовать наступательному движенію Тергукасова, взявшаго безъ выстрѣла Баязетъ и двигавшагося по алашкертской долинѣ, угрозою отрѣзать путь его отступленія въ тылу, главнокомандующій двумя телеграмами отъ 5-го іюня предписывалъ Фаику-пашѣ уничтожить устроенную непріятелемъ телеграфную линію, атаковать двигавшіяся къ нему подкрѣпленія и уничтожить продовольственные транспорты. Эти приказанія не были исполнены.

14-го іюня, Тергукасовъ, потерпѣвъ пораженіе при *Халіасъ*, началъ отступать, преслѣдуемый нашимъ алашкертскимъ отрядомъ. Русскій отрядъ не имѣлъ другаго пути отступленія, какъ большую дорогу на Баязетъ. Отсюда было необходимо не только угрожать тылу Тергукасова, но даже выслать часть иррегулярныхъ войскъ въ Эриванскую провинцію для возбужденія жителей къ возстанію и производства въ ней такого переполоха, который бы помѣшалъ высылкѣ къ Баязету свѣжихъ подкрѣпленій. Если бы всѣ войска, сосредоточенныя въ Тепризѣ, были немедленно направлены на Діадинъ, на путь отступленія непріятеля, то этотъ послѣдній, попавшись между двухъ огней, былъ бы или совершенно уничтоженъ, или по меньшей мѣрѣ понесъ бы такое пораженіе, которое заставило бы его сдаться. Но и этого не было исполнено Фаикомъ-пашою, который такимъ образомъ снова упустилъ удобную минуту.

Между тѣмъ Фаикъ-паша, въ письмѣ своемъ отъ 8-го августа къ главнокомандующему, старается объяснить причину неисполненія его предписанія отъ 18-го іюня чувствомъ преданности и добросовѣстнаго отношенія къ службѣ, не позволившимъ ему исполнить предписанія, коихъ невыгоды онъ заранѣе могъ предвидѣть. Въ отвѣтъ на сдѣланный ему по этому предмету запросъ, Фаикъ-паша отвѣчалъ, что, признавая возможнымъ исполнить лишь часть предписанія отъ 14-го іюня, онъ направилъ на Ипекъ-Гедикъ отрядъ иррегулярной кавалеріи, подъ начальствомъ полковника Ахмедъ-бея; что же касается неудобоисполнимости остальной части вышеупомянутаго предписанія, то онъ сообщалъ уже о томъ главнокомандующему. Но слѣдуетъ замѣтить, что полковникъ Ахмедъ-бей выступилъ на Ипекъ-Гедикъ лишь 20-го іюня, т. е. шесть дней спустя по полученіи предписанія, почему его экспедиція не могла уже привести къ желаемымъ результатамъ; что же касается объясненій Фаика-паши относительно неудобоисполнительности другихъ пунктовъ предписанія, то главнокомандующій заявилъ, что ни телеграмы, ни письма по этому поводу не получалъ, такъ что заявленіе Фаика-паши о сдѣланномъ главнокомандующему письменномъ сообщеніи осталось недоказаннымъ.

Пунктъ VI. 27-го іюня 1877 г. (1293 г.) бригадный генералъ Мехмедъ-Мунибъ-паша изъ подъ Баязета отправилъ начальнику ванскаго отряда, находившемуся въ *Теперизѣ* (въ трехъ часахъ отъ Баязета), одно за другимъ два донесенія, въ коихъ сообщалъ, что непріятельскій отрядъ въ восемь баталіоновъ пѣхоты и два полка кавалеріи переступилъ границу близъ *Каракулахъ-Гедика* и двигается на выручку осажденныхъ. Имѣя въ своемъ распоряженіи лишь три или четыре баталіона пѣхоты съ тремя или четырьмя орудіями, Мунибъ-паша просилъ Фаика-пашу прислать ему подкрѣпленія съ разсвѣтомъ. Одновременно съ этимъ Мунибъ-паша извѣстилъ и Измаилъ-Хакки-пашу, начальника алашкертскаго отряда, о переходѣ русскими границы близъ Каракулаха.

Измаилъ-паша, узнавъ отъ лазутчиковъ о движеніи русскаго отряда на помощь осажденнымъ въ Баязетѣ, съ своей стороны особымъ сообщеніемъ отъ 27-го іюня извѣщалъ объ этомъ Фаика-пашу, настаивая на томъ, чтобы регулярныя войска, находившіяся въ Теперизѣ, немедленно были бы направлены къ Баязету, гдѣ предвидѣлась атака русскихъ на 28-е іюня.

Такимъ образомъ, можно было надѣяться, что Мехметъ-Мунибъ-паша будетъ поддержанъ нашими войсками, стоявшими въ Теперизѣ и Ипекъ-Гедикѣ. Между тѣмъ, 28-го іюня, въ 11 часовъ утра (по турецкому времени), Мехметъ-Мунибъ-паша вступилъ въ бой съ русскимъ

отрядомъ. Фаикъ же паша лишь въ 4 часа съ двумя баталіонами двинулся ему на помощь, но, подойдя къ Баязету, ограничился построеніемъ боеваго порядка, въ чемъ и заключалось все его содѣйствіе въ этомъ дѣлѣ. Обстоятельство это было сообщено намъ (въ отвѣтъ на сдѣланный запросъ) Гассанъ-пашою, ванскимъ генералъ-губернаторомъ, находившимся въ этотъ день на мѣстѣ военныхъ дѣйствій.

Слѣдовательно, Фаикъ-паша не оказалъ никакого содѣйствія въ вышеприведенныхъ дѣлахъ, о чемъ свидѣтельствуютъ и показанія Измаилъ-паши, Гази-Хетиль-паши и маіора Ревми-ефенди.

Несвоевременная помощь баязетскому отряду, оказанная войсками изъ Тепериза и Ипекъ-Гедика, имѣла послѣдствіемъ освобожденіе русскими Баязета отъ нашей блокады, причемъ мы потеряли одну роту плѣнными и лишились трехъ полевыхъ орудій.

Фаикъ-паша, въ присутствіи военнаго суда, былъ опрошенъ относительно того, какая была возложена на него задача во время его командованія ванскимъ отрядомъ и какія инструкціи были даны ему главнокомандующимъ при назначеніи его начальникомъ этого отряда. Фаикъ-паша отвѣчалъ, что задача его заключалась: въ охранѣ ванской дороги, въ прорывѣ русской границы иррегулярными войсками и въ угроженіи пути отступленія русскаго алашкертскаго отряда; но такъ какъ, согласно полученныхъ имъ инструкцій, отрядъ его долженъ былъ состоять изъ 60-ти тысячъ человѣкъ, то инструкція эта не могла имѣть никакого значенія до тѣхъ поръ, пока отрядъ его не былъ доведенъ до этого числа. Затѣмъ Фаикъ-паша представилъ документъ, заключавшій эти инструкціи.

Инструкція начальнику ванскаго отряда. «Въ составъ ванскаго отряда входятъ: два баталіона, расположенные въ Баязетѣ, одинъ баталіонъ, составляющій гарнизонъ Гивара, второй и третій баталіоны ванскаго резерва, три баталіона, формирующіеся изъ мушскихъ редифовъ 3-го призыва и три роты изъ *Альпаи*. Всего 6½ баталіоновъ и двѣ батареи (одна легкая, другая батарейная). Кромѣ того: два эскадрона кавалеріи (одинъ расположенный въ вышеназванной мѣстности, а другой отправленный въ Ванъ); около пяти тысячъ человѣкъ волонтеровъ, могущихъ быть собранными Шейхъ-Абдулла ефенди. Два отряда кавалеріи или пѣхоты, въ четыре или пять тысячъ человѣкъ каждый, также могутъ быть собраны *Середли-Шейхъ-Хамзою* и *Муссулу-Шейхъ-Мехметомъ*. Прежде всего должны быть, какъ можно быстрѣе, сформированы четыре резервныхъ баталіона и собраны войска, обѣщанныя вышеназванными шейхами.

«Генералъ-губернатору сообщено приказаніе собрать до пяти тысячъ

самаръ разныхъ продуктовъ въ Баргири и до 10 тысячъ—въ Ванѣ. Вѣроятно, онъ уже сдѣлалъ всѣ необходимыя распоряженія по этому предмету, но тѣмъ не менѣе слѣдуетъ поспѣшить сборомъ этихъ продовольственныхъ запасовъ въ вышеназванныхъ пунктахъ.

«Въ виду первостепенной важности города Баязета въ раіонѣ дѣйствій ванскаго отряда, слѣдуетъ обратить особое вниманіе на расположенныя въ немъ гарнизономъ войска. Необходимо заготовить для нихъ отъ 2—3 тысячъ головъ скота и пятидневный запасъ сухарей.

«Пока я ([1]) остаюсь въ Карсѣ, предписываю вамъ обо всемъ мнѣ доносить, пользуясь для этого всѣми возможными средствами. Пользуйтесь телеграфомъ; но такъ какъ этотъ способъ сообщенія можетъ легко быть прерванъ самой незначительной случайностью, то телеграфируйте до мѣста порчи, рекомендуя возможную спѣшность дальнѣйшаго отправленія. Гдѣ нѣтъ телеграфа, тамъ употребляйте конныхъ заптій. Съ помощью послѣднихъ будетъ устроена почта, причемъ ихъ посты будутъ находиться въ разстояніи четырехъ часовъ пути одинъ отъ другаго. Для болѣе удобнаго сообщенія съ Баязетомъ вамъ также нужно будетъ въ болѣе важныхъ пунктахъ выставить нѣсколько конныхъ постовъ. Это входитъ въ обязанности каждаго начальника.

«Только что война будетъ объявлена, необходимо сейчасъ же сформировать летучіе отряды изъ лучшихъ всадниковъ курдской и другихъ народностей и произвести набѣгъ въ предѣлы Эриванской провинціи, съ цѣлью вызвать тамъ безпорядки и тѣмъ замедлить переходъ непріятеля черезъ границу. Одновременно съ этимъ вы двинетесь со всѣми ввѣренными вамъ войсками на Баргири и Баязетъ. Если бы персы перешли на сторону русскихъ, то образуйте такія же летучіе отряды и направьте ихъ въ предѣлы Персіи, съ приказаніемъ уничтожать все, что встрѣтятъ на своемъ пути, дабы персы не успѣли бы двинуться.

«По плану военныхъ дѣйствій ванскаго отряда, Баязетъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, будетъ первымъ предметомъ дѣйствія для русскихъ. Если иррегулярнымъ коннымъ отрядамъ не удастся удержать непріятеля отъ вторженія въ предѣлы нашей территоріи, то они направятся на Баязетъ. Въ виду этого слѣдуетъ, на сколько возможно, усилить гарнизонъ этого города и упорно сопротивляться дальнѣйшему наступленію противника.

«Въ случаѣ, если бы непріятель предпринялъ наступленіе также къ проходу Велибаба, находящемуся въ раіонѣ дѣйствія алашкертскаго отряда, то удержаніе здѣсь противника возлагается на этотъ отрядъ. Если же въ этомъ направленіи непріятель не появится, и содѣйствіе

([1]) Инструкція дана муширомъ Мухтаромъ-пашой.

вышеупомянутаго отряда не потребуется къ сторонѣ Эрзерума, начальникъ алашкертскаго отряда можетъ, если найдетъ нужнымъ, двинуться на помощь къ Баязету.

«Если предположенія эти осуществятся, слѣдуетъ приложить всѣ усилія, чтобы оттѣснить непріятеля, продвинувшагося до вышеуказанной мѣстности. Вы должны поддержать наши операціи въ баязетскомъ раіонѣ военныхъ дѣйствій, въ особенности въ томъ случаѣ, когда алашкертскій отрядъ былъ бы занятъ на другомъ пунктѣ и не могъ бы туда прислать подкрѣпленія. Въ случаѣ, если бы баязетскому отряду не удалось воспрепятствовать наступленію непріятеля, ему слѣдуетъ отойти къ Теперизу, стараясь войти въ связь съ войсками ввѣреннаго вамъ отряда. Если, наконецъ, Богу не будетъ угодно, чтобы онъ и здѣсь задержался, онъ можетъ выбрать другую удобную позицію, или отойти къ Баргири, гдѣ долженъ держаться до послѣдней крайности. Въ послѣднемъ случаѣ вы приложите всѣ усилія, чтобы разбить и разсѣять непріятеля.

«Весьма вѣроятно, что, благодаря рѣшительному сопротивленію нашихъ войскъ, непріятелю не удастся овладѣть Баргири, и что тогда онъ обратится противъ алашкертскаго отряда, заперевъ дорогу на Ванъ. Въ этомъ случаѣ мы будемъ имѣть возможность обойти его между Топрахъ-Кале и Баязетомъ со стороны Батпуса, Хамура и Антапа, а иррегулярная кавалерія должна стараться выдти ему въ тылъ.

«Хотя трудно предполагать, чтобы мы были принуждены отступить за Баргири, но тѣмъ не менѣе, однако же, можетъ случиться, что, вслѣдствіе превосходства въ силахъ противника и неудачи съ нашей стороны, такое отступленіе и было бы вынуждено.

«Въ этомъ случаѣ пришлось бы отходить на Ванъ, въ виду чего прошу васъ заблаговременно выбрать оборонительныя позиціи и пункты, которые должны быть укрѣплены. При этомъ слѣдуетъ не упускать изъ вида, что ванская дорога должна быть заперта для непріятеля.

«Если бы, наоборотъ, при открытіи кампаніи нашимъ иррегулярнымъ коннымъ отрядамъ удалось бы поставить противника въ затруднительное положеніе въ Эриванской провинціи и воспрепятствовать ему перейти въ наступленіе, всему ванскому отряду слѣдуетъ произвести рѣшительное наступленіе и перейти чрезъ границу.

«Если непріятель, не имѣвъ успѣха подъ Баязетомъ, гарнизонъ котораго оказался бы достаточнымъ для самостоятельнаго сопротивленія, бросился бы на алашкертскій отрядъ и, оттѣснивъ его,, овладѣлъ Велибабскимъ проходомъ, т. е. эрзерумскою дорогою, тогда ванскій отрядъ долженъ главными своими силами стараться отразить путь от-

ступленія непріятеля и выручить алашкертскій отрядъ. Кромѣ того, ванскій отрядъ на сколько возможно долженъ угрожать Эриванской провинціи.

«Не считаю нужнымъ говорить о томъ, что всѣ инструкціи основаны лишь на предположеніяхъ, а слѣдовательно невозможно предугадать, что̀ случится въ дѣйствительности.

«Для случаевъ непредусмотрѣнныхъ, начальники обязаны обращаться къ главнокомандующимъ, и въ то же время сообщаться съ сераскеріатомъ».

На основаніи этой инструкціи, ванскій отрядъ долженъ былъ возрасти до 60 тысячъ человѣкъ, тогда какъ въ дѣйствительности онъ состоялъ лишь изъ 3,500 человѣкъ регулярныхъ войскъ, 2,000 человѣкъ иррегулярной кавалеріи и 6,000 человѣкъ иррегулярной пѣхоты. При этомъ надобно замѣтить, что эти силы не были еще собраны, когда Фаикъ-паша прибылъ въ Ванъ, за три дня до объявленія войны. Между тѣмъ, спустя два или три дня послѣ разрыва, русскіе уже перешли границу у Каракулаха. Когда комендантъ Баязета, маіоръ Мехметъ-Ага, просилъ подкрѣпленія и указанія способа дѣйствія, Фаикъ-паша имѣлъ въ своемъ распоряженіи только 270 человѣкъ ванскаго гарнизона, почему предлагалъ Мехмету-Агѣ просить усиленія отъ алашкертскаго отряда. Ванскій отрядъ достигъ вышеуказанныхъ цифръ лишь около 9-го или 10-го іюня, т. е. въ то время, когда онъ находился уже въ Теперизѣ.

При выступленіи изъ Вана Фаикъ-паша имѣлъ два резервныхъ баталіона (одинъ 2-го призыва, въ 600 человѣкъ, а другой 3-го призыва, въ 400 человѣкъ), эскадронъ регулярной кавалеріи и одну батарею. Иррегулярныхъ войскъ въ это время при немъ не было.

Прибывъ въ Баргири, онъ нашелъ здѣсь 6½ баталіоновъ, но недостатокъ въ перевозочныхъ средствахъ,—именно для отряда было необходимо пріобрѣсть по крайней мѣрѣ 300 вьючныхъ животныхъ,—и малый запасъ продовольствія принудили его долго оставаться въ Баргири. Тѣмъ не менѣе, когда до Фаика-паши дошло извѣстіе о наступленіи русскаго отряда въ направленіи на Ванъ, онъ тотчасъ же отрядилъ два баталіона (гиварскихъ), снабдилъ ихъ палатками и боевыми припасами и, подъ начальствомъ подполковника Хайри-бея, направилъ къ Баязету. Высланный отрядъ занялъ позиціи у сел. Ибкой, на которой и остановился. Такъ какъ положеніе этого отряда, по значительному отдаленію отъ главныхъ силъ и близости противника, было рискованно, Фаикъ-паша самъ двинулся 9-го мая изъ Баргири съ двумя

баталіонами и горною артилеріею въ Ибкой, имѣя при себѣ полный комплектъ боевыхъ артилерійскихъ зарядовъ. Собранную же имъ курдскую кавалерію, въ числѣ около 500 всадниковъ съ двумя конными орудіями регулярной артилеріи, онъ бросилъ на аванпосты противника, который, послѣ незначительныхъ стычекъ, къ вечеру отступилъ, оставя на мѣстѣ нѣсколько убитыхъ. Недостатокъ въ продовольствіи и боевыхъ припасахъ заставилъ отрядъ простоять двадцать дней въ Ибкоѣ. Фаикъ-паша не двинулся впередъ во все это время, во-первыхъ, потому, что не имѣлъ съ собою необходимаго числа патроновъ на одно сраженіе, т. е. по 12 пачекъ на людяхъ и по 18 дюжинъ на вьюкахъ въ запасѣ; во-вторыхъ, вслѣдствіе невозможности оставаться безъ палатокъ. Къ тому же самъ главнокомандующій ему предписывалъ «не предпринимать наступленія, не пополнивъ предварительно запасовъ». Вотъ что̀ заставило Фаика-пашу такъ долго оставаться на Ибкоѣ, о чемъ онъ въ свое время увѣдомлялъ самого главнокомандующаго.

Когда же недостатокъ въ запасахъ и въ перевозочныхъ средствахъ былъ пополненъ, онъ снова продолжалъ свое наступательное движеніе.

Военный судъ, основываясь на имѣвшихся по этому дѣлу документахъ, замѣтилъ Фаику-пашѣ, что къ 14-му мая, когда онъ находился въ Ибкоѣ, къ отряду въ разное время уже прибыло до 785 вьючныхъ животныхъ, зачисленныхъ въ находившіеся подъ его начальствомъ баталіоны, что̀ явствуетъ изъ отчетности упомянутыхъ баталіоновъ. Того же числа въ Баргири находилось до 3,200 самаръ зерноваго хлѣба (каждая самара въ 280 окъ вѣсу) и до 500 самаръ ячменю (за исключеніемъ того количества, которое было роздано въ части войскъ) и кромѣ того много другихъ продуктовъ.

3-го мая 1877 г. (1293 г.) главнокомандующій телеграфировалъ Фаику-пашѣ, что непріятель находился въ Балзетѣ, и потому предписывалъ ему со всѣми силами, сосредоточенными въ Баргири, двинуться немедленно впередъ. Фаикъ же паша не исполнилъ этого приказанія, почему военный судъ предложилъ ему выяснить, какія именно причины воспрепятствовали ему въ этотъ день исполнить приказаніе главнокомандующаго.

Фаикъ-паша отвѣчалъ, что онъ не оспариваетъ факта присутствія въ отрядѣ около 700 вьючныхъ животныхъ, какъ этотъ фактъ выясняется баталіонною отчетностью; но что въ томъ случаѣ, если бы онъ передвинулся къ Теперизу, эти же перевозочныя средства должны были бы быть употреблены и для транспортированія продовольственныхъ запасовъ изъ Баргири. Къ тому же ожидалось прибытіе значительнаго числа иррегулярныхъ войскъ, которыя также нуждались бы

въ продовольствіи. Затѣмъ, Баязетъ-Ага, избранный центральнымъ складочнымъ пунктомъ, потребовалъ перевозку продовольственныхъ запасовъ и сухарей также на этихъ вьючныхъ животныхъ, что заняло не мало времени. Въ это же время дошли извѣстія о движеніи русской кавалеріи на Бапмусъ (?). Было необходимо повременить движеніемъ до разъясненія этого обстоятельства. Между тѣмъ постепенно прибывали партіи курдскихъ волонтеровъ, которыхъ нужно было организовать, вооружать и снабжать всѣмъ необходимымъ.

Правительство, правда, распорядилось перевозкою продовольственныхъ запасовъ до Баргири, но затѣмъ дальнѣйшая доставка ихъ до Тепериза и Баязетъ-Аги требовала—500 лошадей. Для перевозки артилерійскихъ припасовъ на двѣ батареи нужно было—170 лошадей, и хозяйственныхъ принадлежностей двухъ баталіоновъ—40; въ общей же сложности требовалось—930 лошадей.

Относительно 700 лошадей, которыя должны были находиться въ распоряженіи отряда, еще надобно замѣтить, что *Шейхъ-Джелалединъ-ефенди* перехватывалъ ихъ посредствомъ своихъ людей и зачислялъ въ баталіоны.

Фаикъ-паша свидѣтельствовалъ, что неоднократно также доносилъ главнокомандующему о недостаткѣ боевыхъ припасовъ.

Касательно обвиненія его въ томъ, что неуспѣхъ алашкертскаго отряда былъ слѣдствіемъ неисполненнаго имъ наступленія къ Теперизу, онъ заявилъ, что не принимаетъ и не можетъ принять на себя этой отвѣтственности.

Полковникъ Ахмедъ-бей свидѣтельствуетъ, что съ 13-го мая Фаикъ-паша не принималъ никакихъ мѣръ для наступленія изъ Ибкои, самъ даже вернулся въ Баргири и лишь 26-го числа прибылъ обратно къ отряду. Фактъ этотъ, выясненный документами, ясно доказываетъ, что Фаикъ-паша не намѣревался предпринимать дальнѣйшаго наступленія.

На сдѣланный ему по этому поводу запросъ, Фаикъ-паша отвѣчалъ, что Ахмедъ-бей не могъ знать: имѣлъ ли онъ намѣреніе наступать или нѣтъ; что до 13-го или 14-го мая онъ находился въ Ибкои, и что въ то время, когда онъ предполагалъ произвести со своими войсками наступленіе одновременно съ алашкертскимъ отрядомъ, была получена телеграма отъ главнокомандующаго отъ 10-го мая, доставленная ему лишь 14-го числа. Главнокомандующій увѣдомилъ, что алашкертскій отрядъ не можетъ наступать, и предписывалъ ему принять всѣ мѣры для того, чтобы отбросить противника, пользуясь своимъ расположеніемъ и удобными условіями мѣстности. Во исполненіе этого предписанія онъ оттѣснилъ непріятеля изъ окрестностей Ибкоя. Если же онъ вернулся

обратно въ Баргири, то тамъ его личное присутствіе было необходимо для организаціи иррегулярныхъ войскъ, возстановленія мельницъ и транспортированія запасовъ въ Баязетъ-Агу. Сдѣлавъ всѣ эти распоряженія, онъ снова вернулся въ Ибкой; но находился ли онъ въ Ибкоѣ или въ Баргири—разницы для дѣла отъ того не было большой, такъ какъ отъ Ибкоя въ Баргири только 5—6 часовъ пути. Если бы Ахмедъ-бей получилъ какія-либо важныя извѣстія изъ передовыхъ отрядовъ, выдвинутыхъ по большой дорогѣ и на Соукъ-Су, онъ имѣлъ бы всегда возможность, по первому донесенію Ахмедъ-бея, во-время прибыть къ отряду. Отвѣтственность можетъ ложиться на него только въ томъ случаѣ, если бы при важныхъ обстоятельствахъ его не было бы при отрядѣ. Какъ начальникъ отряда, онъ, вмѣстѣ съ бригаднымъ генераломъ Мехмедъ-Мунибъ-пашой, произвелъ рекогносцировку мѣстности, вернулся въ Баргири при этомъ и вообще во всемъ своемъ поведеніи ничего неправильнаго не находитъ.

Военный судъ замѣтилъ Фаику-пашѣ, что депеша главнокомандующаго, отъ 7-го мая 1877 г. (1293) года, ему предписывала перейти въ наступленіе, и что имѣвшіяся у него инструкціи не потеряли своего значенія.

Фаикъ-паша отвѣчалъ, что онъ телеграфировалъ главнокомандующему, что, не смотря на недостатокъ въ боевыхъ припасахъ, онъ, тѣмъ не менѣе, предполагаетъ наступать, но главнокомандующій предписалъ ему не двигаться впередъ, не пополнивъ предварительно своихъ запасовъ. Вотъ почему онъ не двигался до полученія телеграмы главнокомандующаго отъ 25-го мая, предписывавшей ему наступать. Тогда онъ выступилъ, и въ первыхъ числахъ іюня достигъ *Соукъ-Су*, а 5-го числа того же мѣсяца занялъ—*Теперизъ*. Далѣе онъ заявлялъ, что, согласно полученнымъ имъ инструкціямъ, онъ долженъ былъ имѣть подъ своимъ начальствомъ, кромѣ регулярныхъ баталіоновъ, еще до 60,000 человѣкъ хорошо организованныхъ и дисциплинированныхъ иррегулярныхъ войскъ, между тѣмъ какъ при движеніи его изъ Ибкоя весь отрядъ его состоялъ лишь изъ 5½ баталіоновъ съ одною легкою и одною полевою батареями, и изъ 3,000 человѣкъ иррегулярныхъ войскъ. Число вьючныхъ лошадей не превышало 800.

На шестой день по прибытіи отряда въ Теперизъ, непріятельскій отрядъ изъ Баязета приблизился къ Индже-Су и завязалъ дѣло съ нашими иррегулярными войсками, для поддержанія которыхъ онъ двинулъ сначала два эскадрона кавалеріи, приблизившейся къ непріятелю на 500 метровъ и открывшей по немъ огонь, а потомъ одинъ за другимъ два баталіона, появленіе которыхъ заставило русскихъ отступить, причемъ

иррегулярныя войска преслѣдовали противника. Онъ не двинулся вслѣдъ за отступавшимъ непріятелемъ со всѣми силами, потому что не считалъ возможнымъ оставить незанятою теперизскую позицію въ виду ея важнаго значенія на пути отступленія ванскаго отряда. Но на слѣдующій же день были двинуты два баталіона на подкрѣпленіе Мехмеда-Муниба-паши, которому въ то же время было приказано стѣснить блокаду казармы Баязета и стараться захватить въ плѣнъ осажденныхъ. Посылать весь отрядъ къ Баязету онъ считалъ излишнимъ еще потому, что съ обратнымъ взятіемъ города отъ непріятеля одна казарма, оставшаяся въ его рукахъ, не имѣла особенно важнаго стратегическаго значенія. Прибывъ лично къ Баязету, онъ выбралъ позиціи на возвышенности, находящейся въ 500—600 метрахъ къ сѣверу отъ правительственнаго конака, поставилъ на ней три полевыхъ орудія и началъ бомбадировать казарму. Вскорѣ съ правой стороны крыши казармы былъ выкинутъ бѣлый флагъ. Огонь изъ орудій былъ тотчасъ же прекращенъ, и осажденные уже начали выходить изъ казармы, чтобы сдаться военноплѣнными (?), какъ вдругъ были атакованы толпою курдовъ, внезапно появившихся изъ-за скалъ. Непріятель поспѣшно укрылся обратно въ казарму и открылъ жестокій огонь во всѣ стороны. Мы отвѣчали на его канонаду.

Нѣсколько дней спустя, наши иррегулярныя войска окружили небольшой отрядъ русской кавалеріи, направившійся къ Карабулаху и принужденный искать спасенія въ домахъ у подошвы казармы. При этомъ было взято 37 человѣкъ плѣнными и захвачено много лошадей. Плѣнные и убитые были ограблены.

Для полнаго обложенія Баязета требовалось 20 баталіоновъ для осаждающихъ, тогда какъ осажденнымъ для обороны бреши, ими же сдѣланной для снабженія гарнизона водой, было достаточно одной роты. Прибывшіе къ Баязету за пять или за шесть дней до появленія русскихъ, Измаилъ-паша и генеральнаго штаба полковникъ Аксифъ-бей одобрили всѣ сдѣланныя имъ распоряженія. Съ тѣми средствами, которыми онъ располагалъ, было сдѣлано все, что только было возможно для того, чтобы заставить русскій гарнизонъ сдаться или его уничтожить, и не его вина, если, наконецъ, русскіе въ Баязетѣ были освобождены во время командованія войсками Измаила-паши. Онъ сдѣлалъ все для достиженія своей цѣли, даже прислалъ подъ Баязетъ два единорога изъ шести, имѣвшихся въ его распоряженіи. Къ сожалѣнію, ихъ нельзя было употребить въ дѣло, почему Мунибъ-паша и вернулъ ихъ назадъ.

Когда шеститысячный непріятельскій отрядъ наступалъ на Баязетъ,

то сперва Мехмедъ-Мунибъ-паша, а затѣмъ Измаилъ-паша письменно запросили Фаикъ-пашу, какія онъ предполагаетъ принять мѣры. Послѣдній тотчасъ же отвѣчалъ Измаилъ-Хакки-пашѣ, прося его немедленно выслать шесть баталіоновъ и одну легкую батарею; письмо это было отправлено въ присутствіи Гассанъ-паши, ванскаго генералъ-губернатора. Затѣмъ онъ отдалъ приказаніе полковнику Ахмедъ-бею съ баталіонами и полевою артилеріею идти къ Баязету, а маіора Гуссейнъ-Ага съ иррегулярною кавалеріею выдвинулъ по дорогѣ въ *Визе*, къ *Яйланлы* и *Карабулаку*. Одновременно съ этимъ онъ послалъ приказаніе начальникамъ иррегулярныхъ частей двигаться со всѣми ввѣренными имъ войсками къ Баязету. Сдѣлавъ всѣ эти распоряженія, Фаикъ паша, вмѣстѣ съ генералъ-губернаторомъ Вана, отправился изъ Тепериза къ Баязету, куда прибылъ еще до появленія противника. Онъ лично осмотрѣлъ позиціи и разставилъ войска. Приблизившагося со стороны Зенгизара непріятеля онъ остановилъ и завязалъ съ нимъ бой, продолжавшійся девять часовъ. Баталіонъ Дживре (?), занимавшій возвышенную позицію, былъ атакованъ съ трехъ сторонъ, и хотя выказалъ упорныя сопротивленія, но, не имѣвъ резерва, былъ принужденъ къ отступленію. Противникъ воспользовался командующею высотою и открылъ съ нея частый огонь по баталіонамъ, расположеннымъ внизу и находившимся подъ начальствомъ Мехмета-паши. Атакованный съ фланга еще другою непріятельскою пѣхотою, Мунибъ-паша отступилъ, оставя два орудія. При отступленіи одно орудіе было поставлено на возвышенную точку съ возможностью обстрѣливать всю мѣстность вокругъ; но скоро это орудіе сдѣлалось цѣлью всей непріятельской артилеріи, и когда одинъ изъ маіоровъ былъ раненъ, прислуга бросила орудіе и обратилась въ бѣгство. Лѣвый флангъ, въ составѣ одного баталіона и шести ротъ, подъ начальствомъ полковника Ахмедъ-бея, при видѣ отступленія Мунибапаши, также началъ отходить. Во время этого боя баталіонъ Дживре разстрѣлялъ всѣ свои патроны, а 2-й баталіонъ 6-го полка и 3-й баталіонъ 3-го полка — одну треть. Что касается количества израсходованныхъ патроновъ другими частями, то оно неизвѣстно.

Вотъ какимъ образомъ произошло освобожденіе осажденнаго въ Баязетѣ непріятеля, стоившее намъ двѣ роты захваченныхъ въ плѣнъ и трехъ полевыхъ орудій. Главная причина неудачи заключается, очевидно, въ томъ, что Измаилъ-Хакки-паша не подоспѣлъ во-время на поле сраженія. Онъ, Фаикъ-паша, никогда не сомнѣвался въ томъ, что непріятель не замедлитъ явиться на выручку баязетскаго гарнизона въ значительныхъ силахъ. Охранять весь баязетскій раіонъ съ 3,000

людей недостаточно по всѣмъ правиламъ стратегіи. Зная это, онъ просилъ Измаила-пашу довести численность отряда по крайней мѣрѣ до 15 баталіоновъ и прислать еще одну легкую батарею. Въ то же время онъ неоднократно писалъ самъ и черезъ дипломатическаго чиновника Назима-Эффенди ванскому генералъ губернатору, прося поспѣшить высылкою подкрѣпленій.

Русскіе имѣли въ казармѣ два орудія, обстрѣливавшія *Зенгизарское* дефиле.

Фаикъ-паша въ заключеніе присовокупилъ, что въ поведеніи его не было ничего неправильнаго, ни противнаго возложеннымъ на него обязанностямъ.

Показанія плѣнныхъ. Именующіеся: *Сергѣй Ѳадѣевъ*, *Павелъ Тимоѳѣевъ*, *Петръ* и *Хабори* находились въ числѣ осажденныхъ, были захвачены въ плѣнъ и отправлены въ Константинополь, гдѣ вызваны въ военный судъ.

На допросѣ русскій солдатъ Сергѣй Ѳадѣевъ показалъ, что вмѣстѣ съ другимъ укрылся въ казарму, двери которой были завалены камнями, а окна обращены въ бойницы. Воды было на три дня, и когда она кончилась, былъ устроенъ особый выходъ, черезъ который ночью по четыре человѣка отъ каждой роты ходили съ ведрами за водой. Прикрытіемъ этимъ людямъ служилъ конвой въ 20 человѣкъ, каждый разъ по очередно назначаемыхъ отъ ротъ. Такимъ образомъ русскій отрядъ снабжался водою. Турецкая артилерія, правда, стрѣляла по казармѣ, но безъ всякаго результата, во все время вышибивъ лишь два камня. Ружейный огонь турокъ, направленный въ амбразуры казармы, также не причинялъ никакого вреда, и только выстрѣлы, направленные въ тылъ казармы, поражали людей, ходившихъ по двору. Онъ, Сергѣй Ѳадѣевъ, оставался въ казармѣ 18 дней, когда былъ взятъ въ плѣнъ. Вмѣстѣ съ нимъ были захвачены еще пять человѣкъ, также высланные за водою.

Русскій солдатъ, Павелъ, далъ слѣдующее показаніе:

Только что русскій отрядъ занялъ казарму, офицеры приказали немедленно наполнить водою всѣ свободные сосуды. Вскорѣ потомъ воды въ казармѣ не оказалось. Тогда приступили къ устройству прохода въ стѣнѣ и удобнаго сообщенія съ мѣстомъ, гдѣ была вода. Работа продолжалась около недѣли, но не доведена до конца, т. е. до источника, потому что нѣсколько человѣкъ изъ рабочихъ были взяты въ плѣнъ. Сообщеніе было сдѣлано шаговъ на 60, далѣе же ходили открыто. Онъ, Павелъ, ходилъ такимъ образомъ три раза, на четвертый же попался въ плѣнъ. Двадцать человѣкъ, изъ осажденнаго отряда,

назначались обыкновенно для этой работы, а 20 другихъ, при оружіи, охраняли ихъ. Три ставились часовыми для наблюденія, остальные же сопровождали команду съ водой. Съ цѣлью просить подкрѣпленія, были посланы къ главнымъ силамъ одинъ казакъ и армянинъ изъ иррегулярныхъ войскъ.

Военно-плѣнные Петръ и Хаборй подтвердили показанія вышеназванныхъ людей, прибавивъ, что человѣкъ 20 изъ отряда пытались произвести вылазку, для чего разобрали заложенный выходъ казармы; но, потерявъ болѣе половины убитыми, они принуждены были укрыться въ казарму, заваливъ снова выходъ.

Заявленія и показанія бригаднаго генерала Шагинъ-паши, лично видѣвшаго отступленіе русскихъ изъ Баязета, равно какъ и паденіе этой крѣпости, и затѣмъ осматривавшаго совмѣстно съ Фаикомъ-пашою оборонительную казарму этого города.

Городъ Баязетъ находится въ чрезвычайно выгодныхъ условіяхъ для обороны, такъ какъ онъ окруженъ долинами и холмами, въ особенности со стороны Зенгизара, гдѣ онъ окаймленъ скалистыми, утесистыми возвышенностями и трудно проходимымъ горнымъ хребтомъ. Тѣмъ не менѣе, однако же, прилегающая къ самой крѣпости мѣстность, будучи совершенно плоскою, не можетъ быть оборонена малымъ числомъ войскъ. Такъ, напримѣръ, если бы непріятель атаковалъ съ девятью баталіонами, то потребовалось бы восемь для обороны. При защитѣ Баязета необходимо владѣть Зенгизарскимъ проходомъ, имѣющимъ большое стратегическое значеніе, будучи естественнымъ выходомъ для непріятеля, наступающаго на Баязетъ. Въ виду этого слѣдовало выдвинуть три изъ имѣвшихся восьми баталіоновъ на позицію къ западу отъ выхода изъ этого дефиле, поддержавъ ихъ двумя баталіонами, которые расположились бы къ юго-западу отъ этой позиціи. Остальные три баталіона стали бы на восточной сторонѣ дефиле за Зенгизаромъ. Онъ, *Шагинъ-паша*, въ то время предлагалъ эту мѣру.

Тогда военный судъ запросилъ его, считаетъ ли онъ совокупныя силы ванскаго и баязетскаго отрядовъ достаточнымъ для отраженія противника, подошедшаго для освобожденія осажденнаго въ казармѣ отряда. Шагинъ-паша не могъ дать положительнаго отвѣта, такъ какъ для этого необходимо было бы знать силу русскаго подкрѣпленія, которая ему была неизвѣстна. При отступленіи непріятеля онъ вмѣстѣ съ Измаиломъ-пашою въ подзорную трубу могли приблизительно опредѣлить силу его въ шесть или восемь баталіоновъ и четыре полка кавалеріи. Въ виду такихъ силъ противника оборона Баязета съ имѣвшимся у насъ войскомъ была болѣе, чѣмъ возможна. Хотя, съ дру-

гой стороны, ему въ то время еще приходилось слышать отъ Фаика-паши и Мушибъ-паши, что иррегулярное войско постоянно проявляло отсутствіе дисциплины, а слѣдовательно, онъ не могъ сказать, въ какой мѣрѣ оба генерала могли ожидать содѣйствія отъ этихъ войскъ.

Однако же, если въ ванскомъ и баязетскомъ отрядахъ было до 8,000 или 10,000 иррегулярныхъ войскъ, то выгоднѣе было бы выслать ихъ впередъ къ *Джелали-Гедику*, гдѣ они могли бы задержать наступающаго непріятеля, чѣмъ всецѣло употребить ихъ на оборону Баязета. Трудно также опредѣлить, могла ли одна пѣхота отряда Фаика-паши удержать противника въ случаѣ, если послѣдній хотѣлъ бы воспользоваться своими драгунами какъ пѣхотою, спѣшивъ ихъ для боя.

Что касается обязанности ванскаго и баязетскаго отрядовъ удержаться противъ непріятеля, хотя до слѣдующаго утра послѣ несчастнаго баязетскаго боя, дабы соединиться съ войсками Измаила паши, то это было бы возможно, если бы встрѣтили противника при выходѣ его изъ Кенгизарскаго дефиле и заняли необходимые стратегическіе пункты, согласно вышеуказанному предположенію. Въ случаѣ, если бы непріятель обошелъ это дефиле съ западной или восточной стороны, то отрядамъ нашимъ было бы невозможно удержать его. Заявленіе это, сдѣланное Шагинъ-пашою, было предъявлено Фаику-пашѣ, который замѣтилъ, что оно совершенно подтверждало высказанное имъ мнѣніе о томъ, что съ 2,700 чел. регулярной пѣхоты невозможно было удержаться на этой мѣстности, но что тѣмъ не менѣе войска его выдержали семи часовой ожесточенный бой, который въ теченіе $6^1/_2$ часовъ имѣлъ самый жаркій и отчаянный характеръ. Участвовавшіе въ этомъ дѣлѣ могутъ подтвердить это.

Полковникъ Ахмедъ-бей, находившійся въ этой мѣстности во время боя, на сдѣланный ему запросъ отвѣчалъ, что 6-го іюня прибыли въ Теперизъ шесть баталіоновъ регулярной пѣхоты и резервовъ, и два эскадрона регулярной кавалеріи, одна шести-фунтовая и одна полевая батареи. Онъ лично не присутствовалъ во время дѣла при Индже-Су, такъ какъ находился въ Теперизѣ. На слѣдующій день послѣ прибытія его въ послѣднее селеніе, непріятель подошелъ къ Индже-Су, гдѣ иррегулярныя войска наши вступили съ нимъ въ дѣло. Фаикъ-паша же выслалъ туда два регулярныхъ баталіона, два эскадрона регулярной кавалеріи и нѣсколько орудій, точнаго числа котораго онъ не запомнитъ. Непріятель, при видѣ этого подкрѣпленія, отступилъ, преслѣдуемый до самаго Баязета нашими иррегулярными конными и пѣшими частями и регулярною кавалеріей. Начальникъ отряда наблюдалъ за ходомъ дѣла съ самой возвышенной точки у Теперизa. Раз-

стояніе отъ этой точки до мѣста боя трудно опредѣлить по весьма волнистой мѣстности. Непріятель, скрывшись за возвышенностью къ сторонѣ Баязета, уже болѣе не показывался, такъ что мы выиграли дѣло. Къ вечеру было получено извѣстіе, что непріятель, засѣвшій въ домахъ и оборонительной казармѣ Баязета, былъ окруженъ. Въ эту же ночь было приказано не покидавшимъ позицію у Пндже-Су 3-му баталіону 6-го полка и 2-му баталіону 2-го полка изготовиться, а на другой день войска эти выступили къ Баязету. Эти баталіоны двигались впередъ до той минуты, когда непріятель не обратился въ бѣгство, и только тогда расположились тутъ на отдыхъ. Преслѣдованіе же противника, какъ выше сказано, было предоставлено регулярной кавалеріи съ иррегулярными конными и пѣшими частями.

На другой день послѣ этого дѣла два баталіона регулярныхъ войскъ при трехъ полевыхъ орудіяхъ были отправлены въ Баязетъ. Когда къ Баязету отправился самъ начальникъ отряда Фаикъ-паша, онъ, Ахмедъ-бей, остался начальникомъ войскъ теперизскаго лагеря. Мехметъ-Мунибъ-паша также находился подъ Баязетомъ. Опрашивалъ ли онъ сдавшихся въ плѣнъ русскихъ солдатъ, или при этомъ присутствовалъ Фаикъ-паша, того онъ не знаетъ. Въ ночь на 28-е іюня онъ получилъ приказаніе отъ Фаика-паши, вернувшагося въ Теперизъ, вести войска къ Баязету, причемъ Фаикъ-паша сообщилъ, что лично отправится вслѣдъ за нимъ. Во исполненіе этого приказанія, войска выступили еще ночью, и къ разсвѣту заняли позицію за селеніемъ Санимаръ, лежащемъ къ юго-западу отъ Баязета. Отсюда онъ увидѣлъ русскихъ, двигавшихся къ Зенгизару, о чемъ и сообщилъ черезъ штабсъ-капитана полевой артиллеріи начальнику отряда, только что прибывшему съ остальными баталіонами, вслѣдъ за нимъ. Узнавъ, что начальникъ отряда находится за вторымъ баталіономъ, онъ поспѣшилъ къ нему и нашелъ вмѣстѣ съ Фаикомъ-пашой генералъ-губернатора Вана. Начальникъ отряда тотчасъ же выдвинулъ на позицію два шести-фунтовыя орудія и приказалъ открыть огонь; а ванскому редифному баталіону 3-го призыва, въ составѣ четырехъ ротъ, занять высоту на правомъ флангѣ боеваго расположенія Мехметъ-Мунибъ-паши. Потомъ начальникъ отряда подозвалъ его къ себѣ, сказалъ, что отрядъ Измаила-паши скоро подойдетъ, и приказалъ его баталіонамъ занять высоты на лѣвомъ флангѣ расположенія Мехметъ-Муниба-паши. Приказаніе это онъ тотчасъ же исполнилъ.

На одной высотѣ съ боевымъ расположеніемъ Мехметъ-Муниба-паши, были поставлены два орудія на командующей позиціи, а 1-й баталіонъ 1-го полка съ тремя полевыми орудіями были подвинуты

ближе къ Зенгизару. Прибывъ съ послѣдними войсками на позицію, онъ разсыпалъ стрѣлковыя цѣпи и открылъ сильный огонь по входившему въ селеніе Зенгизаръ противнику.

Между тѣмъ непріятель уже занялъ сел. Санимаръ, почему онъ былъ вынужденъ притянуть свой лѣвый флангъ и сблизиться съ общимъ расположеніемъ; принять же болѣе активное участіе въ бою ему удалось только съ прибытіемъ отряда Измаила паши, въ 5 (¹) или 5½ часовъ. Тогда онъ развернулъ въ цѣпи по четыре роты отъ обоихъ своихъ баталіоновъ, имѣя остальныя въ резервѣ, и произвелъ боевое наступленіе. Стрѣлковый бой длился до 9 или 9½ часовъ, когда баталіоны Мехметъ-Мупиба-паши въ разстройствѣ были отброшены назадъ и тѣмъ принудили его самого къ отступленію. Занявъ резервомъ тыльныя высоты, онъ сталъ немедленно отводить стрѣлковыя цѣпи. Въ это время канонада и ружейный огонь прекратились.

Тогда же прислапъ посланный отъ мушира съ порученіемъ узнать, гдѣ находится начальникъ отряда. Я указалъ ему мѣсто, гдѣ онъ прежде находился, и присовокупилъ, что теперь не знаю его мѣстопребыванія и послѣднее время его не видалъ. На замѣчаніе, что муширъ желаетъ знать, какъ происходило дѣло и какихъ достигнуто результатовъ, я ему описалъ ходъ боя и написалъ карандашомъ на клочкѣ бумаги: «отступленіе праваго фланга заставило и меня отступить». Онъ передалъ записку всаднику для доставленія ея по назначенію, когда подъѣхали унтеръ-офицеры иррегулярныхъ войскъ съ письмомъ къ начальнику отряда и два бея изъ ванскихъ жителей.

Послѣдніе заявили, что наши войска разбиты, русскіе овладѣли нашими орудіями, а начальникъ отряда отступилъ съ шестью орудіями. «Толпа, которую вы тамъ видите», сказали они, «это отрядъ Мупиба-паши». Тогда унтеръ-офицеръ мнѣ сказалъ, что муширъ направляетъ войска на Карабулакъ, гдѣ настигнетъ непріятеля и побьетъ его на слѣдующій день. Вамъ же онъ приказываетъ оставаться на вашей позиціи. Къ этому онъ прибавилъ, что отъ артилерійскаго унтеръ-офицера слышалъ, что начальникъ отряда съ утра возобновилъ бомбарди-

(¹) Счетъ по турецкому времени, по которому нуль времени составляетъ моментъ солнечнаго захода. Счетъ идетъ по двѣнадцати часовъ ночи и двѣнадцати часовъ дня. Разъ время поставлено въ зависимость отъ солнечнаго захода, очевидно, что съ каждымъ днемъ оно измѣняется. Чтобы перевести время по-турецки на обыкновенный счетъ, необходимо знать точное время солнечнаго заката въ тотъ день, о которомъ идетъ рѣчь. Подъ 40° паралели солнце заходитъ въ концѣ іюня около 7 час 30 мин., слѣдовательно 5 часовъ по-турецки составитъ 12 часовъ 30 минутъ, т. е. полчаса послѣ полудня.

рованіе казармы Баязета, со стороны Челеби, такъ какъ обстрѣливанie съ другихъ сторонъ оказалось безуспѣшнымъ.

Ахмедъ-Шукри-ефенди, командиръ 1-го баталіона 1-го полка, былъ также опрошенъ. Изъ его показаній видно, что въ ночь на 28-е іюня, около 3-хъ часовъ, пришло приказаніе отъ Измаила-паши къ Фаику-пашѣ наступать на Баязетъ. Въ виду чего, послѣдній, созвавъ маіоровъ трехъ баталіоновъ, находившихся въ Теперизѣ, сообщилъ имъ это приказаніе, прибавивъ, что къ 7-ми часамъ они должны выступить. Согласно этому приказанію, они выступили въ 7 часовъ съ 1-мъ баталіономъ 1-го полка и ванскимъ баталіонами при одномъ легкомъ и трехъ полевыхъ орудіяхъ и прибыли къ 10 часамъ къ правому флангу боеваго расположенія, бригаднаго генерала Мунибa-паши.

Когда русскіе начали приближаться къ Зенгизару, легкое орудіе было выставлено на удобную позицію; затѣмъ Фаикъ-паша, оставивъ при себѣ ванскіе редифные баталіоны 2-го и 3-го призывовъ, возложилъ на Ахметъ-Шукри-эфенди, съ ввѣреннымъ ему баталіономъ, занять позицію на дорогѣ, пролегающей по лѣвую сторону Баязета, съ цѣлью воспрепятствовать наступленію непріятеля по ней. Около 6-ти часовъ, полковникъ Хаджи-Ахмедъ-бей двинулся съ ванскимъ баталіономъ 2-го призыва, и съ ввѣреннымъ ему Ахмедъ-Шукри ефенди баталіономъ и двумя полевыми орудіями, по лѣвую сторону Зенгизара, гдѣ вступилъ съ находившимся здѣсь непріятелемъ въ бой, продолжавшійся до 10 часовъ. Между тѣмъ, около 8-ми часовъ непріятель произвелъ съ успѣхомъ сильную фронтальную атаку, освободилъ осажденныхъ въ казармѣ и даже сталъ на пути отступленія нашихъ войскъ.

Ночь уже наступала, когда, по приказанію полковника Ахмедъ-бея, баталіоны наши въ порядкѣ начали отходить на скалистыя высоты, находившіяся на нашемъ лѣвомъ флангѣ.

Хаджи-Мустафа-ефенди, маіоръ 1-го ванскаго редифнаго баталіона 2-го призыва (5-го полка), показалъ, что непріятель былъ въ три раза сильнѣе насъ. Силы его состояли изъ 4,000 человѣкъ кавалеріи, 16 орудій и соотвѣтственнаго числа пѣхоты. Такъ что онъ затрудняется опредѣлить, по чьей винѣ дѣло это было проиграно.

Хассанъ-Джелаледдинъ-ефенди, маіоръ 3-го баталіона 2-го полка, также участвовавшаго въ этомъ дѣлѣ, показалъ, что бой начался въ 9 часовъ утра и длился до 11 часовъ вечера. Онъ состоялъ подъ начальствомъ Муниба паши, при которомъ и находился, а потому не можетъ сказать, когда прибылъ Фаикъ-паша. На этомъ флангѣ находились всего два баталіона при трехъ орудіяхъ. Непріятель же наступалъ тремя колоннами, а потому выигралъ сраженіе и

освободилъ осажденныхъ. Онъ также не могъ сказать, по чьей винѣ дѣло это было нами проиграно, но свидѣтельствовалъ, что русскіе имѣли на своей сторонѣ значительное превосходство въ силахъ.

Второй обвинительный актъ, составленный военнымъ прокуроромъ Ахмедъ-Вагибъ-пашою.

1-го мая, Фаикъ паша, съ редифными баталіонами, имъ же организованными въ Ванѣ, и отрядомъ вспомогательныхъ войскъ, прибылъ въ Баргири, съ намѣреніемъ немедленно наступать къ Баязету, о чемъ онъ доносилъ главнокомандующему телеграмой, копія съ которой къ сему прилогается.

Копія съ телеграмы. «Сегодня, въ 10 часовъ, получилъ телеграму вашу отъ 27-го апрѣля 1877 г. (1293 г.). Баталіоны, отступившіе изъ Баязета въ Баргири, находятся здѣсь при мнѣ. Согласно телеграмы моей отъ 30-го апрѣля, отдѣльный кавалерійскій отрядъ и 500 конныхъ курдовъ, подъ начальствомъ офицера, выдвинуты къ Теперизу. Очевидно, русскіе не могутъ удержаться въ Баязетѣ. Тѣмъ не менѣе, я имѣю намѣреніе идти туда, чтобы обезпечить успѣхъ достаточною численностью войскъ, но не прежде, однако, какъ пополнивъ запасы и организовавъ иррегулярныя войска. Ваше превосходительство мнѣ разрѣшаете движеніе впередъ даже въ томъ случаѣ, если бы не всѣ войска были въ сборѣ и ихъ запасы не были бы пополнены. Въ такомъ случаѣ запасы должны быть направлены въ Баязетъ-Агу, находящееся вблизи Баязета въ пяти часахъ пути отсюда. Завтра же отправляю туда одинъ баталіонъ, а какъ только прибудутъ запасы 2-го и 3-го редифныхъ баталіоновъ, самъ двинусь съ ними къ Баязету. Въ виду этого прошу предписать начальнику алашкертскаго отряда чрезъ три дня начать движеніе съ ввѣренными ему силами къ Баязету».

Такимъ образомъ, Фаикъ-паша, согласно его же телеграмѣ, долженъ былъ предпринять наступленіе на Баязетъ; на дѣлѣ же онъ дѣлаетъ совершенно противное. Нижеслѣдующія телеграмы главнокомандующаго отъ 3-го и 25-го мая служатъ тому доказательствомъ.

Телеграма отъ 3-го мая. «Согласно телеграмѣ начальника алашкертскаго отряда, отъ 1-го сего мая, силы наши, сосредоточенныя близъ Баргири, производятъ устрашающее дѣйствіе на непріятеля, находящагося въ Баязетѣ, а потому, прибавляетъ онъ, наступленіе этихъ силъ должно заставить противника отойти. Въ виду этого,

вамъ надобно по возможности скорѣе сосредоточить ввѣренный вамъ отрядъ и двинуться впередъ».

Слѣдовательно, и эта телеграма заключала въ себѣ предписаніе Фаику-пашѣ быстро двигаться впередъ, между тѣмъ какъ послѣдній лишь 10-го мая продвигается до Ибкоя, сдѣлавъ всего переходъ въ пять часовъ разстоянія, и ничего не предпринимаетъ противъ Баязета. Наконецъ, не предупреждая даже главнокомандующаго, сдаетъ 13-го мая командованіе ввѣреннымъ ему отрядомъ въ Ибкоѣ, полковнику Ахмедъ-бею, и отправляется самъ въ Баргири, гдѣ пробылъ до конца мая, т. е. около 18 дней. Обстоятельство это явствуетъ изъ нижеслѣдующей телеграмы главнокомандующаго отъ 25-го мая.

«Къ сожалѣнію моему, узнаю, что отрядъ вашъ, который, по предположенію моему, долженъ былъ уже придвинуться до пяти или шести часоваго разстоянія отъ Баязета, находится до сихъ поръ еще около Гюзерота, между Баргири и Ваномъ. Безотлагательное движеніе ваше впередъ есть дѣло большой важности, о чемъ, впрочемъ, уже раньше я сообщалъ вамъ. Какъ можно скорѣе переходите въ окрестности Теперизa или въ самый Теперизъ и сообщите, гдѣ именно расположенъ вашъ отрядъ въ настоящее время. Силы непріятеля, стоящія противъ Баязета и Алашкерта, состоятъ изъ 12 баталіоновъ пѣхоты при двухъ батареяхъ и 12½ тысячахъ кавалеріи. Алашкертскій отрядъ началъ уже свое наступленіе». 25-го мая 1877 г. (1293 г.)

Подписано: *Ахмедъ-Мухтаръ.*

Было необходимо тотчасъ исполнить полученное приказаніе и двинуть впередъ отрядъ, находившійся у Ибкоя, но Фаикъ-паша только пять дней спустя двигаетъ этотъ отрядъ, почему онъ подходитъ къ Теперизу лишь 5-го іюня. Такимъ образомъ, разстояніе въ 12 часовъ пути между Баргири и Теперизомъ было пройдено отрядомъ Фаика-паши въ тридцать дней. Этотъ одинъ фактъ показываетъ, съ какою непростительною медленностью было совершено военное движеніе. Въ своемъ оправданіи Фаикъ-паша ссылается на недостатки перевозочныхъ средствъ и неполноту боевыхъ запасовъ; но въ настоящее время разъяснено, что при шести баталіонахъ, двухъ эскадронахъ и двухъ батареяхъ, составлявшихъ его отрядъ, 14-го мая, находилось 785 животныхъ, а такое количество перевозочныхъ средствъ опытомъ войны доказано совершенно достаточнымъ для такой силы отряда.

Что же касается недостатка боевыхъ припасовъ, то изъ телеграмъ видно, что 10-го и 14-го мая было подвезено ихъ къ отряду въ достаточномъ количествѣ, почему и этотъ доводъ военный судъ не находитъ основательнымъ.

Фаикъ-паша заявилъ предъ военнымъ судомъ, что причина отъѣзда его изъ Ибкоя, гдѣ находился отрядъ, и 15-ти-дневное прибываніе въ Баргири были вызваны необходимостью организовать иррегулярныя части и ввести въ нихъ правильную отчетность. Онъ говоритъ, что въ это время непріятель дѣлалъ развѣдки къ сторонѣ Батпуса и Вана, почему ему было удобнѣе въ Баргири принять мѣры противъ набѣговъ противника, что отъ Баргири до Ибкоя только пять часовъ пути, которые на своей лошади онъ дѣлалъ въ два часа времени, и что, слѣдовательно, при первой тревогѣ онъ легко могъ бы поспѣть туда во-время.

Между тѣмъ въ отвѣтѣ своемъ на телеграму, полученную отъ главнокомандующаго 23-го апрѣля, съ предписаніемъ наступать отъ Вана къ Баязету, Фаикъ-паша увѣдомилъ, что, возложивъ на Муниба-пашу формированіе иррегулярныхъ частей и заботу объ отправленіи продовольственныхъ запасовъ, онъ самъ съ редифными баталіонами выступаетъ въ Баргири.

Отсюда очевидно, что приведенная имъ выше причина, будто бы заставившая его отправиться въ Баргири, неправдоподобна, такъ какъ Мунибъ-паша съ своей стороны получилъ приказаніе завѣдывать этимъ дѣломъ и въ данное время лично находился въ Баргири. Что же касается до мѣръ противъ непріятельскихъ наѣздовъ, то о таковомъ появленіи противника въ окрестностяхъ Батпуса или въ ванскомъ раіонѣ должно же было быть извѣстно гражданскому управленію, власти котораго, конечно, не приминули бы увѣдомить Фаика-пашу и просить у него помощи, между тѣмъ Фаикъ-паша въ подкрѣпленіе своего показанія не представляетъ никакого документа. Отсутствіе такого документа заставляетъ предполагать ложность его показанія.

Далѣе, отвѣчая на вопросы, касающіеся пребыванія его въ Баргири, въ 4-хъ или 5-ти-часовомъ разстояніи отъ ввѣреннаго ему отряда, Фаикъ-паша заявилъ предъ военнымъ судомъ, что, благодаря отличнымъ качествамъ своей лошади, онъ могъ въ минуту надобности прибыть къ отряду во-время, а потому разсматриваетъ отсутствіе свое изъ отряда, какъ бы несуществовавшимъ. Но, во-первыхъ, между Ибкоемъ и Баргири не существовало телеграфной проволоки для моментальнаго извѣщенія начальника отряда; во-вторыхъ, пока дали бы знать съ передовыхъ постовъ въ Ибкой, пока посланный скакалъ бы въ Баргири, а Фаикъ-паша затѣмъ въ Ибкой, что требовало все-таки до шести часовъ времени, непріятель не только успѣлъ бы атаковать отрядъ, оставленный своимъ начальникомъ, но и забрать его въ плѣнъ. Даже точка зрѣнія самого Фаика-паши вполнѣ несостоятельна. Началь-

никъ отряда не только руководитъ боемъ, но и дѣлаетъ всѣ предварительныя къ нему распоряженія, которыя имѣютъ едва ли не большее значеніе, чѣмъ самый бой. Фаикъ же паша удаляется отъ своихъ войскъ на разстояніе отъ 4-хъ до 5-ти часовъ и разсматриваетъ свое отсутствіе какъ бы несуществующимъ. Это такой важный проступокъ, который военный судъ ни въ какомъ случаѣ не найдетъ извинительнымъ.

5-го іюня Фаикъ-паша прибываетъ съ ввѣреннымъ ему отрядомъ въ Теперизъ. На слѣдующій день, когда онъ предполагалъ начать движеніе къ Баязету, вышедшій отсюда небольшой непріятельскій отрядъ подошелъ къ Индже-Су и вступилъ здѣсь въ дѣло съ иррегулярными войсками нашего отряда. Непріятель разбитъ, бѣжитъ къ Баязету, преслѣдуемый нашею иррегулярною пѣхотою и кавалеріею и двумя эскадронами регулярной кавалеріи, находившимися при отрядѣ, и запирается въ оборонительной казармѣ, въ которой остается 22 дня, осажденный нашими войсками. Въ этотъ промежутокъ времени, въ виду настоящаго и будущаго спокойствія ванскаго отряда, слѣдовало бы непремѣнно, какъ можно быстрѣе, принудить осажденныхъ къ сдачѣ или уничтожить ихъ, въ случаѣ сопротивленія, дабы отвлечь вниманіе непріятеля отъ Баязета. Между тѣмъ отрядъ Фаика-паши далеко не напрегъ всѣхъ своихъ усилій для того, чтобы принудить осажденныхъ къ скорѣйшей сдачѣ, что, впрочемъ, видно изъ показаній самого Фаика-паши.

Дѣло, происходившее въ Индже-Су на другой день послѣ прибытія отряда 5-го іюня въ Теперизъ, между русскими отрядами и нашими иррегулярными войсками, весьма поздно стало извѣстно въ отрядѣ. Это доказываетъ, что отрядъ не былъ охраняемъ передовыми постами и разъѣздами, какъ требуютъ того основныя правила тактики и условія современнаго вооруженія. Фаикъ-паша въ отвѣтахъ своихъ показывалъ, что передовые посты были выставлены, согласно общимъ правиламъ; когда, однакоже, военный судъ запросилъ его, какъ именно они были разставлены, то онъ не далъ положительнаго отвѣта, ограничиваясь повтореніемъ уже вышесказаннаго, что посты были выставлены согласно общимъ правиламъ. Полковникъ Ахмедъ-бей, находившійся при отрядѣ, показалъ, что, по прибытіи отряда въ Теперизъ, изъ каждаго баталіона было выдѣлено по одной ротѣ; послѣднія, будучи выдвинуты на возвышенности впереди своихъ баталіоновъ, имѣли цѣлью охранять ихъ. По словамъ того же Ахмедъ-бея, передовыхъ постовъ отрядъ не выставлялъ. И, дѣйствительно, если отрядъ охранялся бы передовыми постами, то онъ былъ бы своевременно извѣ-

щенъ о движеніи непріятеля къ Индже-Су и успѣлъ бы выслать необходимое число баталіоновъ для разбитія его. Слѣдовательно, причина того, что мы не воспользовались этимъ случаемъ, кроется въ отсутствіи охранительныхъ мѣръ. Далѣе, дѣло близъ Индже-Су было выиграно къ 4-мъ часамъ дня нашими иррегулярными войсками и двумя эскадронами регулярной кавалеріи, преслѣдовавшими бѣжавшаго непріятеля до самаго Баязета. Если бы на помощь этимъ войскамъ явился бы весь ванскій отрядъ, то, при содѣйствіи благопріятныхъ обстоятельствъ и времени, можно было взять обратно Баязетъ, что̀ и составляло главную задачу этого отряда.

На сдѣланный Фаику пашѣ военнымъ судомъ запросъ, почему онъ не воспользовался этимъ случаемъ, онъ сослался на недостаточное знакомство съ мѣстностью и дурное состояніе дорогъ, неудобопроходимыхъ для артилеріи. Однако же доводы эти, которыми Фаикъ-паша старается прикрыть свою ошибку, далеко не согласуются съ его же телеграмою къ главнокомандующему, отправленною послѣ вышеупомянутаго дѣла.

Содержаніе ея слѣдующее:

«Вчера отрядъ нашъ продвинулся до Тепериза, съ цѣлью произвести здѣсь рекогносцировку; почему не могъ ничего сообщить вашему превосходительству. Вслѣдствіе этой развѣдки, мы имѣли возможность занять близъ Тепериза нѣсколько удобныхъ пунктовъ, съ которыхъ заставили непріятеля бѣжать. Предписанія вашего превосходительства отъ 3-го іюня, переданныя по телеграфу, получилъ сегодня.

«Съ самаго утра уже начали приводить въ исполненіе всѣ необходимыя распоряженія для дальнѣйшаго движенія къ Баязету, когда неожиданно появился отъ Казли-гёла противникъ. Баязетскій отрядъ русскихъ, наканунѣ усиленный кавалерійскимъ отрядомъ, приблизительно въ 1,000 человѣкъ численностью, подвигался отъ Казли-гёла нѣсколькими колоннами, пѣхота въ серединѣ, кавалерія по бокамъ.

«Для встрѣчи противника я выслалъ 1,500 человѣкъ регулярной пѣхоты, столько же иррегулярныхъ всадниковъ, эскадронъ кавалеріи и баталіонъ иррегулярной пѣхоты, которые и вступили въ дѣло съ непріятельскимъ отрядомъ. Мы потеряли убитыми—1 и раненымъ—5 человѣкъ. Непріятель, понеся большія потери и оставивъ на полѣ сраженія много оружія и раненыхъ лошадей, отошелъ къ Баязету, гдѣ, укрывшись въ укрѣпленіяхъ, началъ обороняться. Тутъ же, на полѣ битвы, было рѣшено, что въ то время, какъ иррегулярная пѣхота и кавалерія будутъ преслѣдовать противника до Баязета, остальные баталіоны съ ихъ артилеріею будутъ направлены изъ Тепериза чрезъ

Зенгизаръ на Баязетъ. Однако же предположеніе это, по случаю явившихся неожиданныхъ затрудненій, не могло быть приведено въ исполненіе: я же остался съ иррегулярной пѣхотою и кавалеріею въ окрестности Баязета.

«Съ Божіею помощью, я провожу тѣмъ же путемъ регулярные баталіоны и артилерію». 6-го іюня 1877 г. (1293 г.)

Подписано: дивизіонный генералъ *Ахмедъ-Фаикъ*.

Согласно этой телеграмы, въ день прибытія своего въ Телеризъ, Фаикъ-паша производилъ рекогносцировку; слѣдующій же день онъ былъ занятъ необходимыми распоряженіями для наступленія къ Баязету.

Однако же, въ виду какихъ-то затрудненій, явившихся послѣ дѣла у Инджe-Су, онъ оставался на старыхъ позиціяхъ, не смотря на то, что въ телеграмѣ своей ясно говоритъ, что на слѣдующій день будетъ наступать съ остальными войсками и артилеріею къ Баязету. Если бы, въ день выиграннаго нами дѣла, дѣйствительно представились какія бы то ни было затрудненія для дальнѣйшаго наступленія, то, по всѣмъ вѣроятіямъ, иррегулярныя войска наши, равно какъ и два эскадрона кавалеріи, преслѣдовавшіе непріятеля, не могли бы не испытать ихъ, а между тѣмъ они безпрепятственно преслѣдовали его до самаго Баязета, причемъ даже противникъ потерпѣлъ большой уронъ. Изъ этого очевидно, что ничего не препятствовало въ этотъ день общему наступленію.

На слѣдующій день слѣдовало безусловно двинуться со всѣмъ отрядомъ къ Баязету и уничтожить засѣвшаго въ оборонительной казармѣ непріятеля. Основныя начала военнаго искусства должны бы были подсказать подобный образъ дѣйствій Фаику-пашѣ, а между тѣмъ послѣдній, по его собственнымъ словамъ, отправивъ лишь два баталіона къ Баязету, оставался съ главными силами ввѣреннаго ему отряда въ Теперизѣ для обезпеченія своего пути отступленія! Обстоятельство это было разъяснено въ этомъ смыслѣ самимъ Фаикомъ-пашою, во время производства надъ нимъ допроса, и было мною изложено въ первомъ обвинительномъ актѣ, который я имѣлъ честь представить на усмотрѣніе военнаго суда.

Баязетскій раіонъ соприкасался съ одной стороны съ Персіею, оставшеюся нейтральною въ эту кампанію, съ тылу съ Ванскимъ вилайетомъ, а съ другой стороны къ нему подходила эрзерумская дорога. Фаикъ-паша могъ смѣло считать себя со всѣхъ этихъ трехъ сторонъ совершенно обезпеченнымъ. За исключеніемъ незначительнаго непріятельскаго отряда, находившагося въ Баязетѣ съ конца апрѣля мѣсяца (т. е. со времени сформированія ванскаго отряда) до 28-го іюня 1877 г. (1293 г.),

не было болѣе другихъ никакихъ непріятельскихъ силъ въ раіонѣ этого отряда; слѣдовательно, приводимый Фаикомъ-пашою доводъ, что онъ не могъ наступать на Баязетъ, изъ опасенія обнажить свой путь отступленія—не можетъ быть принятъ во вниманіе. Если, наконецъ, какъ предполагалъ Фаикъ-паша, непріятель имѣлъ достаточныя силы, чтобы угрожать его пути отступленія, то онъ все-таки не долженъ былъ раздѣлять свой отрядъ на двѣ неравныя части, отправивъ мѐньшую къ Баязету и оставивъ бо́льшую въ Теперизѣ, въ трехчасовомъ другъ отъ друга разстояніи, подвергая ихъ, такимъ образомъ, быть разбитыми по частямъ.

Мехмедъ-Мунибъ-паша доносилъ Фаику-пашѣ, что къ 28-му іюня ожидался русскій отрядъ, шедшій на выручку осажденнымъ, а потому просилъ прибыть на помощь къ разсвѣту слѣдующаго дня. Отрядъ Фаика-паши находился въ то время всего въ трехчасовомъ разстояніи отъ Баязета. Содержаніе этого донесенія, полученнаго 27-го іюня въ 10 ч. вечера, достаточно ясно указывало на поспѣшность, съ которою слѣдовало бы Фаику-пашѣ исполнить сказанное движеніе, а между тѣмъ онъ прибываетъ четырьмя часами позже назначеннаго срока и остается безучастнымъ во все время боя. Фактъ этотъ вполнѣ подтверждаетъ уже изложенное выше.

Фаикъ-паша согласился съ показаніемъ плѣнныхъ, забранныхъ въ дѣлѣ при Индже-Су, заявившихъ, что пока русскій отрядъ будетъ находиться блокированнымъ въ Баязетѣ, онъ не перестанетъ быть предметомъ постоянной заботы непріятеля, который не замедлитъ выслать отрядъ достаточной силы для освобожденія осажденныхъ. Слѣдовательно, необходимо было, въ виду скорѣйшей сдачи, объявить имъ, что, въ случаѣ непокорности, съ ними будетъ поступлено безпощадно. Если же, наконецъ, и эта мѣра оказалась бы недѣйствительною, то нужно было всѣмъ отрядомъ двинуться на Баязетъ; воспользоваться для совершеннаго разрушенія замка 6-ти-фунтовыми орудіями, находившимися все время въ Теперизѣ, и забрать осажденныхъ живыми или мертвыми.

Фаикъ-паша, не рѣшившись дѣйствовать подобнымъ образомъ, былъ причиною прискорбнаго событія 28-го іюня 1877 г. (1293 г.) Впрочемъ, сознаніе этой нерѣшительности просвѣчивало въ самыхъ отвѣтахъ Фаика-паши военному суду на предложенный вопросъ, отчего въ теченіе 20 дней не употреблено было всѣхъ усилій для принужденія къ сдачѣ осажденныхъ?

Въ одномъ изъ параграфовъ представленнаго мною военному суду 1-го обвинительнаго акта, было замѣчено, что главное затрудненіе для осажденныхъ заключалось въ недостаткѣ воды. Слѣдовательно, не-

сомнѣнно, что если бы въ это время успѣли преградить имъ доступъ къ водѣ, то осажденные должны были бы сдаться чрезъ два или три дня; а между тѣмъ изъ показаній самого Фаика-паши видно, что непріятелю не воспрепятствовали доставать воду извнѣ, какъ бы то слѣдовало. Каждую ночь свободно выходило изъ казармы, чрезъ продѣланный во время осады выходъ, 20 человѣкъ для доставки воды и 20 другихъ вооруженныхъ, для охраненія первыхъ. Если бы роты, занявшія тогда дома и армянскую церковь по ту сторону ручья, стали бы между послѣднимъ и самымъ выходомъ изъ казармы, то непріятель не могъ бы достать воды. Встрѣтивъ нашихъ часовыхъ, на выстрѣлы которыхъ сейчасъ же сбѣжались бы люди передовой части, фуражиры были бы перебиты. Дѣйствуя такимъ образомъ нѣсколько ночей сряду, можно было бы довести до сдачи непріятеля, лишеннаго возможности снабжаться водою.

Фаикъ-паша, запрошенный по этому поводу, отвѣчалъ, что при расположеніи постовъ между выходомъ изъ казармы и ручьемъ люди страдали бы отъ выстрѣловъ непріятеля, а потому онъ и предпочелъ расположить ихъ въ домахъ и армянской церкви, находившихся по ту сторону ручья.

Неудобство это могло, однако-же, быть устранено возведеніемъ ложементовъ для стрѣлковъ между выходомъ изъ казармы и ручьемъ, чѣмъ и былъ бы прегражденъ къ нему доступъ. Хотя Фаикъ-паша и утверждаетъ, что онъ не распорядился устройствомъ закрытій по причинѣ каменистой почвы, но изъ заявленій очевидцевъ и изъ отчета маіора генеральнаго штаба Векиль-Низами-бея видно, что тамошній грунтъ представляетъ полную къ тому возможность. Предположивъ даже, что замѣчаніе Фаика-паши вѣрно, все-таки, въ виду столь важной цѣли, какъ лишеніе осажденнаго отряда возможности снабжаться водою, можно было бы возвести подобныя закрытія изъ земляныхъ мѣшковъ. Такой способъ указывается инженернымъ искусствомъ для каменистыхъ и песчаныхъ мѣстностей, причемъ допускается не только при возведеніи простыхъ прикрытій, но и для постройки болѣе сложныхъ укрѣпленій. Слѣдовательно, доводы Фаика-паши не заслуживаютъ вниманія.

Военнымъ судомъ было дознано, что осажденные отправили, чрезъ вышеупомянутый выходъ, двухъ человѣкъ къ начальнику эриванскаго отряда съ заявленіемъ, что будутъ обороняться до прибытія помощи. Въ виду этого нельзя было ограничиваться одними предложеніями о сдачѣ и разными обѣщаніями, высокомѣрно непріятелемъ отвергнутыми, а слѣдовало, сверхъ того, употребить всѣ предлагаемыя военнымъ

искусствомъ мѣры къ доведенію осажденныхъ къ сдачѣ, или къ уничтоженію ихъ и къ спасенію Баязета отъ бывшаго потомъ штурма.

Если бы Фаикъ-паша обратилъ вниманіе на это важное обстоятельство, то направилъ бы къ Баязету находившуюся въ его распоряженіи 6-ти-фунтовую батарею со всѣми наличными силами, сосредоточенными въ Теперизѣ, и приступилъ бы къ обстрѣливанію самой слабой стороны зàмка. Разрушивъ зданіе, онъ принудилъ бы осажденныхъ къ сдачѣ. Если бы, наконецъ, послѣдніе продолжали бы сопротивляться, то слѣдовало непрерывнымъ огнемъ днемъ и ночью разрушить всю стѣну зàмка. Тогда осажденнымъ осталось бы только или погибать подъ развалинами зàмка, или сдаться.

Ничего подобнаго не было сдѣлано Фаикомъ-пашою. Онъ утверждалъ въ свое оправданіе, что казарменное зданіе было достаточно прочно, чтобы устоять противъ 6-ти-фунтовыхъ орудій, что сами орудія не были въ должной исправности, и что, наконецъ, условія мѣстности не дозволяли устроить батареи для этой цѣли; и что поэтому остальныя 6-ти-фунтовыя орудія не были подвезены сюда. Приведенные здѣсь доводы Фаика-паши опровергаются заявленіями слѣдующихъ лицъ: генеральнаго штаба маіоръ Векиль-Низами-бей утверждаетъ, что казарма могла быть разрушена посредствомъ бомбардированія. Осматривавшій казарму, послѣ ухода изъ Баязета русскихъ войскъ, Шагинъ-паша свидѣтельствуетъ о многихъ видѣнныхъ имъ поврежденіяхъ, причиненныхъ нашею полевою артилеріею; маіоръ артилеріи Мехметъ-бей, шуринъ бригаднаго генерала гази Мехмета-паши, подтверждаетъ, что мѣстность, прилегающая къ казармѣ, удобна для устройства батареи для 6-ти-фунтовыхъ орудій.

Если бы, наконецъ, Фаикъ-паша, подойдя со всею своею артилеріею и войсками къ Баязету, попытался разрушить казарму и, несмотря на всѣ усилія, не достигъ бы желаемаго результата, то тогда приводимые имъ доводы могли бы еще быть до извѣстной степени понятны, но въ настоящемъ случаѣ они ни на чемъ не основаны. Наконецъ, самый фактъ 22-хъ-дневнаго сопротивленія малочисленнаго русскаго отряда лучше всего свидѣтельствуетъ, что ванскій отрядъ далеко не употребилъ въ дѣло всѣхъ средствъ для плѣненія или совершеннаго уничтоженія осажденныхъ. Небрежность въ веденіи этого дѣла начальникомъ ванской дивизіи такъ очевидна, что нѣтъ и надобности въ другихъ доказательствахъ.

Въ телеграмѣ къ Фаику-пашѣ, главнокомандующій замѣчаетъ, что просто неприлично держать въ Теперизѣ сложа руки большую часть дивизіи съ шестью 6-ти-фунтовыми орудіями, въ трехъ часахъ

отъ Баязета, и предписываетъ возможно скорѣе кончить съ осажденными.

Вотъ эта телеграма:

«Получилъ обѣ телеграмы ваши отъ 13-го іюня 1877 г. (1293 г.). Я думалъ, что вы уже окружили и стѣснили непріятеля всѣми вашими силами, но изъ телеграмы вашей увидѣлъ, что задачу эту вы возложили на иррегулярныя войска, чѣмъ я крайне недоволенъ. Что̀ вы дѣлаете въ настоящее время и гдѣ находитесь? Главная задача войскъ—сражаться и бить противника. Отчего же вы не только не направляете къ этой цѣли ввѣренныя вамъ силы, а даже упускаете всѣ удобные случаи. Подобнаго поведенія, несовмѣстнаго съ воинскою доблестью, я не потерплю. Рѣшительно объявляю вамъ, что вы безусловно обязаны, со всѣми ввѣренными вамъ войсками, идти къ Баязету и стараться разбить укрѣпившагося тамъ противника». 11-го іюня 1877 г. (1293 г.). Подписано: *Гази-Ахмедъ-Мухтаръ*.

По полученіи этой телеграмы, Фаикъ-паша обязанъ былъ немедленно направиться со всѣми силами къ Баязету, не только въ виду важности дѣла, но и согласно правиламъ военной дисциплины, предписывающей безпрекословное исполненіе приказаній начальника. Однако, не взирая на все, Фаикъ-паша только повременамъ пріѣзжалъ въ Баязетъ, оставаясь въ Теперизѣ для веденія текущихъ дѣлъ. Между тѣмъ эти послѣднія, о которыхъ онъ телеграфировалъ главнокомандующему, какъ о главной причинѣ пребыванія въ Теперизѣ, одинаково могли бы быть ведены и въ Баязетѣ, т. е. въ трехъ часахъ отъ Теперіза. Въ теченіе всѣхъ 22-хъ дней осады за̀мка, Фаикъ-паша лишь два раза пріѣзжалъ въ Баязетъ, какъ свидѣтельствуютъ о томъ все время находившіеся тамъ офицеры. Первый разъ, на другой день по обложеніи за̀мка, для распоряженій по осадѣ его двумя назначенными имъ для этой цѣли батареями, причемъ на другой же день вернулся обратно. Второй разъ, 24-го іюня, онъ пробылъ здѣсь одну ночь вмѣстѣ съ Измаилъ-Хакки-пашою. Можетъ быть, онъ въ теченіе этого времени пріѣзжалъ и въ третій разъ въ Баязетъ, но никто не можетъ сказать, когда именно.

Все это доказываетъ, что Фаикъ-паша не озаботился принятіемъ предписанныхъ ему мѣръ для плѣненія или уничтоженія осажденныхъ, хотя подъ начальствомъ его въ Теперизѣ находилось до шести тысячъ человѣкъ регулярныхъ и иррегулярныхъ войскъ, но онъ не воспользовался этими силами, оставивъ большую ихъ часть въ Теперизѣ, въ противность даннаго ему приказанія.

Когда отрядъ Тергукасова, разбитый у Халіаса, отступалъ по боль-

*

шой баязетской дорогѣ, Фаикъ-паша получилъ приказаніе со ввѣреннымъ ему отрядомъ ударить во флангъ непріятелю близъ *Діадина* или *Юнъ-Килисы*. Но и это приказаніе равнымъ образомъ не было въ точности исполнено. Фаикъ-паша ограничился лишь высылкою 18-го іюня двухъ тысячъ человѣкъ иррегулярныхъ войскъ, подъ начальствомъ полковника Ахметъ-бея, да и этотъ отрядъ, опоздавъ, не могъ уже угрожать тылу непріятеля, что видно изъ показаній самого Ахметъ-бея.

Означенное приказаніе главнокомандующаго Фаику-пашѣ изложено въ слѣдующей депешѣ послѣдняго.

«Въ виду незначительности непріятельскихъ силъ въ Эриванской губерніи слѣдуетъ, на сколько возможно, стараться проникнуть въ глубь этой страны. Иррегулярныя войска наши, благодаря ихъ алчности къ добычѣ, могутъ съ успѣхомъ исполнить эту задачу».

Въ письмѣ отъ 8-го апрѣля 1878 г. (1294 г.) (написанномъ по поводу несчастнаго баязетскаго дѣла) Фаикъ-паша объясняетъ, что исполнить это приказаніе будто бы помѣшало ему одушевляющее его чувство чести и вѣрности. А въ отдѣльной запискѣ, приложенной къ письму (отъ того же числа) на имя его свѣтлости великаго визиря, Фаикъ-паша заявляетъ, что предписаніе это, будучи противно чувству законности и справедливости правительства, для него, Фаика-паши, не обязательно.

По поводу этихъ писемъ Фаикъ паша заявилъ въ присутствіи военнаго суда, что они, будучи написаны послѣ сдачи имъ командованія ванскимъ отрядомъ, не могутъ имѣть соотношенія съ настоящимъ дѣломъ. Заявленіе это неосновательно, ибо ими-то и выясняется дѣятельность его во время командованія названнымъ отрядомъ и взглядъ на полученныя тогда приказанія. Только сознаніе тяготѣющей надъ нимъ отвѣтственности могло заставить его, въ письмѣ къ великому визирю, искать оправданія въ противорѣчіи полученнаго приказанія съ чувствами законности и справедливости, одушевляющими правительство, будто бы недопускающими захвата Эриванской губерніи нашими иррегулярными войсками. Такими аргументами Фаикъ-паша надѣялся уклониться отъ отвѣтственности передъ настоящимъ судомъ, по дѣлу, ничѣмъ, однако же, не разнящемуся отъ другихъ и заключающему въ себѣ то же упорное отступленіе отъ данныхъ ему предписаній.

Слѣдовательно, значительныя силы, сосредоточенныя въ Теперизѣ, подъ начальствомъ Фаика-паши, и состоящія изъ большей половины всего ванскаго отряда и 4—5 тысячъ иррегулярныхъ войскъ, находились въ полномъ бездѣйствіи въ теченіе 22 дней, ничего не предпринимая ни противъ Баязета, ни противъ устроенныхъ непріятелемъ

продовольственныхъ складовъ въ Діадинѣ и въ Ючъ Килисѣ (близъ Тепериза), ни противъ отряда Тергукасова, который, при движеніи по алашкертской равнинѣ, разорялъ и истреблялъ все, что находилось на его пути.

Если Фаикъ-паша желаетъ доказать невѣрность этого опредѣленія его дѣятельности, то пусть въ дробности укажетъ, изъ какихъ регулярныхъ и иррегулярныхъ войскъ состояли высланные имъ для вышеуказанныхъ цѣлей отряды, подъ чьимъ находились начальствомъ, какими были снабжены инструкціями отрядные начальники, и наконецъ, въ какое время отряженныя войска были направлены къ означеннымъ пунктамъ.

27-го іюня Мунибъ-паша послалъ слѣдующее донесеніе Фаику-пашѣ:

«Двигавшійся въ сторону Эривани кавалерійскій отрядъ изъ 18 человѣкъ сообщилъ мнѣ чрезъ вернувшійся сюда разъѣздъ изъ шести иррегулярныхъ эрзерумскихъ всадниковъ, что непріятель перешелъ Карабулакъ-Гедикъ и, судя по видѣннымъ ими палаткамъ, располагается бивакомъ. Замѣченный непріятелемъ, сдѣлавшимъ по немъ два пушечныхъ выстрѣла, отрядъ нашъ былъ принужденъ отойти назадъ. Для провѣрки этого донесенія и болѣе подробной развѣдки я послалъ сотню конныхъ черкесовъ. За высылкою послѣднихъ и назначеніемъ другой партіи иррегулярныхъ войскъ, для наблюденія за равниной, въ распоряженіи моемъ, въ настоящую минуту, почти не осталось годныхъ иррегулярныхъ войскъ, почему прошу васъ выслать сюда, къ разсвѣту, всѣ подошедшія къ Вану иррегулярныя части, снабдивъ ихъ предварительно боевыми припасами».

Отсюда видно, что Мунибъ-паша просилъ подкрѣпленія для отраженія непріятеля, перешедшаго 27-го іюня, въ числѣ 6,000 человѣкъ, къ Карабулаку, для освобожденія осажденныхъ.

То же сообщаетъ и Измаилъ-Хакки-паша, находившійся въ то время въ Ипакъ-Гедикѣ и приказавшій въ ниже приведенномъ предписаніи немедленно двинуться изъ Тепериза къ Баязету со всѣми наличными силами и занять подробно указанную позицію, отвѣчавшую полученнымъ свѣдѣніямъ о движеніи противника.

«Согласно полученнымъ мною свѣдѣніямъ съ передовыхъ постовъ и отъ лазутчиковъ, непріятель, съ цѣлью освободить осажденныхъ въ Баязетѣ, отдѣлилъ часть своихъ силъ, которыя должны перейти границу. Въ виду этого прошу васъ, со всѣми ввѣренными вамъ регулярными и иррегулярными войсками, за исключеніемъ лишь двухъ регулярныхъ баталіоновъ, которыхъ оставите резервомъ на дорогѣ въ Маку, идти на подкрѣпленіе къ Мехмедъ-Мунибу-пашѣ, пред-

принявъ предварительно подъ личнымъ наблюденіемъ вашимъ рекогносцировку этой мѣстности. Для занятія находящихся возлѣ города Баязета древнихъ зданій и укрѣпленій, вы воспользуетесь иррегулярною пѣхотою, продвинувъ до *Чепели-Гедика* вашу иррегулярную кавалерію, для наблюденія за противникомъ. Затѣмъ, дальнѣйшія распоряженія, въ зависимости отъ обстоятельствъ и движеній непріятеля, предоставляю вашему усмотрѣнію. Старайтесь прежде всего покончить дѣло съ осажденными, заставивъ ихъ сдаться или уничтоживъ ихъ. О всѣхъ распоряженіяхъ и дѣйствіяхъ вашихъ имѣете постоянно доносить мнѣ. Полагаюсь на опытность, искусство и находчивость вашу, для успѣшнаго исполненія возлагаемаго мною на васъ, и ожидаю немедленнаго открытія вашихъ дѣйствій».

Слѣдовательно, и это предписаніе заключало въ себѣ сообщеніе дѣйствій шеститысячнаго непріятельскаго отряда, намѣревавшагося переступить границу и двинуться на Баязетъ.

Согласно показанію его превосходительства Гассанъ-паши (ванскаго генералъ-губернатора), находившагося въ это время въ палаткѣ Фаика-паши (близъ Тепериза), оба документа эти были получены имъ 27-го іюня вечеромъ и почти одновременно. Донесеніе Муниба-паши пришло къ 10 часамъ, а предписаніе Измаилу-паши къ 11 часамъ, что впрочемъ подтвердилъ и самъ Фаикъ-паша въ присутствіи военнаго суда.

Предписаніе Измаила-паши, донесеніе Муниба-паши, настоятельно просившаго помощи къ разсвѣту 28-го іюня, наконецъ появленіе передъ Баязетомъ тройныхъ силъ непріятеля—все это должно было убѣдить Фаика-пашу въ важности готовящихся тамъ событій и въ необходимости безотлагательно двинуться къ этому городу со всѣми силами.

Однако же ничего подобнаго Фаикъ-паша не исполнилъ и ограничился лишь отданіемъ приказанія полковнику Ахмедъ-бею (призванному послѣ заката солнца къ его ставкѣ) оставить на мѣстѣ 6-ти-фунтовую батарею, а баталіонамъ приготовиться къ выступленію. На слѣдующее утро баталіоны выступили къ Баязету. Спустя полчаса, вслѣдъ за ними отправился и Фаикъ-паша, въ сопровожденіи ванскаго генералъ-губернатора. По заявленію Мехметъ-Муниба-паши, вышеуказанные баталіоны, прибывъ къ Баязету, остановились на возвышенности, находившейся противъ казармы на теперизской дорогѣ, внѣ орудій огня непріятеля. Спустя два часа послѣ занятія имъ этой позиціи, къ нимъ прибылъ и Фаикъ-паша.

Дѣло здѣсь ограничилось лишь нѣсколькими орудійными выстрѣлами съ возвышенности, лежащей по лѣвую сторону города. Находившіеся

здѣсь: Гази-Мехметъ-паша, маіоръ Мехмедъ-бей, адъютантъ-маіоръ иррегулярной кавалеріи Шахинъ-ефенди и секретарь Гази-Мехметъ-паши, Геддинъ-ефенди, показали передъ военнымъ судомъ, что, прибывъ на эту возвышенность, они застали на ней Фаика-пашу съ двумя регулярными баталіонами и однимъ орудіемъ, чѣмъ подтвердили слѣдующее заявленіе Мехметъ Муниба-паши.

1) Мехметъ Мунибъ-паша узналъ, что Фаикъ-паша прибылъ около 2½ ч. утра (по турецкому времени, слѣдовательно, около 8 ч. утра), и остановился не доходя горной цѣпи, находившейся на лѣвомъ флангѣ расположенія Муниба, послалъ ему съ маіоромъ Мехметъ-Агою нижеслѣдующее донесеніе:

«Только что узналъ о прибытіи вашемъ. Непріятель наступаетъ къ Зенгизару, прикрываясь стрѣлковыми цѣпями. Для дѣйствій противъ фланговъ противника было бы полезно занять его артилерійскимъ огнемъ съ возвышенностей, лежащихъ противъ Зенгизара, чѣмъ и ввести его въ заблужденіе относительно направленія атаки. Это способствовало бы войскамъ мушира выдти въ тылъ непріятелю и отрѣзать ему отступленіе. Во всякомъ случаѣ все будетъ зависѣть отъ вашихъ приказаній». Подписано: *Мехметъ-Мунибъ.*

2) Маіоръ Мехметъ-Ага, посланный съ этимъ донесеніемъ, отправился около двухъ или двухъ съ половиною часовъ утра (по турецкому времени) съ бивака и нашелъ Фаика-пашу чрезъ 1¾ ч. Это служитъ доказательствомъ, что Фаикъ-паша лишь около трехъ часовъ могъ достигнуть вышеупомянутой возвышенности.

3) Другое донесеніе Муниба-паши, въ которомъ онъ сообщаетъ о движеніи русскаго отряда, шедшаго на выручку осажденнымъ, и, въ виду ожидаемаго на слѣдующій день боя, проситъ о высылкѣ подкрѣпленія изъ иррегулярныхъ войскъ къ разсвѣту, пришло наканунѣ этого боя около 10-ти часовъ вечера (т. е. за два часа до заката солнца или 6-ти часовъ вечера по турецкому времени). Разстояніе между Баязетомъ и бивачнымъ расположеніемъ послѣднихъ войскъ не болѣе трехъ часовъ; а между тѣмъ иррегулярныя части эти не только не были высланы тотчасъ же, но не прибыли и на слѣдующій день, какъ свидѣтельствуетъ Мехметъ Мунибъ-паша. Это обстоятельство Фаикъ-паша объясняетъ отсутствіемъ дисциплины и непослушаніемъ иррегулярныхъ войскъ, которыя, при полученіи приказанія двинуться изъ Тепериза на Баязетъ, большею частью разбѣжались. Шейхъ-Абдулла-ефенди, командовавшій большею частью этихъ войскъ, въ приводимомъ здѣсь въ копіи письмѣ къ Фаику-пашѣ даетъ слѣдующее объясненіе:

«Въ письмѣ вашего превосходительства отъ 12-го іюня, вы изволили говорить о дурномъ состояніи и распущенности иррегулярныхъ войскъ, позволившихъ себѣ производить грабежи въ Баязетѣ. Вы предписываете мнѣ принять всѣ необходимыя мѣры къ прекращенію безпорядковъ, введенію болѣе правильнаго устройства въ иррегулярныхъ войскахъ и къ возвращенію насильственно захваченной ими чужой собственности. Считаю излишнимъ обратить вниманіе вашего превосходительства на то, что безпорядки эти случились въ мое отсутствіе. Лучше было бы не вводить эти войска въ городъ до моего возвращенія, чѣмъ, можетъ быть, были бы устранены эти безчинства. Прибывъ сюда съ силами, достаточными для исполненія моихъ обязанностей въ этой священной войнѣ, я буду исполнять безпрекословно всѣ приказанія вашего превосходительства; совмѣстно съ моими офицерами я приму надлежащія мѣры къ водворенію порядка и къ возвращенію похищеннаго. До меня однако дошло, что нѣкоторыя части уже отъ 7-ми до 8-ми дней лишены продовольствія. Льщу себя надеждой, что ваше превосходительство съ своей стороны примете мѣры къ предотвращенію такого бѣдствія.»

12-го іюня 1877 г. Подписано: *Шейхъ-Абдулла.*

Несомнѣнно, что иррегулярныя войска двинулись къ Баязету въ день боя и заняли чрезъ нѣсколько часовъ послѣ начала его высоты, гдѣ находился Фаикъ-паша, между тѣмъ какъ они должны были быть направлены туда своевременно и занять дѣйствительно важныя позиціи. Высланныя поздно, они, сверхъ того, находились, по свидѣтельству очевидцевъ, въ состояніи неудовлетворительномъ, а потому и оказались почти безполезными для дѣла.

Въ приведенномъ предписаніи Измаила-паши значилось, что Фаикъ-паша долженъ былъ занять иррегулярною пѣхотою старинныя укрѣпленія и дома, находившіеся по сторонамъ Баязета, иррегулярную же кавалерію выдвинуть къ Чили-Гедику. Спрошенный по этому дѣлу, Фаикъ-паша объяснялъ, что вся иррегулярная кавалерія, подъ командою адъютанта-маіора Гуссейнъ-Аги, заблаговременно была уже направлена къ Баязету, что, однако же, опровергается слѣдующею телеграмою, полученною въ отвѣтъ на сдѣланный поэтому новый запросъ при разслѣдованіи дѣла.

«Во время боя подъ Баязетомъ, 28-го іюня, 1-го кавалерійскаго полка адъютантъ-маіоръ Гуссейнъ-Ага несъ сторожевую службу на діадинской дорогѣ, въ трехчасовомъ разстояніи отъ Баязета, почему не могъ ничего знать объ этомъ дѣлѣ. Свѣдѣнія эти, которыя имѣю честь сообщить въ отвѣтъ на телеграму вашего превосходитель-

ства отъ 28-го сентября 1878 г. (1294 г.), получены мною отъ мушскаго коменданта». 13-го октября 1878 г. (1294 г.).

Подписано: *Дервишъ-паша.*

Приведенная телеграма эта ясно свидѣтельствуетъ, что ни Гуссейнъ-Ага, ни иррегулярная кавалерія не были направлены къ Баязету.

4) На сдѣланный Фаику-пашѣ запросъ, какія причины побудили его оставить 6-ти-фунтовыя орудія въ Теперизѣ, подъ прикрытіемъ цѣлаго полубаталіона, вмѣсто того, чтобы направить ихъ съ остальнымъ баталіономъ къ Баязету, подсудимый отвѣтилъ, что, предполагая занять трудно-доступную высоту, онъ не могъ бы воспользоваться своей артилеріей, почему предпочелъ оставить ее на мѣстѣ, дабы не замедлять движенія пѣхоты.

Съ военной точки зрѣнія оправданіе это совершенно неосновательно. Шеститысячный непріятельскій отрядъ наступалъ къ Баязету по большой карабулакской дорогѣ съ цѣлью атаковать городъ со стороны Зенгизара, о чемъ извѣщалъ Фаика-пашу какъ Измаилъ, такъ и Мунибъ-паша. Ванскій отрядъ, въ общей сложности, считая всѣ регулярныя и иррегулярныя войска, расположенныя подъ Баязетомъ и Теперизомъ, достигаетъ до 8,000 или 9,000 человѣкъ. Располагая преимуществами мѣстности въ соединеніи съ превосходствомъ въ силахъ, ванскій отрядъ могъ вполнѣ разсчитывать на побѣду.

Непріятель, пройдя Карабулакъ, около 9-ти часовъ (по европейскому времени 4 часа по-полудни) и подойдя почти на одинъ часъ разстоянія отъ Баязета — остановился. Зная оборонительныя средства Баязета, онъ отложилъ атаку до слѣдующаго дня и даже принялъ оборонительное положеніе, очевидно желая передъ атакой узнать, какія силы онъ можетъ встрѣтить. Это достаточно свидѣтельствуетъ, что баязетская позиція не была слаба.

Такимъ образомъ, если бы Фаикъ-паша, дѣйствуя согласно полученныхъ предписаній, двинулся бы безостановочно со всею своею артилеріею къ Баязету и занялъ бы позиціи позади Зенгизара, непріятель, наступавшій по большей карабулакской дорогѣ, не осмѣлился бы идти далѣе и даже отступилъ бы. Но Фаикъ-паша предполагалъ быть внѣ сферы боя, и потому выбралъ для своего отряда позицію, со стороны Тепериза, на возвышенностяхъ, находившихся внѣ дѣйствія и даже гня противника. Оттуда онъ, безучастнымъ зрителемъ, наблюдалъ за жаркимъ боемъ, кипѣвшимъ подъ Баязетомъ. Три баталіона Мунибъ-паши, конечно, не могли остановить непріятеля, который, пройдя чрезъ незащищенный Зенгизаръ, одновременно одною частью своихъ силъ ата-

ковалъ Муниба-пашу, а другою—овладѣлъ Баязетомъ и освободилъ осажденныхъ.

Во время дѣла незначительный кавалерійскій отрядъ противника произвелъ демонстрацію въ окрестностяхъ сел. Майрамонъ. Противъ него, по приказанію Фаика-паши, было выслано 1½ баталіона пѣхоты, подъ начальствомъ полковника Ахмедъ-бея. Послѣдній, пройдя названное селеніе, двинулъ стрѣлковую цѣпь и открылъ огонь, какъ, вдругъ, Фаикъ-паша приказалъ дать отбой, подъ предлогомъ, будто бы противникъ могъ отрѣзать ему отступленіе, и въ то же время покинулъ только что занятыя имъ высоты. Тогда полковникъ Ахмедъ-бей, не имѣя уже возможности отойти къ Баязету, письменно запросилъ Измаила-пашу, куда ему отступать и къ какимъ войскамъ присоединиться. Обстоятельство это дознано военнымъ судомъ.

Фаикъ-паша не могъ не предвидѣть, что пока осажденные будутъ находиться въ Баязетѣ, непріятель рано или поздно выйдетъ имъ на выручку, съ силами достаточными, въ виду чего необходимо было заблаговременно усилить баязетскую позицію хотя самыми несложными полевыми укрѣпленіями. Тогда врядъ ли бы удалось непріятелю такъ легко овладѣть городомъ и даже, весьма вѣроятно, этимъ же самымъ силамъ удалось бы задержать его до прибытія ипекъ-гедикскаго отряда.

Въ письмѣ къ главнокомандующему отъ 8-го августа 1877 г. (1293 г.) Фаикъ-паша слѣдующими доводами старается оправдаться въ непринятіи мѣръ къ возведенію укрѣпленій въ Баязетѣ.

Если Баязетъ былъ захваченъ непріятелемъ съ самаго начала открытія военныхъ дѣйствій, и если впослѣдствіи очищеніе этой мѣстности отъ непріятеля стоило намъ столькихъ жертвъ и такого труда, то виновникомъ является прежде всего дивизіонный генералъ Ахмедъ-Фазли паша, произведенный въ дивизіонные генералы и назначенный командующимъ войсками въ Баязетѣ съ обязательствомъ озаботиться укрѣпленіемъ города. Но, не смотря на высочайшее повелѣніе, онъ не прибылъ туда во-время и не поторопился принятіемъ мѣръ къ возможному укрѣпленію Баязета.

Изъ показаній и разслѣдованій судомъ на мѣстѣ несомнѣнно выяснено, что русскіе, шедшіе въ числѣ восьми баталіоновъ, 15 сотенъ и эскадроновъ и 4-хъ орудіяхъ (¹) на освобожденіе осажденныхъ, прошли 27-го іюня черезъ Карабулакъ. Въ тотъ же день къ 9 часамъ (т. е. къ 2 часамъ пополудни) остановились на ночлегъ въ одномъ часѣ отъ Баязета, а на слѣдующій день, около 11 часовъ утра (т. е. около 4 ча-

(¹) Тогда при эриванскомъ отрядѣ было 24 орудія.

совъ утра по европейскому разсчету времени), двинулись на Баязетъ. Противъ непріятеля стояла частію у Баязета, частію въ трехчасовомъ отъ него разстояніи въ Теперизѣ большая часть ванской дивизіи. Но Фаикъ-паша дѣлалъ такія распоряженія и передвиженія, которыя ясно обнаружили нежеланіе его принять бой. Находясь всего въ трехъ часахъ отъ главной цѣли дѣйствій русскихъ, онъ, вмѣсто того, чтобы сосредоточить тамъ всѣ силы, ограничился отправленіемъ лишь одной бригады, пославъ обо всемъ донесеніе Измаилу-пашѣ, находившемуся тогда въ Ипекъ-Гедикѣ. Самъ же Фаикъ-паша занялъ потомъ съ остальными силами, но безъ артиллеріи, высоты внѣ сферы боя, не исполнивъ отданнаго ему муширомъ приказанія направить свою иррегулярную кавалерію до Чили-Гедикъ. Оставленные же имъ въ Теперизѣ два эскадрона расположились въ день боя въ трехъ часахъ въ сторонѣ отъ Баязета для наблюденія за непріятелемъ. Въ ту самую минуту, когда противникъ уже приблизился къ раіону для освобожденія осажденныхъ, Фаикъ-паша, съ занимаемой имъ отдаленной отъ боя высоты, далъ сигналъ къ отступленію, чѣмъ, конечно, въ извѣстной степени способствовалъ этому освобожденію. Самъ же Фаикъ паша и войска, находившіяся подъ его непосредственной командой, до послѣдней минуты боя не принимали въ немъ участія. Этотъ послѣдній фактъ доказанъ разслѣдованіемъ на мѣстѣ.

Ошибка Фаика-паши и неисполненіе имъ приказаній были причиной, что сперва отрядъ генерала Теркусова, не угрожаемый съ тыла, занялъ алашкертскую равнину. Въ день же баязетскаго боя Фаикъ-паша показался лишь черезъ $2^1/_2$ часа послѣ начала сраженія, расположившись на высотѣ внѣ его сферы и даже внѣ непріятельскаго пушечнаго огня, и вскорѣ далъ оттуда сигналъ къ отступленію.

На основаніи изложеннаго, я прошу военный судъ поступить съ виновнымъ, согласно § 97 военнаго уложенія закона 20-го сентября 1878 г. (1294 г.)

Подписалъ: военный генералъ-прокуроръ, дивизіонный генералъ
Ахмедъ-Вагибъ.

Оправдательный рапортъ Фаика-паши въ отвѣтъ на обвинительный актъ военнаго прокурора.

Я, нижеподписавшійся, въ силу полученнаго предписанія, бывъ назначеннымъ начальникомъ ванскаго отряда, выѣхалъ изъ Эрзерума и прибылъ къ мѣсту своего назначенія въ городъ Ванъ.

Въ составъ ванскаго отряда должны были войти слѣдующія войска: 60.000 иррегулярныхъ войскъ, долженствовавшихъ собраться въ городѣ Ванѣ; 2-й баталіонъ 6-го полка, расположенный въ *Гюварскомъ* и *Джулу-Мирикскомъ* каймакамствахъ; ванскій редифный баталіонъ 2-го призыва, находившійся въ *Саретѣ*; ванскій редифный баталіонъ 3-го призыва, стоявшій въ самомъ городѣ; 6-ти-фунтовая батарея; эскадронъ кавалеріи; стоявшіе гарнизономъ въ Баязетѣ: два регулярныхъ баталіона съ эскадрономъ кавалеріи при трехъ полевыхъ орудіяхъ; три роты алпакскаго редифнаго баталіона 1-го призыва; затѣмъ баталіонъ, имѣвшій быть сформированнымъ изъ остававшихся сверхкомплектныхъ людей редифовъ всѣхъ трехъ призывовъ *Мушскаго* и *Ванскаго* санджаковъ; и, наконецъ, ожидаемыя изъ Эрзерума два полевыхъ орудія.

Однако по прибытіи моемъ въ Ванъ, я нашелъ въ городской казармѣ всего 370 полуодѣтыхъ солдатъ, входившихъ въ составъ ванскаго редифнаго баталіона 3-го призыва, эскадронъ кавалеріи, съ большимъ некомплектомъ лошадей, и одну горную батарею. Вотъ все, что представлялъ изъ себя тогда ванскій отрядъ, т. е. вмѣсто 60,000 иррегулярныхъ войскъ, шести баталіоновъ пѣхоты, эскадрона кавалеріи, одной полевой батареи и трехъ полевыхъ орудій, я нашелъ 370 пѣхотинцевъ, неполный эскадронъ кавалеріи и одну полевую батарею. Правда, въ Баязетѣ находилось еще два баталіона пѣхоты, три полевыхъ орудія и эскадронъ кавалеріи, но они были въ разстояніи отъ 28 до 30 часовъ ходу отъ Вана, почему ихъ нельзя было считать въ составѣ ванскаго отряда и скорѣе можно было бы причислить къ алашкертскому отряду, стоявшему всего въ 18-ти часахъ отъ Баязета.

Въ виду необходимости сформировать отрядъ, я безотлагательно послалъ приказаніе командирамъ баталіоновъ Гюварскаго и Чулъ-Омирскаго каймакамствъ, равно какъ и командирамъ ванскихъ редифныхъ баталіоновъ, немедленно слѣдовать въ Ванъ и письменно просилъ мушскаго губернатора собрать призывныхъ и также отправить ихъ въ Ванъ.

Согласно полученныхъ мною инструкцій, я долженъ былъ располагать извѣстнымъ числомъ иррегулярныхъ войскъ, которыхъ, однако же, по прибытіи моемъ не оказалось. Была ли тому причина, что ванскій и діарбекирскій генералъ-губернаторы не были во-время о томъ извѣщены, или просто не сдѣлали необходимыхъ распоряженій, мнѣ неизвѣстно. Дѣло въ томъ, что мнѣ пришлось посредствомъ особыхъ чиновниковъ разослать къ названнымъ генералъ-губернаторамъ полученныя мною съ этою цѣлью при отъѣздѣ изъ Эрзерума письменныя предпи-

санія отъ Ахмедъ-Мухтара и Измаила-пашей; затѣмъ, я самъ принялъ мѣры для непосредственнаго сбора иррегулярныхъ войскъ и снабженія ихъ боевыми запасами. Въ то же время обратился съ просьбою письменно и по телеграфу къ главнокомандующему о высылкѣ ружей Генри Мартини и боевыхъ припасовъ для снабженія ванскаго баталіона 3-го призыва.

Сверхъ вышеупомянутыхъ распоряженій, на мнѣ лежала еще масса другихъ заботъ, какъ-то: покупка строевыхъ лошадей, сборъ необходимыхъ для отряда вьючныхъ животныхъ, заготовленіе продовольствія въ Бегри, служившемъ исходною точкою для дальнѣйшихъ операцій нашихъ, наконецъ необходимость постоянно обращаться съ тою же просьбою о призывѣ 3-го разряда ванскихъ редифовъ и сборѣ иррегулярныхъ войскъ и т. п. Мы съ генералъ-губернаторомъ безустали работали надъ этимъ дѣломъ, ежедневно донося его превосходительству главнокомандующему о всѣхъ распоряженіяхъ по формированію дивизіи.

На слѣдующій день по прибытіи моемъ въ Ванъ, гдѣ, какъ уже я замѣтилъ выше, дивизія существовала только на бумагѣ, я получилъ, вслѣдъ за извѣстіемъ объ объявленіи войны, два сообщенія, одно тревожнѣе другого: первое, отъ Али-Кемалъ-паши, губернатора Баязета; второе, отъ маіора Ибраимъ-Аги, временно командовавшаго стоявшими въ этомъ городѣ войсками. Оба, извѣщая, что непріятель намѣревается переступить границу въ этомъ направленіи, обращались ко мнѣ за подкрѣпленіями. Одновременно они извѣщали о томъ же начальника алашкертскаго отряда и его превосходительство главнокомандующаго. Отъ перваго не было получено никакого отвѣта; главнокомандующій же сообщилъ, что всѣ распоряженія должны быть сдѣланы мною, какъ начальникомъ баязетскихъ войскъ.

Однако же, требовать отъ меня подкрѣпленія было совершенно безполезно; отрядъ находился, какъ я уже упомянулъ, въ такомъ положеніи, что въ моемъ распоряженіи почти не имѣлось войскъ. Между тѣмъ 12 баталіоновъ, находившихся въ Алашкертѣ, были къ Баязету гораздо ближе, чѣмъ я; поэтому, если бы главнокомандующій дѣйствительно считалъ необходимымъ поддержать баязетскій гарнизонъ, то приказалъ бы исполнить это командиру алешкертскаго отряда, или же выслалъ бы особое подкрѣпленіе такой же силы.

Я сдѣлалъ, какъ имѣлъ уже честь сообщить въ телеграмахъ моихъ отъ 12-го и 14-го апрѣля 1877 г. (1293 г.) всѣ необходимыя распоряженія для сбора иррегулярныхъ войскъ, которыя, согласно полученнымъ инструкціямъ, должны были достигнуть 60,000 человѣкъ и об-

разовать самую существенную часть ванскаго отряда. Однакоже, войска эти, не смотря на принятыя мною мѣры, не прибывали, чѣмъ я и былъ поставленъ въ чрезвычайно затруднительное положеніе. Чтобы выдти изъ него, я безотлагательно обратился письменно къ шейхамъ, препроводивъ имъ предписаніе главнокомандующаго о немедленномъ прибытіи ихъ ко мнѣ въ Ванъ съ обѣщанными силами. Для быстрѣйшаго окончанія этого дѣла, я даже разослалъ къ нимъ особыхъ чиновниковъ.

Но всѣ мѣры оказались тщетными: ни одинъ человѣкъ не явился въ лагерь отъ имени шейховъ. Изъ 6$^{1}/_{2}$ баталіоновъ, числившихся, по инструкціи, во ввѣренномъ мнѣ отрядѣ, на лицо находился лишь ванскій редифный баталіонъ 3-го призыва въ составѣ 380 штыковъ. Хотя я и послалъ предписаніе командиру ванскаго редифнаго баталіона 2-го призыва, находившагося тогда въ Битлисѣ, прибыть немедленно съ баталіономъ въ Ванъ, но исполненіе не могло послѣдовать ранѣе какъ черезъ 15 дней. Вмѣстѣ съ тѣмъ я обратился письменно къ мушскому губернатору съ просьбою объ ускореніи сборомъ и отправленіи остальныхъ редифовъ, но не могъ знать, къ какому времени они могли собраться и прибыть на мѣсто.

Очевидно, что при такихъ условіяхъ ванскій отрядъ не могъ считаться сформированнымъ, а слѣдовательно, мнѣ было совершенно невозможно подать какую бы то ни было помощь баязетскимъ войскамъ, а прежде всего пришлось всецѣло заняться организаціею ввѣреннаго мнѣ отряда, дабы довести его до указанной мнѣ въ инструкціяхъ численности и состава. Поэтому я обратился письменно, къ кому слѣдовало, для зависящихъ распоряженій о высылкѣ къ Баязету подкрѣпленій или изъ Алашкерта, или изъ другихъ мѣстностей.

Когда дѣла находились въ такомъ положеніи, на ванскій отрядъ свалили обязанность помогать баязетскому гарнизону и всю отвѣтственность за послѣдствія, не обезпечивъ средствами къ благопріятному исходу дѣла. Тѣмъ не менѣе, я сдѣлалъ все, что было въ моихъ силахъ. Для скорѣйшаго сбора 800 всадниковъ изъ *Арсина* и *Гайдара*, я обратился къ мудирамъ этихъ племенъ и даже приставилъ къ нимъ особыхъ чиновниковъ. Для сбора возможно большаго числа ибкой-гайдарскихъ всадниковъ я принялъ тѣ же мѣры, воспользовавшись и телеграфомъ.

Я находился еще въ неизвѣстности, относительно времени прибытія этихъ войскъ, какъ вдругъ получилъ извѣщеніе отъ баязетскаго губернатора, что русскіе перешли чрезъ границу, и что баязетскій гар-

визонъ хотя и готовъ встрѣтить непріятеля, но нуждается въ подкрѣпленіи; вслѣдствіе сего я отправилъ нижеслѣдующую телеграму главнокомандующему:

«Телеграмою отъ 14-го апрѣля 1877 г. (1293 г.) баязетскій губернаторъ запрашиваетъ меня относительно будущей задачи баязетскаго отряда въ виду перехода непріятеля чрезъ границу. Я предписалъ ему оказать самое рѣшительное и упорное сопротивленіе по чувству долга и вѣрности къ правительству и для поддержанія чести государства и народа, и лишь въ послѣдней крайности отступать на Баргири. Если бы, Боже избави, такое несчастіе должно бы было насъ постигнуть, то покорнѣйше прошу ваше превосходительство не оставить распоряженіемъ, дабы имѣть возможность удержаться на вышепоименованныхъ позиціяхъ и прекратить дальнѣйшее наступленіе непріятеля». 17-го апрѣля 1877 г. (1293 г.)

Подписано: дивизіонный генералъ *Ахмедъ-Фаикъ.*

Однакоже его превосходительство главнокомандующій все время поступалъ какъ будто бы никогда не получалъ этой телеграмы, равно какъ и множество другихъ, отправленныхъ мною между 13-мъ и 18-мъ числами апрѣля мѣсяца остались безъ отвѣта. Наконецъ, желая возвести на меня всю отвѣтственность по этому дѣлу, онъ послалъ мнѣ по телеграфу нижеслѣдующее предписаніе двигаться немедленно къ Баязету, хотя тогда телеграма моя отъ 17-го апрѣля уже должна была находиться въ его рукахъ:

«До сихъ поръ новаго ничего нѣтъ со стороны Баязета и Алашкерта. Повидимому, предметомъ дѣйствія непріятеля будетъ Карсъ.

«Вы же имѣете, съ ввѣреннымъ вамъ отрядомъ, слѣдовать къ Баязету для дальнѣйшаго наступленія къ Эривани. То же движеніе должно быть исполнено и алашкертскимъ отрядомъ, коему уже послано соотвѣтствующее предписаніе». Подписано: *Ахмедъ-Мухтаръ.*

На эту телеграму я отвѣчалъ нижеслѣдующею:

«Телеграму вашего превосходительства, отъ 19-го сего апрѣля, получилъ. Отрядъ мой состоитъ всего изъ 380 человѣкъ ванскаго редифа 3-го призыва, и тѣ въ лохмотьяхъ. Ожидаю отвѣта вашего превосходительства на телеграму, подписанную ванскимъ генералъ губернаторомъ и мною». 20-го апрѣля 1877 г. (1293 г.)

Подписано: *Ахмедъ-Фаикъ.*

Содержаніе вышеупомянутой колективной телеграмы слѣдующее:

«Вчера сообщилъ вкратцѣ вашему превосходительству о положеніи дѣлъ въ Баязетѣ. Сюда только что прибылъ Камалъ-паша. Сверхъ резерва, оставленнаго въ Карабулакѣ, непріятель съ семью или восемью

баталіонами, при 15 орудіяхъ, съ 2,000 слишкомъ казаковъ, драгунами и курдскими всадниками, переступилъ границу въ Чили и Почакъ-Гедикѣ. Затѣмъ, подойдя на четверть часа разстоянія къ нашему отряду изъ двухъ баталіоновъ, имѣвшихъ 1,080 штыковъ въ обоихъ и эскадрона кавалеріи въ 60 лошадей, онъ вынудилъ нашъ отрядъ къ отступленію. Въ понедѣльникъ, около 11 часовъ, непріятель уже вступилъ въ самое селеніе, вслѣдствіе чего войска наши, забравъ съ собою имѣвшіяся два орудія, все оружіе и большую часть боевыхъ припасовъ, начали въ порядкѣ отходить по казы-гёльской дорогѣ. Всѣ гражданскіе чиновники, за исключеніемъ муфти, завѣдывающаго сборомъ податей, слѣдовали 6-ти-часовой переходъ съ отрядомъ, а затѣмъ отправились для сообщенія объ этомъ несчастіи. Около 100 ящиковъ съ боевыми и продовольственными запасами и другими трудноперевозимыми предметами, были оставлены на мѣстѣ. На госпиталѣ былъ поднятъ флагъ женевской конвенціи. Узнавъ въ это время о движеніи нѣсколькихъ баталіоновъ алашкертскаго отряда на Ючъ-Килису, и дабы предостеречь ихъ отъ нечаянной встрѣчи съ противникомъ, я поспѣшилъ сообщить чрезъ заптіевъ и другими способами, чтобы они не переходили чрезъ проходъ того же имени. Съ этою цѣлью было, кромѣ того, отправлено письмо изъ Фазли-Кёля».

Подписано: ванскій генералъ-губернаторъ *Гассанъ.*

Дивизіонный генералъ *Ахмедъ-Фаикъ.*

Только что война была объявлена, русскій отрядъ подъ начальствомъ генерала Тергукасова, въ составѣ 12 баталіоновъ пѣхоты, четырехъ полковъ регулярной кавалеріи, около 2,000 человѣкъ иррегулярной кавалеріи, съ четырьми батареями, т. е. 32 орудіями, перешелъ границу и подступилъ къ Баязету. Полковникъ Ахмедъ-бей, командовавшій баязетскимъ гарнизономъ, до паденія послѣдняго, убѣдившись въ невозможности удержаться, отступилъ, согласно заранѣе полученнаго отъ главнокомандующаго предписанія, къ Баргири. 18-го апрѣля непріятель занялъ Баязетъ, гдѣ пробылъ три мѣсяца четыре дня. Оставивъ тамъ гарнизонъ изъ одного баталіона пѣхоты и нѣсколькихъ сотенъ кавалеріи, при двухъ орудіяхъ, онъ отошелъ на новую позицію, на большой эрзерумской дорогѣ, между Діадиномъ и Ючъ-Килисою, въ 7-ми или 8-ми часахъ разстоянія отъ Баязета и въ 4-хъ или 5-ти отъ Тепериза. Здѣсь оставался онъ до дня отступленія нашего алашкертскаго отряда къ Делибабскому проходу (Кара-Дербентъ), какъ видно изъ нижеслѣдующей телеграмы покойнаго Мехмета-паши, командовавшаго этимъ отрядомъ:

Начальнику ванскаго отряда. «Согласно экстреннаго, сейчасъ мною полученнаго приказанія его превосходительства главнокомандующаго, я отступилъ съ ввѣреннымъ мнѣ отрядомъ на Дели-Бабу. Непріятель занялъ Каракилисскій округъ». 20-го мая 1877 (1293) г.

Подписано: *начальникъ дели-бабскаго отряда Мехметъ.*

Изъ этого документа очевидно, что они находились сперва между Діадиномъ и Каракилисой и заняли послѣднюю лишь по отступленіи оттуда алашкертскаго отряда къ Дели-Бабѣ. При этихъ условіяхъ, какъ указываетъ военное искусство, оперированіе противъ непріятеля возможно было только съ подвижнымъ отрядомъ, для чего слѣдовало имѣть достаточно перевозочныхъ средствъ и необходимый запасъ продовольствія.

Въ первомъ обвинительномъ актѣ, въ нижеслѣдующемъ параграфѣ, на который честь имѣю отвѣтить, сказано, что я поступилъ не согласно началамъ военнаго искусства.

Разсмотрѣвъ данный мнѣ военнымъ судомъ на прочтеніе актъ, обвиняющій меня, что будто бы я дѣйствовалъ не согласно съ правилами военнаго искусства, имѣю честь доложить на параграфъ этого акта слѣдующее:

Параграфъ обвинительнаго акта. «Прибывъ въ Баргири къ 1-му мая съ редифами и иррегулярными войсками, организованными мною въ Ванѣ, съ цѣлью наступленія на Баязетъ, я будто бы ограничился высылкою однихъ курдскихъ всадниковъ къ Теперизу. Будто бы не исполнилъ обѣщаніе, данное мною главнокомандующему. Обѣщаніе это состояло въ томъ, чтобы, согласно приказанія главнокомандующаго, отъ 27-го апрѣля, переданнаго по телеграфу, не ожидать окончательнаго пополненія отряда всѣми необходимыми запасами, двигаться по-баталіонно къ Бадисъ-Агѣ (близъ Ибкоя) и затѣмъ, снабдивъ отрядъ на ходу, безотлагательно продолжать наступленіе къ Баязету. Будто бы я, противно собственному моему заявленію, продвинулся лишь къ 10-му мая до Ибкоя, гдѣ оставался до конца въ полномъ бездѣйствіи. Будто бы я передалъ командованіе отрядомъ полковнику Ахмедъ-бею, а самъ безъ всякой видимой причины отправился обратно въ Баргири, гдѣ оставался цѣлыхъ 15 дней, покинувъ ввѣренный мнѣ постъ, даже не донося объ этомъ главнокомандующему, такъ что послѣдній, въ телеграмѣ отъ 26-го апрѣля сообщая мнѣ о численности непріятеля передъ Баязетомъ и Алашкертомъ и предписывая наступать, былъ принужденъ запросить меня, гдѣ я нахожусь.

Что сверхъ того, вопреки предписанія быстро двигаться впередъ, я будто бы, потерявъ еще отъ 5,000 до 6,000, рѣшился,

наконецъ, оставить Ибкой, причемъ только 6-го іюня достигъ Тепериза, находящагося всего въ 12-ти-часовомъ разстояніи отъ Баргири. мѣста сосредоточенія отряда. Слѣдовательно, отрядъ употребилъ 32 дня для того, чтобы пройти такое незначительное разстояніе, что ясно свидѣтельствуетъ о чрезвычайной медленности моего движенія. Наконецъ, представленныя мною объясненія этой медленности, порожденной недостаткомъ перевозочныхъ средствъ и боевыхъ запасовъ, были признаны незаслуживающими вниманія.

Отвѣтъ на предыдущій параграфъ. «1-го мая, въ день полученія предписанія наступать къ Баязету, ввѣренный мнѣ отрядъ далеко не доходилъ до показаннаго въ обвинительномъ актѣ состава, а именно: 6-ти баталіоновъ пѣхоты, двухъ эскадроновъ кавалеріи, одной горной и одной 6-ти-фунтовой батареи и 780-ти вьючныхъ лошадей. Всѣ мои силы состояли тогда изъ 2-го ванскаго редифнаго баталіона (634 чел.). имѣвшаго большой недостатокъ въ боевыхъ припасахъ, 3-го ванскаго редифнаго баталіона (626 чел.), неимѣвшаго никакихъ боевыхъ припасовъ, 1-го баталіона 1-го полка (624 чел.), потерявшаго все свое имущество въ Баязетѣ (640 чел.), 3-го баталіона 2-го полка (640 чел.), одной легкой батареи, трехъ горныхъ орудій и двухъ эскадроновъ кавалеріи, въ составѣ 187 человѣкъ. Цифры эти легко могутъ быть провѣрены по отчетамъ и строевымъ рапортамъ отряда за то время. Приведенная ниже телеграма Мунибa паши, въ маѣ 1877 г. (1293 г.), также свидѣтельствуетъ, что другіе баталіоны тогда еще не прибыли.

Изъ всего этого видно, что я имѣлъ основательныя причины не предпринимать наступленіе отрядомъ подобнаго состава, притомъ почти не имѣвшаго боевыхъ припасовъ. Въ приведенной ниже телеграмѣ главнокомандующій предлагаетъ мнѣ пополнить имѣвшійся въ отрядѣ недостатокъ въ запасахъ, на что я поспѣшилъ сообщить, въ какихъ именно предметахъ разнаго довольствія нуждались ввѣренныя мнѣ войска. Всѣ представленные мною здѣсь документы достаточно доказываютъ, что были весьма серьезныя причины столь медленнаго движенія къ Баязету.

Телеграма его превосходительству главнокомандующему. «Шифрованную телеграму вашего превосходительства отъ 12-го апрѣля 1877 (1293) года получилъ. Русскіе перешли границу въ большихъ силахъ, какъ я имѣлъ уже честь сообщить въ колективной съ генералъ-губернаторомъ телеграмѣ отъ 21-го апрѣля 1877 (1293) года. Ванскій отрядъ не былъ еще сформированъ, а алашкертскій не имѣлъ возможности выдти на помощь. Оба баталіона наши, равно какъ и всѣ гражданскіе чины,

принуждены были покинуть городъ. Первые въ настоящее время находятся еще въ Баргири. Носятся слухи, будто бы другая непріятельская колонна направляется по мысунской дорогѣ къ *Ючь-Килисѣ* (Сурбъ-Оганесъ). Въ настоящую минуту было бы необходимо очистить отъ непріятеля баязетскій раіонъ, и если означенный слухъ подтвердится, то слѣдовало бы отрѣзать путь отступленія русской колоннѣ около Ючь-Килисы. Между тѣмъ, въ Ванѣ имѣется всего одинъ баталіонъ, и тотъ нуждается въ одеждѣ и оружіи. 2-й редифный баталіонъ, находящійся еще въ пути, равно какъ и баязетскій баталіонъ, нуждаются во многомъ. Въ томъ же положеніи находятся и баталіонъ *Джизрэ* изъ *Габара*, и всѣ иррегулярныя войска. Въ виду этого я двинулъ въ Баргири, немедленно по прибытіи остальныхъ иррегулярныхъ баталіоновъ и части иррегулярныхъ войскъ шейховъ и, по полученіи недостающихъ военныхъ и продовольственныхъ запасовъ, о присылкѣ которыхъ я много разъ телеграфировалъ вашему превосходительству изъ Баргири, я окончательно организую отрядъ и двинусь туда, гдѣ мое присутствіе будетъ наиболѣе важно. Вмѣстѣ съ тѣмъ, покорнѣйше прошу ваше превосходительство сообщить мнѣ, что именно будетъ выслано.

«Если ваше превосходительство предпишите мнѣ наступать до полученія всего недостающаго войска, то и тогда, не колеблясь, исполню приказаніе ваше въ точности. Считаю, однако, необходимымъ обратить вниманіе вашего превосходительства, что при недостаткѣ населенныхъ мѣстъ въ странѣ, гдѣ придется дѣйствовать, войска наши, полуодѣтыя, принуждены будутъ расположиться подъ открытымъ небомъ, испытывая на себѣ всѣ вредныя послѣдствія этихъ неблагопріятныхъ условій». Подписано: дивизіонный генералъ *Ахмедъ-Фаикъ*.

Телеграма его превосходительству главнокомандующему. «Всѣ старанія добыть мѣшки въ Ванскомъ вилайетѣ оказались тщетными. Въ телеграмѣ вашего превосходительства отъ.... числа предписывалось мнѣ двигаться со всѣми ввѣренными войсками къ Баязету, въ виду чего вы приказали въ самомъ непродолжительномъ времени выслать мнѣ 2,000 мѣшковъ. Если оружіе, о которомъ говорится въ телеграмѣ вашего превосходительства отъ 31-го апрѣля, еще не отправлено, то прошу немедленно его отправить; если же оно въ дорогѣ, то прошу распоряженія объ ускореніи доставки сюда». 2-го мая 1877 г. (1293 г.). Подписано: *Ахмедъ-Фаикъ*.

Телеграма его превосходительству главнокомандующему. «Объ исполненіи предписанія вашего превосходительства отъ 27-го апрѣля (полученнаго мною лишь 1-го мая), продолжать наступленіе изъ

Баргири, донесъ телеграмою отъ 1-го же мая, что два баталіона уже отправлены, и что лично поведу остальныя войска ввѣреннаго мнѣ отряда. Но телеграмою отъ 18-го апрѣля 1877 (1293) года, ваше превосходительство предписали не выступать, не пополнивъ предварительно недостающіе боевые и продовольственные запасы. Мнѣ также кажется, что эта послѣдняя мѣра дѣйствительнѣе въ видахъ пользы дѣла. Наступленіе дѣйствительно необходимо, но теперь только, по обмѣнѣ депешами, начинаетъ подходить продовольствіе для двухъ баталіоновъ. Надѣюсь, что завтра оно будетъ въ Эрджишѣ, а послѣ-завтра здѣсь. Слѣдовательно, лучше дождаться, согласно вашего приказанія, прибытія военныхъ и продовольственныхъ запасовъ и тогда уже двинуться далѣе для общаго наступленія совмѣстно и съ алашкертскимъ отрядомъ, теперь же Ибкой заваленъ снѣгами; а при неимѣніи тамъ помѣщеній, войска испытаютъ большія затрудненія безъ вещей и палатокъ. Если непріятель продержится до того времени, какъ мы изготовимся, то съ Божіею помощью одержимъ надъ нимъ полный успѣхъ. До сихъ поръ еще не прибыло ни одной части изъ обѣщанныхъ шейхами иррегулярныхъ войскъ». 2-го мая 1877 г. (1293 г.).

Подписано: *Ахмедъ-Фаикъ.*

Письмо къ ванскому генералъ-губернатору. «Нѣсколько времени тому назадъ эрджишскому каймакаму было предложено офиціальнымъ письмомъ принять всѣ необходимыя мѣры къ сбору быковъ и повозокъ для перевозки въ Баргири сложенныхъ или имѣющихъ на эрджишской пристани къ ней прибыть продовольственныхъ запасовъ. Въ настоящее время каймакамъ сообщаетъ намъ, что въ эрджишскомъ каймакамствѣ можетъ быть собрано такое незначительное число быковъ и повозокъ, что ихъ едва достанетъ для перевозки продуктовъ, поставленныхъ самимъ уѣздомъ, замѣчая при этомъ, что для поднятія запасовъ, сложенныхъ на ибкойской пристани, придется необходимо озаботиться сборомъ перевозочныхъ средствъ въ другихъ мѣстностяхъ, на средства ванскаго вилайета. Въ предыдущемъ донесеніи я доложилъ, что мы лишены всякой возможности пріобрѣсть вьючныхъ животныхъ, а потому обращаюсь къ вашему превосходительству съ покорнѣйшею просьбою не отказать въ зависящихъ отъ васъ распоряженіяхъ для перевозки продовольственныхъ запасовъ, сложенныхъ на вышеупомянутой пристани». 3-го мая 1877 г. (1293 г.).

Подписано: *Ахмедъ-Фаикъ.*

Телеграма его превосходительству главнокомандующему. «Доложивъ вамъ телеграмой отъ 2-го мая 1877 г. (1293 г.) о невоз-

можности достать мѣшковъ въ Ванѣ, я просилъ ваше превосходительство прислать намъ 1,000 паръ мѣшковъ. Не получая отвѣта, мы рискуемъ остаться вовсе безъ провіанта въ то время, когда нужно будетъ начать движеніе, что, конечно, ваше превосходительство не потерпите.

«Присланные для 4-го армейскаго корпуса мѣшки будутъ лежать безъ употребленія. Между тѣмъ, какъ для ввѣреннаго мнѣ отряда совершенно необходимо столько мѣшковъ, сколько потребуется для ежедневной перевозки 5,000—6,000 окъ муки и сухарей. Имѣю честь еще разъ просить ваше превосходительство о возможно скорѣйшей присылкѣ упомянутаго выше числа мѣшковъ.» 11-го мая 1877 г. (1293 г.).

Подписано: *Ахмедъ-Фаикъ.*

Телеграма его превосходительству главнокомандующему. «До сего числа въ ввѣренный мнѣ отрядъ привезли всего: 3,000 ружей малаго калибра при 900 ящикахъ съ патронами, 500 ящикахъ съ патронами Боксера, четыре снаряжательныхъ апарата и 1.000,000 капсюлей (въ 10-ти ящикахъ). Предметы обмундированія для баталіона Джизрэ также прибыли, за исключеніемъ шинелей. Но не получено однако же самаго важнаго, т. е. патроновъ къ ружьямъ Генри-Мартини. Относительно шинелей, я уже нѣсколько разъ обращался письменно къ ванскому генералъ-губернатору и къ начальнику складовъ вилайета, прося распорядиться изготовленіемъ ихъ, но до сихъ поръ никакого отвѣта не получилъ». 22-го мая 1877 г. (1293 г.).

Подписано: *Ахмедъ-Фаикъ.*

Телеграма его превосходительству главнокомандующему. «Телеграму вашего превосходительства отъ 14-го мая 1877 г. (1293 г.) получилъ. На весь отрядъ имѣется всего 129 палатокъ. Въ Ибкоѣ падаетъ снѣгъ, поэтому одинъ баталіонъ я вернулъ въ Баргири, а двумъ остальнымъ приказалъ расположиться въ селеніи Ибкой». 18-го мая 1877 г. (1293 г.). Подписано: *Ахмедъ-Фаикъ.*

Ванскому генералъ губернатору. «Интендантство сообщило мнѣ, что, по неимѣнію мѣшковъ, оно находится въ невозможности продовольствовать иррегулярныхъ солдатъ, ожидаемыхъ сюда сегодня. Если мы теперь, еще на мѣстѣ, находимся въ подобномъ затрудненіи, то что же будетъ во время движенія? Зная о постоянномъ сочувствіи вашего превосходительства къ общему благу, я увѣренъ, что вы не потерпите подобнаго положенія, а потому обращаюсь съ покорнѣйшею просьбою сегодня же выслать въ отрядъ 200 паръ мѣшковъ, дабы завтра къ вечеру получить ихъ. Вслѣдъ за этой первой партіей

прошу ваше превосходительство переслать намъ еще отъ 300—400 паръ мѣшковъ». 25-го мая 1877 г. (1293).

Подписано: *Ахмедъ-Фаикъ.*

Его превосходительству муширу. «Покорнѣйше благодарю ваше превосходительство за телеграму отъ 26-го мая, касательно нашего дальнѣйшаго наступленія. Можетъ быть, что при движеніи къ Баязету намъ удастся съ Божіею помощью занять часть города. Я запросилъ письменно начальника алашкертскаго отряда, когда онъ начнетъ наступленіе и пройдетъ черезъ Каракилису». 29-го мая 1877 г. (1293). Подписано: *Ахмедъ-Фаикъ.*

Его превосходительству главнокомандующему. «Сегодня новаго ничего нѣтъ. Изыскиваю средства для снабженія отряда необходимымъ для дальнѣйшаго движенія продовольствіемъ». 31-го мая 1877 г. (1293). Подписано: *Ахмедъ-Фаикъ.*

Коменданту въ Баргири. «Согласно заключенія военной комисіи, прошу васъ безотлагательно переслать сюда всѣ порожніе мѣшки отъ присланныхъ вамъ различныхъ продуктовъ, если въ этихъ мѣшкахъ вы сами не имѣете крайней надобности». 5-го мая 1877 г. (1293).

Подписано: ванскій генералъ-губернаторъ *Гассанъ.*

Коменданту въ Баргири. «Крайне затрудняясь пріобрѣтеніемъ здѣсь мѣшковъ, прошу о высылкѣ находящихся у васъ безъ употребленія». 9-го мая 1877 г. (1293).

Подписано: бригадный генералъ *Мехмедъ-Мунибъ.*

Начальнику ванскаго отряда. «Телеграму вашу отъ 8-го мая получилъ. Боевые и продовольственные запасы будутъ высылаемы вамъ по мѣрѣ полученія изъ Трапезунда. Если случаются задержки въ ихъ доставкѣ, то по причинѣ недостатка въ перевозочныхъ средствахъ». 11-го мая 1877 г. (1293). Подписано: *Измаилъ-Хакки.*

Отъ того же и къ тому же. «Посылаю вамъ сегодня черезъ Мушъ просимое вами въ телеграмѣ отъ 3-го мая обмундированіе для редифовъ Джизрэ. Что касается палатокъ, то я не получилъ еще ихъ изъ Константинополя и не имѣю теперь здѣсь свободныхъ, а потому не могу ихъ вамъ выслать немедленно, но обѣщаю, чрезъ нѣсколько дней, отправить вамъ сотню палатокъ, ожидаемыхъ изъ разныхъ баталіоновъ.

«Если баталіоны ваши еще не доведены до комплекта, то озаботьтесь ихъ пополненіемъ. Кромѣ того, согласно желанія вашего, мы снова обратились къ ванскому генералъ-губернатору». 11-го мая 1877 г. (1293). Подписано: *Измаилъ-Хакки.*

Фаику-пашѣ, дивизіонному генералу. «Телеграмы ваши отъ

9-го и 10-го мая, касающіяся дальнѣйшаго наступленія вашего изъ Баргири, получилъ. Предполагаю, что показавшаяся непріятельская колонна имѣла цѣлью произвести рекогносцировку. Я весьма доволенъ, что вамъ удалось принудить ее къ отступленію. Извѣстите меня о числѣ имѣющихся въ отрядѣ палатокъ». 14-го мая 1877 (1293) г.

Подписано: *Ахмедъ-Мухтаръ.*

Фаикъ-пашѣ, въ Арджишъ. «Требуемые въ телеграмѣ вашей отъ 2-го мая 1,000 мѣшковъ будутъ вамъ безотлагательно высланы. Въ полученіи ихъ прошу выдать росписку.» 14-го мая 1877 (1293) г.

Подписано: *Измаилъ-Хакки.*

Начальнику ванскаго отряда. «Относительно шинелей для редифовъ, я обратился въ Ванъ съ просьбою озаботиться о постройкѣ ихъ. Но такъ какъ вамъ ближе извѣстны потребности ввѣреннаго вамъ отряда, то прошу васъ лично войти въ сношеніе по этому предмету съ генералъ-губернаторомъ и затѣмъ поставить меня въ извѣстность о результатахъ принятыхъ вами мѣръ». 18 го мая 1877 (1293) г,

Подписано: *Ахмедъ-Мухтаръ.*

Начальнику ванскаго отряда въ Баргири. «Согласно выраженному вами въ телеграмѣ отъ 17-го мая требованію, выслано вамъ 240 ящиковъ патроновъ Генри-Мартини и 400—Боксера, въ полученіи которыхъ прошу выдать росписку и немедленно извѣстить.» 19-го мая 1877 (1293) г. Подписано: *Измаилъ Хакки.*

Отъ того же къ тому же. Въ отвѣтъ на телеграму вашу отъ 17-го мая, сообщаю, что до сихъ поръ было отправлено въ ванскій отрядъ всего 60 ящиковъ патроновъ Генри-Мартини, по неимѣнію въ главной квартирѣ большаго числа. 14-го же мая вамъ было выслано еще 200 ящиковъ, только что полученныхъ изъ Трапезунда. Сегодня отправлено вамъ, сверхъ того, 200 ящиковъ патроновъ Генри-Мартини и 400—Боксера». 19-го мая 1877 (1293) г.

Подписано: *Измаилъ-Хакки.*

Начальнику ванскаго отряда. «Телеграму вашу относительно палатокъ для 1-го баталіона 1-го полка получилъ. Изъ требуемыхъ вами различныхъ предметовъ вамъ было выслано: малокалиберныя ружья съ патронами и капсюлями 16-го, 18-го и 19-го мая; патроны Боксера — 24-го мая; патроны для капсюльныхъ ружей, ружья Генри-Мартини съ патронами и ружья для иррегулярныхъ войскъ — 30-го апрѣля; мундирныя вещи—24-го апрѣля; патроны для ружья Уинчестера и для револьверовъ—19-го апрѣля; палатки—10-го мая. Вамъ должно быть извѣстно, что полученныя изъ различныхъ отрядовъ

телеграмы сообщаются кому слѣдуетъ и затѣмъ исполняются по степени важности.

«Недостатокъ перевозочныхъ средствъ, разлитіе рѣкъ и другія подобныя препятствія мѣшаютъ доставкѣ вамъ вышеперечисленныхъ предметовъ въ назначенные сроки. Не могу, однако, не удивляться выражаемому вами по этому поводу сожалѣнію. Вамъ вполнѣ извѣстно, сколькихъ усилій и заботъ стоитъ мнѣ все это». 25-го мая 1877 (1293) г. Подписано: *Измаилъ-Хакки.*

Начальнику ванскаго отряда. «Алашкертскому отряду мною предписано наступать къ Каракилисѣ. Имѣете войти съ нимъ въ спошеніе о времени вашего наступленія. Впредь до новыхъ приказаній, продвиньтесь со ввѣреннымъ вамъ отрядомъ нѣсколько впередъ и будьте готовы ко всякимъ случайностямъ». 27-го мая 1877 (1293) г.

Подписано: *Ахмедъ-Мухтаръ.*

Начальнику ванскаго отряда въ Баргири. «Получивъ отъ почтоваго чиновника увѣдомленіе о прибытіи въ Трапезундъ шинелей, я написалъ, чтобы выслали ихъ сюда безотлагательно. Какъ только получу ихъ, пришлю вамъ немедленно необходимое количество, согласно телеграмѣ вашей отъ 15-го мая». 31-го мая (1293) г.

Подписано: *Измаилъ-Хакки.*

Начальнику ванскаго отряда. «Изъ упомянутыхъ вами въ телеграмѣ отъ 6-го мая различныхъ предметовъ, въ которыхъ нуждаются ванскіе редифные баталіоны 2-го и 3-го призывовъ, посылаю вамъ 128 желѣзныхъ листовъ и 1,600 мѣшковъ съ боевыми припасами. Остальные предметы пришлю немедленно по ихъ полученіи». 24-го мая 1877 (1293) г. Подписано: *Измаилъ-Хакки.*

Начальнику баргирскаго отряда. «Гиварскій баталіонъ, въ составѣ 350 человѣкъ, прибываетъ сегодня. Джезресскій баталіонъ, въ составѣ 450 человѣкъ, прибудетъ завтра. Давъ имъ переночевать здѣсь, отправляю далѣе. Только что получилъ письменное извѣщеніе отъ шейховъ, что партіи ихъ прибудутъ въ Ванъ въ будущую пятницу. Завтра высылаю вамъ 500 окъ маиса, 10,000 окъ сухарей, 3,300 окъ рису и 20 чекизовъ дровъ». 3-го мая 1877 (1293) г.

Подписано: *Мегмедъ-Мунибъ*, временно командующій отрядомъ.

Телеграма его превосходительству главнокомандующему: «Согласно предписанію вашего превосходительства и въ силу обстоятельствъ мы двигаемся къ Баязету, моля Всевышняго о дарованіи намъ успѣха. Неполученіе еще мѣшковъ, людей изъ Гюмюнъ-Ханэ, равно какъ и патроновъ на ванскій редифный баталіонъ 3-го призыва

заставило меня, къ величайшему моему сожалѣнію выступить съ однимъ лишь баталіономъ». 1 го іюня 1877 (1293) г.

Подписано: *Ахмедъ-Фаикъ*.

По недостатку въ палаткахъ и въ мѣшкахъ для перевозки провіанта я уже рѣшилъ было двинуть отрядъ по-баталіонно; но, при извѣстіи о намѣреніи русскихъ атаковать Ибкой, движимый чувствомъ долга и чести, направился одновременно со всѣми баталіонами на Ибкой. Послѣ незначительной перестрѣлки непріятель отступилъ.

Недостатокъ въ боевыхъ и продовольственныхъ запасахъ, равно какъ и во многихъ другихъ предметахъ, угрожавшій поставить впослѣдствіи отрядъ въ чревычайно затруднительное положеніе; наконецъ необходимость организовать войска, въ особенности ожидаемыя иррегулярныя части, заставили меня вернуться.

Кромѣ того, Ардаганъ былъ уже занятъ русскими, а алашкертскій отрядъ, съ которымъ я долженъ былъ соединиться по приказанію главнокомандующаго, не могъ наступать, пока не выяснится новый планъ дѣйствій непріятеля. Въ свое время я предписалъ Мунибу-пашѣ подготовить продовольствіе для моего отряда, но порученіе это не исполнялось имъ съ желаемой быстротой. Это послѣднее обстоятельство, въ совокупности съ упомянутымъ уже недостаткомъ въ патронахъ, мѣшкахъ и шинеляхъ, заставило меня вернуться въ Баргири, т. е. отступить на разстояніи 4-хъ часовъ для принятія надлежащихъ мѣръ.

Съ другой стороны, сообщенныя лазутчиками свѣдѣнія о движеніи русскихъ на Патносъ заставили меня, въ видахъ необходимой осторожности, произвести въ этомъ направленіи рекогносцировку.

Такъ какъ я находился все время въ раіонѣ расположенія ввѣреннаго мнѣ отряда и могъ, въ случаѣ надобности, во всякую минуту прибыть въ Бадисъ-Агу, то и нельзя было считать меня сложившимъ свои обязанности. Въ Ибкоѣ командованіе войсками ввѣрено было мною полковнику Ахмедъ бею, а въ Ири-Чау, находящемся въ 10 часахъ отъ нашего расположенія, стоялъ передовой отрядъ, который могъ бы замѣтить малѣйшее движеніе непріятеля съ разстоянія 3-хъ или 4-хъ часовъ и, слѣдовательно, всегда сообщилъ бы во-время въ Ибкой, откуда, въ свою очередь, сообщено было бы мнѣ, такъ что не позже какъ чрезъ шесть часовъ я могъ бы уже быть на мѣстѣ. Вотъ почему пребываніе мое въ Баргири не можетъ считаться какъ отсутствіе изъ отряда. Сверхъ того, не имѣя дѣлъ въ раіонѣ расположенія отряда, мнѣ нечего было и доносить главнокомандующему.

Возвращаюсь къ телеграмѣ главнокомандующаго отъ 25-го мая. Въ ней, спрашивая меня о моемъ мѣстопребываніи, онъ вмѣстѣ съ

тѣмъ предписываетъ мнѣ наступать. Это доказываетъ, что его превосходительство не зналъ, гдѣ я находился, между тѣмъ предыдущія мои телеграмы помѣчены изъ Баргири. Почти одновременно съ телеграмой главнокомандующаго, я получилъ слѣдующую депешу отъ ванскаго генералъ-губернатора.

Начальнику отряда въ Баргири. «Телеграму вашу получилъ. Вторично прошу васъ переслать въ Корсудъ (Корцотъ) телеграфиста съ апаратомъ». 26-го мая 1877 (1293) г.

Подписано: генералъ-губернаторъ Вана, *Гассанъ.*

Въ исполненіи этой просьбы и для удобства сношеній, станція была перенесена въ Корсудъ, и послѣдующія телеграмы уже помѣчаемы были изъ Корсуды. Это и ввело главнокомандующаго въ недоумѣніе, выразившееся въ приведенной телеграмѣ.

Далѣе г. прокуроръ замѣтилъ, что 680 вьючныхъ лошадей было совершенно достаточно для потребности отряда. Опредѣленіе это не вѣрно, такъ какъ на каждый баталіонъ требовалось по крайней мѣрѣ 70 штукъ, что на шесть баталіоновъ составляетъ 420 штукъ; для артилеріи—150, для кавалеріи—20 и для штабовъ—семь. При разстояніи между Тепернзомъ и Баргири въ 15 часовъ необходимо было имѣть, для правильнаго подвоза продовольствія, еще 130 лошадей, т. е. всего 827 вьючныхъ лошадей. Слѣдовательно, для потребностей отряда не доставало 147 лошадей.

Кромѣ того, къ 27-му мая численность иррегулярныхъ войскъ возрасла до 7,090 человѣкъ, какъ видно изъ списковъ этихъ частей, такъ что весь отрядъ достигалъ до 11,000 человѣкъ.

Эти иррегулярныя войска также имѣли боевые и другіе запасы, подлежащіе перевозкѣ. Военный судъ, руководимый постоянно чувствомъ справедливости, благоволитъ согласиться со мною, что имѣвшихся при отрядѣ перевозочныхъ средствъ дѣйствительно было недостаточно, и что высказанное по этому поводу г. прокуроромъ мнѣніе неосновательно.

Его превосходительство г. военный прокуроръ обвиненіе свое основываетъ на телеграмахъ его превосходительства главнокомандующаго, предписывавшаго мнѣ ускорить наступленіемъ къ Баязету. Особую важность онъ придаетъ телеграмѣ отъ 3 го мая, копія которой приложена къ обвинительному акту. Приводя одну изъ телеграмъ моихъ къ главнокомандующему, отправленную мною въ день прибытія въ Баргири, г. прокуроръ замѣчаетъ, что, не смотря на выраженную мною въ приводимомъ документѣ готовность продолжать наступленіе, я будто бы продолжалъ дѣйствовать съ прежнею медленностью.

Если военному суду благоугодно будетъ ближе разсмотрѣть многія телеграмы мои отъ 2-го мая по 1-е іюня, къ его превосходительству главнокомандующему, Измаилъ-Хакки-пашѣ и ванскому генералъ-губернатору Гассану-пашѣ, то онъ легко пойметъ, съ какими трудностями и препятствіями было сопряжено для меня всякое движеніе впередъ. Между прочимъ, изъ телеграмы моей отъ 1-го іюня видно, что до этого числа еще не могли быть пополнены необходимые боевые и продовольственные запасы, ни палатки, а мѣшки еще не были получены и, самое важное, ванскій редифный баталіонъ 3-го призыва не имѣлъ патроновъ Генри-Мартини.

Правда, въ день прибытія моего въ Баргири, я, сообщая главнокомандующему о недостаткѣ предметовъ различнаго довольствія, изъявилъ готовность двинуться впередъ, если получу приказаніе; но, въ предыдущемъ предписаніи, его превосходительство приказалъ мнѣ не предпринимать наступленія, не пополнивъ предварительно недостатка въ запасахъ. Слѣдовательно, и это заявленіе г. прокурора лишено основанія.

Въ концѣ перваго обвинительнаго акта, его превосходительство генералъ-прокуроръ говоритъ, что будто бы къ 10-му и 12-му мая я получилъ вполнѣ достаточное число боевыхъ припасовъ. Заявленіе это свидѣтельствуетъ лишь, что его превосходительство г. прокуроръ не разсчиталъ правильно, какое количество боевыхъ патроновъ необходимо для отряда подобной численности, вооруженнаго новыми ружьями и неимѣющаго особаго склада, а получившаго все изъ Трапезунда.

Для полной свободы передвиженій и дѣйствій необходимо имѣть на каждаго человѣка, по крайней мѣрѣ, по 12 пачекъ патроновъ и, сверхъ того, по 100 ящиковъ на баталіонъ. Иррегулярныя войска должны быть снабжены въ такомъ же размѣрѣ. Между тѣмъ къ 10-му и 12-му мая имѣлось всего 600 ящиковъ патроновъ Боксера, которыхъ хватило бы только для регулярныхъ баталіоновъ; ванскій же баталіонъ 3-го призыва, вооруженный ружьями Генри-Мартини, имѣлъ къ 1-му іюня всего 60 ящиковъ патроновъ.

Слѣдовательно, и по этому предмету, возводимое на меня г. прокуроромъ обвиненіе не имѣетъ основаній, такъ какъ свойство новаго вооруженія и отсутствіе ближайшихъ складовъ требовали обильнаго снабженія отряда боевыми припасами.

Параграфъ обвинительнаго акта. На слѣдующій день по прибытіи моемъ въ Теперизъ, произошла стычка между частями ввѣренныхъ мнѣ войскъ съ русскимъ отрядомъ близъ Индже-Су. Непріятель, разстроенный нашими иррегулярными войсками и преслѣдуемый ими,

отошелъ къ Баязету, гдѣ укрылся въ оборонительной казармѣ, продержавшись въ ней 22 дня. Въ теченіе всего этого времени, я будто бы не принялъ всѣхъ средствъ, чтобы ихъ окружить, принудить къ сдачѣ или уничтожить.

Отвѣтъ. На другой день, по прибытіи моемъ въ Теперизъ, часть ввѣренныхъ мнѣ войскъ, находившаяся на правомъ флангѣ нашего расположенія, самовольно продвинулась впередъ на разстояніе около $1^1/_2$ часа до *Индже-Су*, гдѣ вступила въ дѣло съ непріятелемъ. Будучи увѣдомленъ объ этомъ нашими передовыми постами, я сейчасъ поднялся на возвышенность, откуда и увидѣлъ отступленіе нашихъ иррегулярныхъ войскъ. Немедленно я приказалъ двумъ эскадронамъ кавалеріи, подъ начальствомъ адъютанта, маіора Гуссейнъ-аги, а позже и 2-му баталіону 6-го полка съ двумя горными орудіями, подъ начальствомъ маіора Мехмеда-аги, двинуться на выручку. Вслѣдъ за этими частями я направилъ и 3-й баталіонъ полка Ибрагима-паши, отправившись и самъ къ мѣсту боя.

Кавалерія, быстро обойдя правый флангъ непріятеля, поражала его сильнымъ огнемъ въ то время, какъ подходили наши баталіоны. Противникъ принужденъ былъ отступить къ Баязету, оставивъ шесть или семь тѣлъ на мѣстѣ. Кавалерія наша, курды и иррегулярная пѣхота преслѣдовали его до города.

Непріятель, отойдя къ Баязету, пытался было продолжать свое отступленіе къ Карабулаку, но былъ задержанъ вооруженными жителями окрестностей Баязета; тогда, перемѣнивъ направленіе, онъ бросился къ границѣ Персіи, но и здѣсь снова былъ остановленъ вооруженными жителями Джелали. Не имѣя другаго исхода, онъ принужденъ былъ укрыться въ баязетской оборонительной казармѣ. Свѣдѣніе это, сообщенное мнѣ къ вечеру того же дня Гассаномъ-агою по возвращеніи его въ Теперизъ, служитъ доказательствомъ, что непріятель не самовольно занялъ баязетскую казарму, но былъ къ тому вынужденъ.

Что касается возводимаго на меня обвиненія, будто бы мною не были приняты всѣ мѣры для вынужденія къ сдачѣ осажденныхъ или же къ совершенному ихъ истребленію, то я долженъ замѣтить слѣдующее: на другой же день послѣ упомянутаго дѣла, т. е. 7-го іюня, я взялъ два баталіона пѣхоты и четыре орудія (такъ какъ непріятель былъ въ небольшихъ силахъ) и двинулся къ Баязету, направивъ одновременно съ симъ оба эскадрона кавалеріи съ частью иррегулярныхъ всадниковъ, подъ начальствомъ адъютанта, маіора Гуссейнъ-аги, на карабулакскую дорогу. Подойдя къ Баязету, я выставилъ три орудія на возвышенности и въ разстояніи 500 метровъ отъ

восточныхъ воротъ казармы, которую отсюда началъ обстрѣливать. Но прочныя каменныя стѣны, казармы и скалистая глыба, прикрывавшія восточный выходъ, дѣлали тщетными всѣ усилія нашей артилеріи. Убѣдившись въ безполезности этого огня, мы обратились къ навѣсной стрѣльбѣ противъ нѣкоторыхъ частей постройки, имѣвшей деревянные потолки. Непріятель, находившійся тамъ, пришелъ въ замѣшательство и уже выкинулъ бѣлый флагъ. Видя, что осажденные рѣшаются сдаться, я приказалъ прекратить огонь и выслалъ впередъ роту 2-го баталіона 6-го полка, чтобы ближе узнать намѣренія противника и препроводить его парламентеровъ. Пока рота эта еще двигалась впередъ, ворота казармъ отворились, и нѣсколько невооруженныхъ человѣкъ уже показались у выхода. Но вдругъ курды засѣвшіе за ближайшими скалами, внезапно кинулись и перекололи всѣхъ. Осажденные пришли въ ужасъ, затворили ворота и быстро укрылись въ болѣе надежныя, казематированныя части казармы, откуда открыли сильный огонь, на который мы хотя и отвѣчали, но, какъ я уже имѣлъ честь заявить, артилерія наша не могла навести вреда прочной каменной постройкѣ. Жители Баязета, начавшіе выходить изъ города во время пріостановки стрѣльбы, обратились теперь въ живую мишень для непріятельскихъ снарядовъ. Обстоятельство это хотя и приводило меня въ отчаяніе, но, тѣмъ не менѣе, я долженъ былъ приказать войскамъ начать отступленіе къ Тепериву.

Изъ вышеизложенныхъ мною фактовъ военный судъ легко можетъ убѣдиться, что единственная причина, побудившая осажденныхъ отказаться отъ принятаго уже ими рѣшенія сдаться, была дикая необузданность курдовъ. Что же касается полнаго уничтоженія русскаго отряда, то могу смѣло сказать, что, по причинѣ совершенно недоступной мѣстности, не было человѣческихъ силъ проникнуть далѣе.

Во время обратнаго движенія моего, Халифе-Фельми-еффенди просилъ меня занять съ моими баталіонами общее съ нимъ бивачное расположеніе, въ виду ненадежности ввѣренныхъ ему войскъ, что я и исполнилъ.

Телеграмою отъ 7-го іюня къ его превосходительству главнокомандующему я подробно донесъ о бывшемъ дѣлѣ, прося о безусловномъ мнѣ подчиненіи начальника иррегулярныхъ войскъ, дабы послѣднія были въ моемъ непосредственномъ командованіи и исполняли бы всѣ мои приказанія, иначе я ничего не могу сдѣлать. Я просилъ также его превосходительство о высылкѣ мнѣ еще девяти баталіоновъ и нѣсколькихъ батарей. 17-го іюня я повторилъ эту просьбу главнокомандующему, и одновременно отправилъ телеграму такого же содержанія

Гассану-пашѣ колективно съ Низамомъ-еффенди, находившимся при мнѣ по особому дѣлу. Гассанъ-паша сообщилъ мнѣ, что представилъ просьбу мою на благоусмотрѣніе главнокомандующаго, оставившаго меня, къ величайшему моему сожалѣнію, безъ отвѣта.

Копія съ телеграмы къ его превосходительству Мухтару-пашѣ отъ 7-го іюня 1877 (1293) года. «Я имѣлъ уже честь донести вашему превосходительству въ телеграмѣ моей отъ 6-го іюня, что иррегулярныя войска наши собрались около Баязета. Ночью они убили нѣсколькихъ бѣжавшихъ казаковъ и перехватили нѣсколько сотъ лошадей. Вообразивъ, что совершили великій подвигъ, они окончательно вышли изъ повиновенія. Въ виду этого я принужденъ былъ лично отправиться въ Баязетъ, съ двумя баталіонами пѣхоты и четырьмя горными орудіями, сегодня утромъ. Артилерія наша, занявъ позицію, начала обстрѣливать казарму. Послѣ часовой бомбардировки непріятель подалъ знакъ о сдачѣ и, отворивъ ворота, уже готовился выходить изъ казармы, причемъ мусульмане находились впереди русскихъ. Вдругъ курды, о необузданности и дурномъ поведеніи которыхъ я уже говорилъ въ моей телеграмѣ отъ того же числа, кинулись на мусульманъ изъ засады и всѣхъ перекололи, не смотря на то, что тѣ громко заявляли имъ о своемъ единовѣріи. Русскіе, при видѣ этого, снова завалили выходъ изъ казармы, и направили по собравшимся около нихъ курдамъ сильный огонь.

«Тогда я возобновилъ канонаду, но наша артилерія оказалась безсильной противъ казематированныхъ построекъ, что отлично сознавали и осажденные, рѣшившіеся на отчаянное сопротивленіе. Мѣткій огонь, направляемый ими изъ бойницъ, поражалъ все окружавшее. Такимъ образомъ было убито даже до 40 человѣкъ изъ жителей города. Во избѣжаніе напрасныхъ потерь, я приказалъ отступать.

«Предполагалъ лишь со временемъ сообщить обо всемъ этомъ вашему превосходительству, но невыносимое поведеніе иррегулярныхъ войскъ вывело меня изъ терпѣнія. Все доказываетъ, что не можемъ извлечь никакой пользы изъ этихъ ордъ, развѣ только кавалерія ихъ могла бы еще пригодиться для набѣговъ въ непріятельскіе предѣлы. Въ виду этого необходимо увеличить отрядъ мой до 15-ти баталіоновъ, для чего я просилъ бы ваше превосходительство, если найдете возможнымъ, придать мнѣ еще восемь баталіоновъ и нѣсколько батарей. Съ прискорбіемъ прошу разрѣшенія вашего удержать только тѣхъ изъ иррегулярныхъ, которые хотя сколько нибудь способны къ правильной организаціи, для зачисленія ихъ въ регулярные баталіоны, остальныхъ отослать обратно». Подписано: *Ахмедъ-Фаикъ.*

Копія съ телеграмы къ его превосходительству Мухтару пашъ, отъ 17-го іюня 1877 (1293) г. «Шейхъ-Абдула-еффенди только что прибылъ сюда изъ подъ Баязета съ его войсками, пока расположившимися на общемъ со мною бивакѣ. Онъ заявилъ мнѣ, что его люди намѣреваются разойтись по недостатку продовольствія и неимѣнію палатокъ. Они бросаютъ свое негодное оружіе и, подобравъ самое исправное, уносятъ его, вмѣстѣ съ другими награбленными въ Баязетѣ, вещами домой. Число подобныхъ дезертировъ теперь уже достигло до 1,000 человѣкъ. Для блокады Баязета употреблены, въ настоящее время, почти исключительно регулярныя части, изъ иррегулярныхъ же участвуютъ только войска *Халифе-Фельми-еффенди* и *Хирутали-Мехмета-аги.*

«Изложивъ уже въ телеграмѣ моей отъ 7-го іюня, какихъ предѣловъ достигла распущенность иррегулярныхъ войскъ, осмѣливаюсь еще разъ просить ваше превосходительство, въ виду обезпеченія будущности ввѣреннаго мнѣ отряда, соблаговолить усилить его новыми регулярными частями.» Подписано: *Ахмедъ-Фагикъ.*

Копія съ телеграмы къ его превосходительству ванскому генералъ-губернатору, отъ 17-го іюня 1877 (1293) года. «Шейхъ-Абдула-еффенди, отправившійся третьяго дня въ Баязетъ, возвратился сегодня въ лагерь вмѣстѣ со своими иррегулярными войсками. Онъ объявилъ, что частію по неприбытію провіанта, частію по недостатку въ другихъ вещахъ, люди его оставляютъ лагерь. Самъ же онъ уѣзжаетъ завтра въ Баргири, чтобы отвѣтить на служебныя депеши. Его люди расходятся по домамъ, бросая свое негодное оружіе и забирая въ Баязетѣ все, что имъ попадается подъ руку. Такихъ дезертировъ уже болѣе 1,000. Въ настоящее время непріятеля осаждаютъ одни только регулярныя войска съ ополченіемъ Халифе-Фельми-еффенди и Хирутали-Мехмедъ-аги. Такое безпорядочное поведеніе иррегулярныхъ войскъ ставитъ нашъ отрядъ въ положеніе опасное, особенно при настоящихъ обстоятельствахъ, а потому, какъ начальникъ отряда, не могущій терпѣть такого положенія дѣлъ, я телеграфировалъ его превосходительству отъ 7-го іюня 1877 (1293) г. объ усиленіи ввѣренной мнѣ дивизіи до 15 баталіоновъ регулярныхъ войскъ при трехъ баталіонахъ артиллеріи. Ваше превосходительство, конечно, согласитесь со мной касательно неудобствъ, сопряженныхъ съ употребленіемъ иррегулярныхъ войскъ, а потому прошу ваше превосходительство исходатайствовать у Высокой Порты приказаніе, кому слѣдуетъ, исполнить или эту просьбу или ту, съ которой я имѣлъ честь обратиться къ вамъ передъ симъ, касательно приближенія къ намъ отряда его превосходительства, Кемали-паши.

Обращаюсь къ добротѣ вашего превосходительства въ убѣжденіи, что этимъ способомъ безопасность ванской дивизіи будетъ обезпечена какъ въ настоящемъ, такъ и въ будущемъ».

Подписано: *Фаикъ* и инспекторъ *Неджимъ*.

По возвращеніи въ Теперизъ я отправилъ въ Баязетъ Муниба пашу, приказавъ ему кончить съ осажденными въ замкѣ, ускоривъ ихъ сдачу или уничтоживъ ихъ. Самъ я остался въ Теперизѣ для обезпеченія отступленія изъ Баязета, если бы опасность угрожала со стороны эриванской дороги.

Измаилъ Хакки-паша, нашъ главный начальникъ, прибывшій въ сопровожденіи Акифъ-паши въ Баязетъ 24-го іюня, самъ видѣлъ всѣ наши распоряженія. Если бы его превосходительство замѣтилъ какія либо ошибки или небрежность въ нашихъ дѣйствіяхъ по осадѣ замка, то, конечно, онъ устранилъ бы меня отъ командованія и отдалъ бы подъ судъ. Его превосходительство, одобривъ всѣ принятыя мною мѣры, въ тотъ же день возвратился со мною въ Теперизъ, гдѣ переночевалъ, а на другой день отправился, чтобы привести въ Баязетъ алашкертскую дивизію, находившуюся въ долинѣ Ипекъ. Передъ отъѣздомъ онъ приказалъ мнѣ отправить къ Мунибу-пашѣ въ подкрѣпленіе одно легкое орудіе и редифный баталіонъ 3-го призыва Джезире, что мною и было исполнено.

Параграфъ обвинительнаго акта. Въ сраженіи при Инже-Су я недостаточно правильно расположилъ на аванпостахъ часовыхъ.

Отвѣтъ. Его превосходительство генералъ-прокуроръ справедливо говоритъ, что отъ каждаго баталіона я отдѣлилъ по ротѣ, которыя и расположилъ аванпостами по холмамъ. Но наши часовые были разставлены не только тамъ. Пѣшая и конная цѣпи занимали еще дорогу изъ Кызылъ-Диза, а упомянутыя роты назначены были только для засадъ и для занятія командующихъ высотъ впереди цѣпи. Сверхъ того, Инже-Су находилась въ разстояніи полутора часа отъ нашей позиціи, а потому было бы противно правиламъ растягивать цѣпь до этой рѣки. Въ дивизіи передовые посты располагаются въ 2,500 и никакъ не болѣе какъ въ 3,000 метрахъ. Изъ этого очевидно, что приписываемой мнѣ г. генералъ-прокуроромъ ошибки въ расположеніи передовыхъ постовъ не было.

Параграфъ обвинительнаго акта. Во время преслѣдованія иррегулярными войсками непріятельскаго отряда, ванская дивизія не двинулась на помощь къ Баязету.

Отвѣтъ. Я уже имѣлъ честь доложить, что непріятель, преслѣдуемый иррегулярной пѣхотой и кавалеріей, укрѣпился въ Баязетѣ,

гдѣ и нашелъ укрытіе отъ Джелали и другихъ племенъ, бывшихъ въ дѣлѣ. Двинуться изъ Теперизa со всѣми наличными войсками для преслѣдованія непріятеля мнѣ было невозможно, по ниже изложеннымъ причинамъ. По самому положенію отступающихъ не представлялось возможности ихъ преслѣдовать. Послѣдніе находились въ такомъ значительномъ разстояніи отъ позиціи этой пѣхоты, что она и не могла нагнать бѣгущихъ. Войдя въ казармы, русскіе, опасаясь, что мы отрѣжемъ имъ воду, по приказанію ихъ начальника наполнили водою всѣ бывшіе тамъ сосуды. Это сообщилъ намъ одинъ изъ осажденныхъ, попавшійся въ плѣнъ.

Въ моей телеграмѣ его превосходительству главнокомандующему о подробностяхъ боя при Индже-Су я сказалъ, что на другой день пойду въ Баязетъ съ пѣхотой и артилеріей. Генералъ-прокуроръ обвиняетъ, зачѣмъ я не двинулся въ тотъ же день. Съ одной стороны я уже имѣлъ честь изложить въ предыдущемъ параграфѣ, что непріятель былъ въ небольшомъ числѣ, съ другой, по причинамъ нижеизложеннымъ, я не считалъ удобнымъ отдалиться отъ Теперизa со всѣми наличными силами, а потому направился на Баязетъ лишь съ двумя баталіонами при четырехъ орудіяхъ. Въ названной телеграмѣ не упоминается ни о какихъ другихъ передвиженіяхъ. Причины, заставившія меня держаться Теперизa, были слѣдующія: теперизская позиція, какъ командующая надъ баязетской, имѣла весьма важное значеніе. Сверхъ того, непріятель, двигавшійся со стороны Эрзерума и Мысуна, неизбѣжно долженъ былъ пройти чрезъ деревню Кызылъ Дизу, расположенную въ одномъ часѣ впереди Теперизa и въ трехъ часахъ отъ Баязета, и такимъ образомъ могъ пересѣчь ванскую дорогу, отрѣзавъ путь отступленія изъ Баязета всего отряда, если бы онъ удалился отъ Теперизa.

Взглядъ на карту достаточно подтверждаетъ справедливость сказаннаго. Къ тому же алашкертская дивизія, бывшая нашимъ ближайшимъ подкрѣпленіемъ, подверглась, какъ телеграфировалъ корпусный командиръ, пораженію, и начальникъ ея былъ убитъ; слѣдовательно, мы уже не имѣли никакой надежды на помощь съ этой стороны, а потому было бы непростительно оставить такой важный пунктъ, какъ Теперизъ и ванскую дорогу, для движенія впередъ. Изъ всего изложеннаго становится яснымъ неосновательность возведеннаго на меня въ актѣ обвиненія въ напрасномъ раздѣленіи силъ.

Параграфъ обвинительнаго акта. Мунибъ-паша и Измаилъ-паша, видя наступленіе русскихъ и атаку ими 28-го іюня Баязета для освобожденія осажденныхъ, предложили мнѣ прибыть съ разсвѣ-

томъ къ нимъ на помощь, но будто я явился на поле сраженія только черезъ три или четыре часа по восходѣ солнца.

Отвѣтъ. Тотчасъ по полученіи отъ Муниба-паши письма въ этомъ смыслѣ и, одновременно, подобнаго же приказанія Измаила-паши, я просилъ письмомъ Измаила-пашу о подкрѣпленіи, предполагая, что непріятель долженъ былъ быть сильнѣе насъ. Но въ то же время я приказалъ полковнику Ахмедъ-бею приготовиться для движенія къ Баязету съ остававшимися у меня двумя съ половиной баталіонами и тремя горными орудіями, а адъютантъ-маіору Гуссейнъ-аги двинуться со всей регулярной и иррегулярной кавалеріей къ деревнѣ Меримъ (Майрамонъ?) по кызылъ-дизинской дорогѣ.

Свидѣтели, выслушанные военнымъ судомъ, прибыли ко мнѣ лишь черезъ часъ или черезъ полтора часа послѣ того, какъ мы услышали пушечные выстрѣлы: слѣдовательно, эти свидѣтели не могли знать, когда я прибылъ на позицію, а потому и свидѣтельство ихъ не имѣетъ вѣса. Если для выясненія дѣла военный судъ соблаговолитъ выслушать свидѣтельство полковника Ахмедъ-бея; Гуссейна-паши, ванскаго генералъ-губернатора; Ахмедъ-ефенди, маіора 1-го баталіона 1-го полка низама; Мустафы-ефенди, маіора резервнаго ванскаго баталіона 3-го класа; Халиля-ефенди, адъютантъ-маіора резервнаго ванскаго баталіона 3-го класа, и Шакри-еффенди, артилерійскаго адъютантъ-маіора, то судъ убѣдится, что я былъ на упомянутой позиціи еще до начала боя.

Копія отвѣта на письмо Измаила-паши отъ 27-го іюня 1877 (1293) г. «Я имѣлъ честь получить письмо вашего превосходительства отъ 27-го іюня 1877 (1293) г., которымъ вы извѣщаете, что непріятель для освобожденія баязетской колонны отдѣлилъ часть своихъ силъ, направивъ ее со стороны Игдыря».

«Вслѣдствіе этого ваше превосходительство предписываете мнѣ въ означенномъ письмѣ оставить, въ видахъ осторожности, два баталіона регулярныхъ войскъ на дорогѣ въ Мергу, а съ остальными силами присоединиться къ войскамъ Муниба-паши, на позиціи у Баязета, расположивъ иррегулярныя части по обѣимъ сторонамъ города, въ старинной крѣпости и въ городскихъ зданіяхъ. Иррегулярную же кавалерію разставить до Чилли-Гедыка. Вмѣстѣ съ тѣмъ ваше превосходительство предписываете поскорѣе кончить съ осажденными, принудивъ ихъ къ сдачѣ, или совсѣмъ отъ нихъ освободиться. На представляемое при семъ письмо бригаднаго генерала Муниба-паши, подтверждающее сообщаемыя вашимъ превосходительствомъ свѣдѣнія, я немедленно отвѣтилъ. Я быстро принялъ мѣры, необходимыя для безотла-

гательнаго выступленія съ тремя регулярными баталіонами и съ имѣющимися здѣсь иррегулярными войсками. Излишне упоминать вашему превосходительству, что для освобожденія осажденныхъ непріятель не явится съ меньшими противъ нашихъ силами; безъ сомнѣнія, онъ будетъ имѣть многочисленную кавалерію, а равно и пѣхоту съ сильной артиллеріей. Сверхъ того, ханъ Мергу, какъ родственникъ командира осажденныхъ, не замедлитъ, по всей вѣроятности, помочь русскимъ. Въ виду этого осторожность заставляетъ расположить, какъ ваше превосходительство и предписываете, достаточно сильный отрядъ по дорогѣ въ Мергу, занявъ другою частію войскъ позицію ниже Баязета для пресѣченія непріятелю пути отступленія при движеніи его на Баязетъ. Этимъ способомъ можно его разбить и принудить удалиться отъ города. Но для такихъ операцій мы не имѣемъ достаточно регулярныхъ войскъ; что же касается иррегулярныхъ, то они, какъ изволите усмотрѣть изъ представляемаго при семъ письма названнаго генерала, по своему качеству не могутъ оказать намъ дѣйствительной помощи въ достиженіи предполагаемой цѣли. А потому слѣдуетъ, по моему крайнему разумѣнію, отказаться отъ этого плана. Если мы займемъ только мѣстность по обѣ стороны Баязета, оставя не защищеннымъ центръ, то непріятель, придвинувшись къ самому городу, можетъ освободить осажденный гарнизонъ замка. Поэтому, чтобы избѣгнуть этого неудобства и не превратить въ пораженіе побѣду, уже нами одержанную, я иду на помощь къ вашему превосходительству, а вы съ своей стороны соблаговолите расположить достаточное число войскъ ниже Баязета. Согласно приказанія вашего, я немедленно выступаю съ регулярными баталіонами и иррегулярными войсками къ Баязету, а къ сторонѣ Чилли-Гедыка направляю всю имѣющуюся въ моемъ распоряженіи кавалерію. Однако, въ видахъ осторожности, представляется необходимымъ преградить непріятелю доступъ къ Баязету, отправленіемъ всей находящейся подъ начальствомъ вашего превосходительства кавалеріи въ долину Зангизара съ тѣмъ, чтобы непосредственно за ней слѣдовала туда же и пѣхотная бригада при одной батареѣ. Во всякомъ случаѣ, ваше превосходительство, конечно, примете, со свойственной вамъ просвѣщенной проницательностію, самыя дѣйствительныя въ нашихъ видахъ мѣры». Подписано: *Фаикъ*.

По полученіи мною письма отъ Муниба-паши прибылъ ко мнѣ отъ него маіоръ Мехмедъ-ага съ докладомъ, что письмо написано было второпяхъ, и что этому офицеру поручено дополнить все необходимое словесно. Онъ добавилъ, что мнѣ нечего безпокоиться за позицію, занятую ихъ войсками, но что только ихъ лѣвый флангъ нуждается въ

опорѣ. Я ему отвѣтилъ, что Муширъ придетъ къ намъ на помощь съ алашкертской дивизіей, и что мы тогда будемъ въ состояніи отрѣзать путь отступленія непріятеля и принудить его положить оружіе.

Его превосходительство генералъ-прокуроръ говоритъ, что я, будучи обязанъ двинуться впередъ немедленно по полученіи письма Муниба-паши и предписанія Измаила-паши, началъ движеніе послѣ вечера. Объявляю, что такъ какъ моя позиція находилась лишь въ трехъ часахъ пути отъ Баязета, и что означеннымъ письмомъ Мунибъ-паша просилъ меня прибыть къ разсвѣту, то я не видѣлъ никакой необходимости торопиться, тѣмъ болѣе, что до 2-хъ часовъ ночи (6 ч. по турецкому счету времени) я былъ занятъ раздачей одежды и оружія иррегулярнымъ войскамъ.

Параграфъ обвинительнаго акта. Цѣпь часовыхъ, поставленныхъ мною для воспрепятствованія осажденнымъ добывать воду, могла быть прикрыта по самому свойству почвы хотя и каменистой, но возможной для устройства закрытій; что будто я могъ разрушить за̀мокъ 6-ти-фунтовыми орудіями, и что почва близъ за̀мка было удобна для возведенія батарей.

Отвѣтъ. Военный судъ, будучи на мѣстѣ, запросилъ: могла ли наша артилерія произвесть на за̀мокъ желаемое дѣйствіе. Въ своемъ отвѣтѣ Бекеръ-бей, офицеръ генеральнаго штаба, сообщилъ, что искусные артилеристы могли въ нѣкоторыхъ пунктахъ разрушить зданіе. Однако онъ не указываетъ, въ какихъ именно мѣстахъ казармы уступили бы дѣйствію нашей артилеріи, и гдѣ для того слѣдовало бы расположить 6-ти-фунтовыя орудія. Офицеръ этотъ не говоритъ, въ какой степени наши полевыя орудія могутъ служить для разрушенія подобнаго каменнаго зданія. Снаряды этихъ орудій, разрываясь отъ малѣйшаго сопротивленія, не могутъ оказать большой пользы для разрушенія. Для этой цѣли служатъ большіе снаряды вновь изобрѣтенныхъ орудій. Только артилерійскіе офицеры компетентны въ показаніи, могутъ ли наши полевыя орудія разрушить такое прочное каменное зданіе, какъ Баязетскій за̀мокъ.

Пересѣченная каменистая мѣстность, наклонная къ городу, не давала закрытій нашей цѣпи, расположенной для пресѣченія доступа къ водѣ. Закрытія, если бы даже я возвелъ ихъ, не укрыли бы отъ артилеріи непріятеля, имѣвшей командованіе. Мунибъ-паша, бригадный генералъ генеральнаго штаба, завѣдывалъ этимъ. Онъ болѣе меня компетентенъ въ такого рода работахъ. Что же касается бѣгства изъ за̀мка въ Эривань двухъ русскихъ солдатъ, прокравшихся чрезъ проломъ,

сдѣланный осажденными, то въ этомъ я не подвергаюсь отвѣтственности. Нашъ законъ ясно указываетъ, на кого она должна пасть.

Параграфъ обвинительнаго акта. Будто я долженъ былъ двинуться къ Баязету со всѣми наличными силами, согласно телеграмы отъ 15-го іюня, въ которой его превосходительство главнокомандующій предписываетъ мнѣ немедленно идти и поскорѣе кончить съ осажденными. Въ отвѣтѣ военному суду я высказалъ, что вмѣсто того, чтобы безвыѣздно жить въ Баязетѣ, я отлучился въ Теперизъ по дѣламъ дивизіи. Однако также возможно было управлять имъ и изъ Баязета, такъ какъ Теперизъ отъ него въ разстояніи лишь трехъ часовъ.

Отвѣтъ. Поводомъ къ этому замѣчанію служитъ собственно выраженіе «*управлять военными дѣлами.* Я находился въ Теперизѣ не для того только, чтобы снабдить войска всѣмъ имъ недостававшимъ: это можно было сдѣлать и оставаясь въ Баязетѣ. Я сказалъ управлять военными дѣлами, разумѣя подъ этимъ распоряженія съ цѣлью угрожать пути отступленія непріятеля и охранять ванскую дорогу. Я уже имѣлъ честь доложить военному суду, что если бы русскіе показались со стороны Эрзерума и Мысуна, то всегда было бы возможно притянуть войска изъ Баязета въ Теперизъ. Если же непріятель атаковалъ бы Баязетъ со стороны карабулакской дороги, то мы притянули бы во-время всѣ наши силы изъ Теперизa. Такъ и случилось: когда непріятель показался 26-го числа на карабулакской дорогѣ, я пришелъ во-время. Его превосходительство генералъ-губернаторъ Вана и сопровождавшіе меня офицеры могутъ это подтвердить. Къ тому же осажденные были въ небольшомъ числѣ, и самому мнѣ оставаться безвыѣздно въ Баязетѣ необходимости не представлялось. Мунибъ-паша получилъ отъ меня необходимыя приказанія, а въ случаѣ надобности я могъ прибыть во всякое время, какъ это и случалось не разъ.

Параграфъ обвинителнаго акта. Я не исполнилъ во-время приказанія ударить во флангъ дивизіи Тергукасова при ея отступленіи послѣ пораженія у Халіяза и преслѣдованія почти до Баязета алашкертской дивизіей. Правда, я отправилъ 6-го іюня, подъ начальствомъ полковника Ахмедъ-бея, около двухъ тысячъ иррегулярныхъ войскъ. По прибытіи ихъ непріятель уже уходилъ, и Ахмедъ-бей не достигъ никакихъ результатовъ.

Отвѣтъ. Съ цѣлью угрожать пути отступленія русскаго отряда послѣ сраженія при Халіязѣ, я отправилъ, подъ начальствомъ маіора регулярной кавалеріи Гуссейнъ-аги, покорныхъ намъ курдовъ къ Діадину, Ючь-Килисѣ (Сурбъ-Оганесъ) и къ Мысуну. Та-

кимъ образомъ я не преминулъ исполнить упоминаемое приказаніе. Если русскіе и отступали, то вовсе не потому, что были угрожаемы нашей алашкертской дивизіей, но по невозможности провезти чрезъ упомянутые пункты военные запасы. Всѣ участники подтвердятъ мое показаніе, а у Измаила-паши и Ахмедъ-бея слѣдовало бы спросить, дѣйствительно ли посланный мною отрядъ ничего не сдѣлалъ.

Параграфъ обвинительнаго акта. Муширъ телеграфической депешей приказалъ мнѣ наступать въ предѣлы непріятеля, занятые лишь небольшими силами, а иррегулярныя войска направить къ Эривани.

Будто я не только не исполнилъ этого приказанія, но и представилъ Высокой Портѣ, что исполненіе его противно чувству справедливости, одушевляющему императорское правительство. Посылая отряды, я не забралъ военные и продовольственные непріятельскіе склады, находившіеся близъ Теперизa, и не очистилъ эти мѣста отъ русскихъ. Если я отправлялъ со сказанною цѣлью отряды, то долженъ дать по сему необходимыя военному суду поясненія.

Отвѣтъ. Телеграмой, которую я буду имѣть честь представить, я сообщилъ его превосходительству Муширу, что не могъ съ наличными силами дивизіи предпринять наступленіе по недостатку перевозочныхъ средствъ и по ненадежности иррегулярныхъ войскъ.

Вотъ копія съ телеграмы Мушира отъ 13-го іюня 1877 г. (1293 г.)

«Въ отвѣтъ на телеграму вашу отъ 13-го іюня предлагаю вамъ наступать не теряя ни минуты. Въ этихъ мѣстахъ непріятель въ небольшихъ силахъ. Употребите всѣ усилія, чтобы наводнить Эриванскую провинцію нашими иррегулярными войсками, по большей части одушевленными духомъ грабительства.»

Вотъ и мой отвѣтъ на эту телеграму:

«Получилъ вашу телеграму 14-го іюня. Дѣйствительно, силы непріятеля у Баязета крайне незначительны, но иррегулярныя войска моей дивизіи еще не организованы. Шейхъ-Абдула-еффенди, не смотря на мою просьбу, не представилъ еще свѣдѣвій о своемъ отрядѣ. Сила послѣдняго не превышаетъ 1,443 чел. О войскахъ Шейха-Джелаледина-еффенди, вооруженныхъ и бывшихъ у меня на смотру, могу утвердительно сказать, что ихъ не болѣе 800 чел. У Гамзы еффенди вооруженныхъ 450 чел. Остальные дезертировали съ оружіемъ и патронами. Есть и другія иррегулярныя войска. Не смотря на всѣ усилія ванскаго генералъ-губернатора, мы не можемъ доставить сюда провіантъ по недостатку перевозочныхъ средствъ. Если мы пройдемъ впередъ, то затрудненія эти только увеличатся. Я прошу ваше превосходительство рѣшительно приказать шейхамъ слѣдовать въ наступленіи

только моимъ указаніямъ и предпринять его лишь по обезпеченіи всѣмъ необходимымъ. Если они будутъ слушать моего приказанія, то я дамъ этимъ войскамъ правильную организацію и постараюсь предпринять наступленіе. Осажденные въ Баязетѣ рѣшились не сдаваться, а я принялъ всѣ возможныя мѣры, чтобы довести ихъ до крайности».

Подписано: *Фаикъ*.

Мое увольненіе послѣдовало 13-го іюля, а письмо, на которомъ его превосходительство генералъ-прокуроръ основываетъ свое обвиненіе, помѣчено 8-мъ августа. Слѣдовательно, очевидно, что дѣйствія мои послѣ отставки не подлежатъ разбирательству суда. Если я и писалъ объ этомъ дѣлѣ Высокой Портѣ, то единственно съ цѣлью ее увѣдомить о немъ. Письмомъ этимъ я даже и не думалъ оправдывать себя передъ Высокой Портой.

Касательно разграбленія непріятельскихъ складовъ совершенно излишне было давать по этому дѣлу инструкціи иррегулярнымъ войскамъ, посланнымъ въ Діадинъ и Ючь-Килису, ибо они не замедлили бы и безъ того разграбить все, что встрѣтится; но никакихъ складовъ не оказалось. Только въ Ючь-Килисѣ у непріятеля былъ госпиталь и кое-какіе предметы; но церковь, возведенная еще при армянскихъ царяхъ, оказалась лучшей постройки, чѣмъ баязетскій замокъ, и не могла быть взята открытой силой. Заявленія по сему генералъ-прокурора не полны, а слѣдовательно не дѣйствительны.

Параграфъ обвинительнаго акта. Я не отправилъ 6-ти-фунтовыя орудія изъ Тепериза съ баталіонами, направленными оттуда въ Баязетъ, а для охраны ихъ въ Теперизѣ удержалъ тамъ полубаталіонъ. По прибытіи непріятеля, не доходя одного часа до Баязета, я расположилъ баталіоны внѣ непріятельскаго пушечнаго огня, а потомъ, считая свой путь отступленія въ опасности, оставилъ занятую позицію и отвелъ войска назадъ.

Отвѣтъ. Я не отправилъ вмѣстѣ съ баталіонами и 6-ти-фунтовыя орудія, потому что, какъ сообщилъ въ предыдущемъ параграфѣ, мѣстность на позиціи Муниба-паши не представляла возможности для дѣйствій полевой артиллеріи. Сверхъ того, я отправилъ два дня передъ тѣмъ, согласно приказанія мушира, вмѣстѣ съ баталіономъ и одно орудіе, которое и было мнѣ возвращено съ донесеніемъ, что дѣйствовать изъ него невозможно и даже опасно. Сами русскіе, направившіе сначала въ Зангизаръ много орудій, потомъ взяли ихъ обратно, за исключеніемъ одного, по невозможности дѣйствовать артиллеріей, а ограничились употребленіемъ пѣхоты и кавалеріи. Этотъ фактъ достаточно оправдываетъ то, что я сказалъ раньше.

Прикрытіе оставленнымъ въ Теперизѣ орудіямъ не ограничилось однимъ полубаталіономъ, а тамъ были еще люди разныхъ баталіоновъ, и слабые, которыхъ я предназначилъ для охраны не только орудій, но и всего оставленнаго въ лагерѣ имущества, подъ командой Хайри-бея. Говорятъ, что я расположилъ баталіоны на высотѣ внѣ огня непріятеля, находившагося 27-го іюня въ одномъ часѣ отъ Баязета. Я уже имѣлъ честь доложить въ одномъ изъ предыдущихъ параграфовъ, что я расположилъ на надлежащей позиціи, какъ баталіоны. такъ и артилерію, во всемъ согласно съ правилами военнаго искусства. Непріятель приближался, предшествуемый стрѣлковою цѣпью. двигавшеюся гимнастическимъ шагомъ. Съ другой стороны, мы, построивъ артилерію въ боевой порядокъ, открыли огонь; но оказалось, что снаряды ложились близко. Свойство мѣстности не благопріятствовало употребленію артилеріи. Непріятель отодвинулъ свои орудія шаговъ на 300—400 назадъ, расположивъ у подошвы высоты только одно орудіе, и такимъ образомъ, что стѣна скрывала его отъ нашего легкаго орудія. Это непріятельское орудіе безпокоило войска Муниба-паши, потерявшаго одного человѣка убитымъ и нѣсколькихъ ранеными. Русскіе стрѣлки приближались къ долинѣ: одинъ баталіонъ пѣхоты съ полкомъ кавалеріи наступалъ противъ нашего праваго фланга, а два баталіона съ кавалерійскимъ полкомъ—противъ лѣваго. Тогда Мунибъ-паша принялъ бой. Тотчасъ же я назначилъ двѣ роты для прикрытія артилеріи, а остальныя шесть отправилъ впередъ въ помощь Ахмедъ-бею. Эти послѣднія двинулись впередъ, а упомянутыя двѣ роты вступили въ бой съ непріятелемъ, показавшимся въ сторонѣ. Бой длился шесть часовъ; наши солдаты держались стойко; но въ это время непріятель направилъ драгунскій полкъ на путь отступленія подававшагося баталіона Джезире. Этотъ послѣдній, не будучи въ состояніи противиться превосходному въ силахъ непріятелю, былъ принужденъ отступить. Кромѣ четырехъ ротъ, расположенныхъ мною на правомъ флангѣ, у меня не оставалось ничего. Четыре же роты, посланныя мною для обезпеченія пути отступленія баталіона Джезире, спасли этотъ послѣдній отъ сдачи Такимъ образомъ, командующая часть позиціи, занятая этимъ баталіономъ, перешла въ руки непріятеля, начавшаго тогда сильно тѣснить Муниба-пашу. Послѣдній полкъ, неудачно атаковавъ русскихъ, уже вошедшихъ въ городъ, потерялъ три полевыхъ орудія и принужденъ былъ отступить. Я видѣлъ отступленіе Муниба-паши и баталіона Джезире. Полковникъ Ахмедъ-бей также принужденъ былъ отвести свои войска и занять позицію влѣво, за скалой. Войска Муниба-паши бѣжали къ Теперизу, а непріятель занялъ высоту

сзади его лѣваго фланга. Имѣя только двѣ свободныя роты, предназначенныя мною для прикрытія артилеріи, я отправилъ одну для сбора разсѣявшихся частей, а съ другою, взявъ орудіе, отступилъ. Ночь провели мы на занятой позиціи. Именно такъ происходило дѣло, а потому совершенно несправедливо, будто бы я былъ внѣ пушечнаго огня и отступилъ во время боя изъ боязни потерять путь отступленія. Это засвидѣтельствуютъ всѣ тамъ бывшіе, между прочимъ генералъ-губернаторъ Вана, Мунибъ-паша, полковникъ Ахмедъ-бей и другіе офицеры, и я полагаюсь на чувство справедливости, одушевляющее военный судъ. Истинная и единственная причина неудачи слѣдующая: 27-го іюня, т. е. наканунѣ боя, я просилъ подкрѣпленія у его превосходительства Измаила-паши. Его превосходительство выступилъ на другой день въ 8 часовъ утра. Около 11 часовъ онъ сдѣлалъ привалъ на берегу рѣчки, протекающей мимо Кызылъ-Диза въ полуторѣ часѣ разстоянія отъ поля сраженія. Въ тотъ же день, за часъ до заката солнца, авангардъ былъ у с. Айляны, находящемся въ 3/4 часа отъ мѣста битвы. Здѣсь войска были расположены на высотѣ Кёспокъ. До 10 часовъ вечера они переходили съ мѣста на мѣсто, не подавая въ самыя тяжелыя минуты помощи сражавшимся. Изъ этого видно, что причиной нашего пораженія подъ Баязетомъ былъ Измаилъ-паша. Справедливость требуетъ не подвергать меня отвѣтственности за военныя ошибки его превосходительства. Я убѣжденъ, что военный судъ признаетъ справедливость моихъ показаній. Я былъ призванъ передъ военный судъ за баязетскій погромъ, не имѣющій большаго значенія, чѣмъ ардаганскій, и виновникомъ обоихъ случаевъ былъ тотъ же Измаилъ-паша. Подвергшись многимъ допросамъ, я уже семь мѣсяцевъ томлюсь въ заключеніи. Его превосходительство генералъ-прокуроръ, ссылаясь на свидѣтельство Муниба-паши, подтверждаемое, по его мнѣнію, показаніями двухъ другихъ лицъ, обвиняетъ меня въ небытности на полѣ сраженія въ день баязетской битвы. Во-первыхъ: Мунибъ-паша не сказалъ военному суду ничего опредѣлительнаго касательно часа моего прибытія на поле сраженія. По показанію Муниба-паши я прибылъ въ 3 часа, но этому невозможно придавать значеніе. Если его превосходительство генералъ-прокуроръ подкрѣпляетъ свидѣтельство Муниба-паши тѣмъ фактомъ, что письмо отъ него пришло ко мнѣ въ 3 часа, то я замѣчу, что позиція моя у Баязета была въ трехчасовомъ разстояніи отъ позиціи Муниба-паши; поэтому естественно, что между полученіемъ мною сказанной записки и увѣдомленіемъ Муниба-паши прошло много времени и, слѣдовательно, изъ простаго разсчета видно, что на поле сра-

женія я прибылъ ранѣе 3-хъ часовъ; этимъ и опровергается показаніе Муниба-паши. Нѣсколько человѣкъ изъ войскъ гази Кемали-паши, при атакѣ русскихъ стрѣлковъ, вмѣсто того, чтобы оказать имъ сопротивленіе на позиціи впереди моего отряда, оставили свои мѣста и, съ папиросами въ зубахъ, расположились въ долинѣ сзади моей боевой линіи, пустивъ на пастьбу своихъ лошадей.

При допросѣ одинъ изъ этихъ бѣглецовъ сказалъ военному суду: «Въ 3 часа я подошелъ къ пашѣ; тутъ я его увидѣлъ первый разъ, заключивъ изъ этого, что паша опоздалъ къ бою». Къ замѣчанію моему о несостоятельности этого показанія, его превосходительство генералъ-прокуроръ присовокупилъ: «если этотъ человѣкъ пришелъ къ пашѣ въ 3 часа, то онъ не могъ знать, что́ было раньше. Признаю показаніе не имѣющимъ значенія». Другое лицо, допрошенное военнымъ судомъ послѣ составленія обо мнѣ обвинительнаго акта, на вопросъ о часѣ моего прибытія къ Баязету отвѣтило: «Я не видалъ, какъ прибылъ паша, потому что былъ впереди, у подошвы, находившейся за нами высоты. Услышавъ пушечный выстрѣлъ, мы спрашивали себя, чтобы это значило, и рѣшили, что вѣрно прибылъ нашъ начальникъ». На вопросъ, въ которомъ часу раздался пушечный выстрѣлъ, свидѣтель отвѣтилъ: «навѣрно не знаю, но думаю, что это было около часа или двухъ часовъ». На вопросъ, какъ было дѣло, свидѣтель показалъ: «во время сраженія паша приказалъ дать сигналъ къ отступленію, которое и было исполнено; въ это время паша, взявъ орудіе, удалился, говоря, что на его лѣвомъ флангѣ показалась русская кавалерія и что онъ пойдетъ отрѣзать ей путь отступленія. Это было въ половинѣ 4-го». Но всѣмъ извѣстно, что бой длился семь или восемь часовъ, поэтому приведенный отвѣтъ лишенъ всякаго значенія, и основанное на немъ обвиненіе его превосходительства генералъ-прокурора не дѣйствительно. Записку, присланную ко мнѣ Мунибомъ-пашой, я получилъ гораздо раньше, а маіоръ Мехмедъ-ага прибылъ ко мнѣ уже когда я расположилъ войска въ боевой порядокъ и поставилъ орудіе, присланное мнѣ названнымъ пашой, и открылъ уже по непріятелю огонь. Я надѣюсь, что военный судъ подтвердитъ справедливость моихъ словъ.

Параграфъ обвинительнаго акта. Удивительно, что его превосходительство въ одномъ изъ параграфовъ обвинительнаго акта приводитъ, какъ доказательство силы баязетскихъ укрѣпленій, тотъ фактъ, что русскіе, подошедшіе къ городу 27-го іюня, отложили штурмъ до другаго дня. Въ дѣйствительности же русскіе дошли 27-го іюня до Карабулака, находящагося въ трехъ часахъ отъ Баязета, лишь въ

полдень (7 часовъ по-турецкому времени); слѣдовательно, если они въ тотъ же день продвинулись къ Баязету, то принуждены были бы дать бой послѣ заката солнца, что́ совершенно противно правиламъ военнаго искусства. Поэтому очевидно, что не сила баязетскихъ укрѣпленій помѣшала русскимъ вступить въ бой въ день ихъ прибытія въ Карабулакъ, а усталость людей и позднее время, заставившее ихъ переночевать въ названномъ пунктѣ. Это не мудреная догадка ближе всего къ истинѣ.

Параграфъ обвинительнаго акта. Непріятель, атаковавшій баязетскую позицію, былъ въ числѣ 6,000 человѣкъ, а наши силы, простиравшіяся приблизительно до 9,000 человѣкъ, пользовались преимуществами укрѣпленной мѣстности. Слѣдовательно, все было въ нашу пользу для упорной обороны и даже для одержанія побѣды, но, по отсутствію во мнѣ стойкости и по моей небрежности, мы потерпѣли неудачу, за которую вся тяжесть отвѣтственности должна поэтому пасть на меня.

Отвѣтъ. Дѣйствительно, сначала Мунибъ-паша, наблюдавшій непріятеля въ туманное время, опредѣлилъ силы его въ 6,000 чел., точно такъ же какъ и Измаилъ-паша, предувѣдомившій насъ о прибытіи непріятеля со стороны Карабулака. Однако Мунибъ-паша и я убѣдились во время боя, что непріятель былъ въ числѣ 10 баталіоновъ при 4,000 кавалеріи. Такимъ образомъ русскіе были вовсе не въ числѣ 6,000 человѣкъ, какъ показалось первоначально Мунибу-пашѣ. Что же касается нашихъ силъ, то въ дѣйствительности иррегулярныхъ войскъ было не болѣе 3,000 человѣкъ, мало меня слушавшихся и предававшихся безчинству. Сверхъ того, у меня было 5½ некомплектныхъ баталіоновъ, шестьдесятъ пѣхотинцевъ отряда Халифе-Фельми-ефенди и нѣсколько сотенъ кавалеріи Куршидъ-бея, ванскаго жителя. Съ этими силами я долженъ былъ противостоять 10 непріятельскимъ баталіонамъ, хорошо организованнымъ и вооруженнымъ. Естественно, что я не могъ съ успѣхомъ обороняться; но все-таки, пользуясь преимуществами мѣстности, говоря словами его превосходительства генералъ-прокурора, мы оказывали сопротивленіе въ теченіе 6½ часовъ. Ссылаюсь на безпристрастіе и справедливость военнаго суда, въ какой степени близокъ къ истинѣ этотъ параграфъ обвинительнаго акта, въ которомъ его превосходительство генералъ-прокуроръ слагаетъ на меня всю отвѣтственность баязетскаго погрома, представляя силы непріятеля равными нашимъ и даже тогда, какъ въ дѣйствительности непріятель былъ гораздо сильнѣе насъ, какъ я имѣлъ честь доложить.

Параграфъ обвинительнаго акта. Его превосходительство генералъ-прокуроръ пытается доказать, что по моей винѣ нѣкоторые пункты баязетской позиціи не были указаны, вслѣдствіе чего я не могъ оказать достаточнаго сопротивленія непріятелю, пришедшему освободить осажденныхъ.

Отвѣтъ. Если здѣсь подразумѣвается обвиненіе въ непринятіи мѣръ для преграждения осажденнымъ доступа къ водѣ и къ пріобрѣтенію провіанта, то въ этомъ случаѣ ничего не было оставлено безъ вниманія. Можете спросить самого Муниба-пашу, назначеннаго мною для стѣсненія осады.

Если же обвиненіе возводится за то, что не были укрѣплены нѣкоторые пункты противъ атаки извнѣ для освобожденія осажденныхъ, то я замѣчу, что, по свойству мѣстности, такіе пункты были подъ огнемъ какъ осажденныхъ, такъ и подступавшаго отряда, снабженнаго сильной артилеріей. Конечно, можно было избѣжать этого неудобства устройствомъ блиндажей, траверсовъ и проч., но мѣста, подлежавшія укрѣпленію, находились въ весьма близкомъ разстояніи отъ замка, командующаго окрестною мѣстностію; такъ что упомянутыя закрытія не принесли бы большой пользы, и притомъ они занимаютъ весьма много мѣста въ ущербъ внутренняго пространства укрѣпленій. Эти причины заставили отказаться отъ укрѣпленій. Если бы у насъ было достаточно силъ, то мы бы съ успѣхомъ довольствовались одними преимуществами мѣстности для отбитія непріятеля. Въ письмѣ ко мнѣ его превосходительство Измаилъ-паша, точно такъ же какъ и его превосходительство генералъ-прокуроръ, говоритъ о необходимости укрѣпить нѣкоторые пункты. Я доносилъ Измаилу-пашѣ, что при недостаточности силъ намъ невозможно укрѣпить Баязетъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ, для освобожденія себя отъ всякой отвѣтственности, я просилъ его превосходительство прислать мнѣ одного офицера генеральнаго штаба, для указанія, какіе именно пункты должны были быть укрѣплены. Письмо осталось безъ отвѣта. Изъ этого видно, что позиція не могла быть укрѣплена; если же допустить, что свойство мѣстности допускало возведеніе укрѣпленій, то и въ этомъ случаѣ отвѣтственность падаетъ не на меня, а на его превосходительство Измаила-пашу, слѣдовательно по этому дѣлу я не могу дать отвѣта его превосходительству генералъ-прокурору.

Начальнику ванской дивизіи. «Для сопровожденія транспорта, направляющагося на Баязетъ, вы имѣете двинуть налегкѣ всю ванскую дивизію, которая и будетъ конвоировать означенный транспортъ до мѣста сегодняшняго ночлега, а потомъ возвратится. Поэтому предлагаю

вамъ держать дивизію въ готовности. Наличныхъ вьючныхъ животныхъ вы имѣете отдать въ этотъ транспортъ, а для нуждъ вашей дивизіи будутъ служить вьючныя средства, имѣющія вскорѣ прибыть изъ Берри-Кала. По возвращеніи дивизіи вы имѣете двинуться со всѣми баталіонами и со всей артилеріей къ Баязету для занятія и укрѣпленія всѣхъ важныхъ, по вашему мнѣнію, пунктовъ на этой позиціи; при этомъ я разсчитываю на вашу мудрость и благоразуміе. По полученіи отъ меня предписанія, вы имѣете немедленно со мной соединиться для достиженія общими усиліями успѣха, который долженъ быть обезпеченъ благоразумными предварительными мѣрами съ нашей стороны. Въ ожиданіи сего прошу васъ ежедневно сообщать мнѣ получаемыя вами свѣдѣнія о состояніи и передвиженіяхъ непріятельскихъ войскъ». 15-го іюля 1877 г. (1293).

Подписано: *Измаилъ-Хакки.*

P.S. «Согласно изложенному въ этомъ письмѣ вы имѣете обратить особенное вниманіе на возведеніе на важныхъ пунктахъ укрѣпленій и на расположеніе въ нихъ орудій, и вообще на все необходимое для упорнаго противодѣйствія непріятелю. Я безусловно полагаюсь на вашу опытность и на мудрость мѣръ, которыя вы имѣете принять».

Подписано: *Измаилъ-Хакки.*

«Я имѣлъ честь получить отъ вашего превосходительства письмо отъ 15-го іюля, которымъ вы мнѣ предписываете: 1) сопровождать транспортъ со всей ванской дивизіей; 2) всѣ баталіоны дивизіи вмѣстѣ съ артилеріей держать въ готовности для движенія противъ Баязета и занятія и укрѣпленія тамъ важнѣйшихъ пунктовъ позиціи; 3) принимать приличныя случаямъ мѣры въ ожиданіи соединенія съ вами, если обстоятельства того потребуютъ; 4) сообщать вамъ ежедневно свѣдѣнія о непріятелѣ; 5) возвести въ важныхъ пунктахъ позиціи укрѣпленія для пѣхоты и батареи.

«Въ отвѣтъ на это письмо имѣю честь доложить, что, при неизбѣжности раздѣленія силъ, я неоднократно просилъ ваше превосходительство объ увеличеніи моего отряда, но всѣ эти просьбы были оставлены безъ послѣдствій. Имѣя всего въ дивизіи шесть баталіоновъ пѣхоты при трехъ легкихъ и трехъ горныхъ орудіяхъ и шесть эскадроновъ кавалеріи по 150 человѣкъ въ каждомъ, я не могу себѣ представить возможности успѣшнаго сопротивленія столь сильному противнику. На случай же боя важно знать, гдѣ именно слѣдуетъ возвести укрѣпленія, когда и сколько расположить въ нихъ войскъ. Если, избави Боже, русскіе, по послѣднему примѣру, съ энергіей атакуютъ насъ, и мы, не получая помощи, должны будемъ отступить, то куда именно направить

отступленіе и какими войсками обезпечить эту линію? Докладывая о семъ, имѣю честь просить ваше превосходительство снабдить меня особыми по этимъ предметамъ инструкціями и прислать въ мое распоряженіе одного офицера генеральнаго штаба для выбора пунктовъ, которые нужно укрѣпить. Непріятель укрѣпился въ Карабулакѣ и постепенно подвигается впередъ. Въ виду важности этого обстоятельства, я покорнѣйшее прошу распоряженія вашего превосходительства о командированіи офицера генеральнаго штаба и о снабженіи меня особой инструкціей касательно необходимыхъ мѣръ на случай опасности отъ наступленія непріятеля». 16-го іюля 1878 г. (1293).

Подписано: *Фаикъ.*

Послѣдній параграфъ обвинительнаго акта. При наступленіи непріятеля на Баязетъ, я не принялъ участія въ бою, расположившись на высотѣ безъ артилеріи и внѣ сферы непріятельскаго огня; я не продвинулъ до Чилли-Гедыка иррегулярную кавалерію и въ день боя не расположилъ аванпостами въ полутора часахъ впереди Баязета, остававшіеся въ Теперизѣ, два эскадрона кавалеріи.

Отвѣтъ. Въ отвѣтѣ на предыдущій параграфъ я уже доложилъ о своемъ движеніи 28-го іюня впередъ, къ Баязету, лишь съ горной артилеріею, какимъ образомъ я расположилъ пѣхоту и артилерію, какъ начался бой и сколько времени онъ продолжался; а потому теперь считаю уже излишнимъ повторять сказанное. Измаилъ-паша приказалъ мнѣ направить къ Чилли-Гедыку иррегулярную кавалерію, упустивъ изъ вида, что она продолжала, по обыкновенію, не слушаться моихъ приказаній, а потому означенное предписаніе и не было исполнено. Регулярная кавалерія хотя и была выдвинута впередъ, но по своей численной слабости не оказала вліянія. Иррегулярная кавалерія оказалась не надежной, а просимое у Измаила-паши подкрѣпленіе регулярной я не получилъ; бывшіе же у меня два эскадрона ограничились содержаніемъ передовыхъ постовъ, не имѣя силъ ни атаковать, ни даже задержать противника, наступавшаго въ числѣ двухъ батальоновъ пѣхоты и полка кавалеріи и занявшаго уже сел. Майраманъ.

Замѣтка. Причина павшей на меня тяжкой отвѣтственности нужно искать въ той медленности, съ которой производилось дѣло объ укрѣпленіи Баязета. 1) Если бы Баязетъ признанъ былъ важнымъ стратегическимъ пунктомъ, то комисія, назначенная нѣсколько лѣтъ тому назадъ для составленія предположенія по укрѣпленію Эрзерума, Ардагана, Карса и Кара-Килисы не сдѣлала ничего касательно Баязета; 2) въ то же время сераскеріатъ, организовавшій мѣстные корпуса и дивизіи, не почелъ нужнымъ сформировать баязетскую дивизію; 3) Ахмедъ-Фа-

зиль-паша, передъ тѣмъ генералъ-маіоръ генеральнаго штаба, былъ произведенъ въ чинъ генералъ-лейтенанта съ назначеніемъ руководить работами по укрѣпленію Баязета и командовать имѣющей быть тамъ сформированной дивизіей. Впослѣдствіи же сераскеріатъ отказался отъ приведенія этого плана въ исполненіе; это доказываетъ, что Баязетъ не считался важнымъ стратегическимъ пунктомъ.

Въ послѣднемъ параграфѣ обвинительнаго акта два поступка вмѣняются мнѣ въ наибольшую вину: 1) что я не угрожалъ пути отступленія отряду Тергукасова, безпрепятственно наступавшему къ Алашкерту, и 2) что 27-го іюня я не своевременно и не со всѣми наличными силами вступилъ въ бой у Баязета, что самъ я не былъ на полѣ сраженія, и что черезъ два часа послѣ начала его я занялъ высоту внѣ пушечнаго непріятельскаго огня и далъ оттуда сигналъ къ отступленію. Его превосходительство генералъ-прокуроръ, придавая двумъ обвиненіямъ одинаковую важность, подводитъ ихъ подъ § 93 военно-уголовныхъ законовъ Отоманской имперіи.

Имѣю честь доложить военному суду, что русскіе овладѣли алашкертской провинціей не потому, что я не двинулся впередъ. Истинной причиной этого завоеванія было приказаніе Гази-Ахмедъ-Мухтара-паши алашкертской дивизіи отступать до прохода Дэли-Баба (Кара-Дербентъ), не принимая атаки колонны Тергукасова.

Что же касается моихъ дѣйствій въ сраженіи подъ Баязетомъ, то я уже имѣлъ честь сказать выше, подкрѣпивъ мои слова офиціальными бумагами, что до этого сраженія и во время самаго боя, продолжавшагося девять часовъ, я находился, согласно правилъ военнаго искусства, на высотѣ, съ которой могъ хорошо видѣть во всѣ стороны, и которая хорошо была извѣстна всѣмъ частнымъ начальникамъ. Но при невозможности обороняться передъ превосходными силами противника, мы были просто оттѣснены, а не то чтобы отступили по моему сигналу.

Излишне говорить, что я нахожусь теперь передъ судомъ только за пораженіе подъ Баязетомъ. Но его превосходительство генералъ-прокуроръ, не имѣя возможности представить вѣскихъ противъ меня обвиненій по этому дѣлу, составилъ рядъ допросовъ по поводу всѣхъ моихъ дѣйствій со времени выступленія изъ Вана до прибытія въ Баязетъ; эти вопросные пункты были началомъ производившагося дѣла. Будучи безсиленъ въ главномъ обвиненіи, его превосходительство съ замѣчательной несправедливостію стремится возвести на меня разныя второстепенныя обвиненія. Если бы въ моихъ распоряженіяхъ за время до баязетскаго сраженія были ошибки, то несомнѣнно, что его превос-

ходительство главнокомандующій устранилъ бы меня отъ командованія. Наконецъ, обвиненія его превосходительства генералъ-прокурора не подкрѣпляются ничѣмъ. Ссылаясь на чувство справедливости императорскаго правительства, я прошу его подробно разсмотрѣть мои опроверженія въ защиту правъ, пріобрѣтенныхъ долголѣтнею службою. Взываю къ высокому чувству справедливости его императорскаго величества султана. 1-го сентября 1878 г. (1294 г.).

Подписано: бригадный генералъ *Фаикъ*.

Приговоръ военнаго суда.

«Изъ разсмотрѣнія и обсужденія подробно изложенныхъ выше поступковъ Фаика-паши по дѣйствію съ ввѣренными ему войсками, военный судъ приступаетъ къ разсмотрѣнію обвиненій этого генерала по слѣдующимъ четыремъ пунктамъ:

1) Что пространство, въ шесть дней пути, отъ Вана до Тепериза онъ прошелъ въ 30 дней, не исполняя при этомъ особыхъ инструкцій и распоряженій гази-Ахмедъ-Мухтаръ-паши.

2) На другой день по прибытіи Фаика-паши съ отрядомъ въ Теперизъ иррегулярныя войска, вспомоществуемыя двумя эскадронами кавалеріи, разбили и обратили въ бѣгство русскій отрядъ у Индже-Су, т. е. въ $1^1/_2$ или $1^3/_4$ разстоянія отъ нашего лагеря. Фаикъ-паша, въ противность своей важнѣйшей обязанности, не воспользовался этимъ преимуществомъ и не отправилъ въ преслѣдованіе непріятеля регулярную пѣхоту, дабы овладѣть Баязетомъ.

3) Послѣ пораженія у Индже-Су непріятель укрѣпился въ баязетскомъ зáмкѣ; а Фаикъ-паша, въ противность данныхъ ему гази-Мухтаромъ-пашой точныхъ и категорическихъ приказаній направиться самому со всѣми силами къ Баязету, осадить непріятеля и принудить его къ сдачѣ, ограничился командированіемъ туда двухъ баталіоновъ пѣхоты при трехъ горныхъ орудіяхъ, подъ начальствомъ генералъ-маіора Муниба-паши. Вслѣдствіе сего русскія войска, подойдя 28-го іюня къ Баязету въ достаточныхъ силахъ, освободили осажденныхъ и взяли въ плѣнъ двѣ наши роты, овладѣвъ и тремя горными орудіями.

4) Генералъ-маіоръ Мунибъ-паша, донося обвиняемому, что 27-го іюня русскіе, наступавшіе со стороны Карабулака-Гедыкъ, показались въ окрестностяхъ Зангизара, просилъ его прислать въ Баязетъ къ разсвѣту слѣдующаго дня иррегулярныя войска для занятія высотъ по обѣ стороны Зангизарской долины. Письмо это получено было об-

виняемымъ въ тотъ же день, т. е. 27-го іюня, въ 10 часовъ вечера. Вмѣсто того, чтобы немедленно отправить иррегулярныя войска и даже самому, со всѣми наличными силами направиться къ Баязету для занятія этой весьма важной позиціи, подсудимый, выступивъ изъ Тепериза послѣ 6 часовъ утра и прибывъ къ Баязету, когда уже русскіе вошли въ Зангизарскую долину, не принималъ дѣйствительнаго участія въ бою, начавшемся атакой со стороны русскихъ. Военный судъ вошелъ въ подробное разсмотрѣніе этого дѣла для опредѣленія, какое изъ сихъ дѣйствій представляется наиболѣе важнымъ, въ какой степени подсудимый отвѣтственъ въ нихъ передъ военнымъ судомъ и подъ какія статьи военнаго уголовнаго закона подходятъ дѣйствія обвиняемаго. Военный судъ, принимая во вниманіе, что при назначеніи Фаика-паши начальникомъ ванской дивизіи, войска, составлявшія эту дивизію, не были еще готовы, и что для ихъ организаціи по военному времени необходимо время,—не признаетъ Фаика-пашу отвѣтственнымъ по первому обвиненію.

Обвиненіе по второму пункту имѣетъ тѣсную связь съ третьимъ.

Обвиненіе по третьему пункту состоитъ въ томъ, что Фаикъ-паша, не прибывъ, въ противность приказанія мушира, въ Баязетъ для правильной осады непріятеля, укрывавшагося въ замкѣ, этимъ допустилъ прибытіе другаго русскаго отряда, который не только освободилъ осажденныхъ, но взялъ еще въ плѣнъ двѣ наши роты и овладѣлъ тремя горными орудіями.

Фаикъ-паша признается отвѣтственъ по четвертому пункту обвиненія. Однако, его превосходительство Измаилъ-паша, бывшій начальникомъ алашкертской дивизіи и главнымъ распорядителемъ дѣйствій и дивизіи баязетской, бывъ предувѣдомленъ о движеніи русскихъ къ Баязету для освобожденія осажденныхъ, извѣстилъ объ этомъ Фаика-пашу еще наканунѣ боя. Сверхъ того, генералъ-маіоръ Мунибъ-паша извѣстилъ какъ Измаила-пашу, такъ и Фаика-пашу, что 27-го іюня русскіе были готовы къ наступленію. Фаикъ-паша немедленно донесъ о семъ Измаилу-пашѣ, приложивъ письмо Муниба-паши, испрашивая вмѣстѣ съ тѣмъ въ подкрѣпленіе шесть баталіоновъ и батарею изъ алашкертской дивизіи, тогда достаточно сильной и находившейся внѣ сферы подготовлявшихся дѣйствій непріятеля. Слѣдовательно, Измаилъ-паша могъ, или наканунѣ сраженія, или въ самый день боя направиться къ Баязету съ достаточными силами. Измаилъ-паша, правда, прибылъ къ Баязету въ день боя, но уже къ концу его, и, остановившись въ разстояніи часа или двухъ часовъ отъ города, не принялъ участія въ дѣлѣ. Это и было причиной благопріятнаго для непріятеля

исхода боя. Ночь русскіе бивакировали у Зангизара, а на слѣдующій день отступили въ Карабулакъ, мимо дивизіи Измаила-паши, даже не попытавшагося освободить изъ рукъ русскихъ своихъ плѣнныхъ и отнять потерянныя орудія. Въ этомъ случаѣ Измаилъ паша, повидимому, долженъ раздѣлить отвѣтственность съ Фаикомъ-пашой. Разсматриваемое дѣло можетъ быть разъяснено, если императорскимъ ираде Измаилъ-паша будетъ отданъ подъ судъ.

Признавая, однако, подсудимаго отвѣтственнымъ по четвертому обвиненію, военный судъ единогласно рѣшилъ приговорить подсудимаго къ наказанію, указываемому военно-уголовнымъ кодексомъ.

Въ виду постановленія 2-го параграфа, 97-й главы упомянутаго военно-уголовнаго кодекса, который говоритъ: «Начальникъ и офицеры, получавшіе въ военное время отъ старшаго приказаніе идти на непріятеля и отказавшіеся исполнить это приказаніе, исключаются изъ военной службы и подвергаются шестимѣсячному заключенію въ тюрьмѣ», хотя Фаикъ-паша и не отказался письменно или словесно исполнить данное ему письменное приказаніе неупустительно прибыть со всѣми силами для обороны Баязета, однако, приказаніе это не исполнилъ. Такой поступокъ составляетъ собой не только отказъ идти въ военное время противъ непріятеля, но и упорство въ неисполненіи приказанія. Согласно § 2-му главы 97-й военно-уголовнаго кодекса, подсудимый Фаикъ-паша приговаривается къ исключенію изъ военной службы и къ 6-ти-мѣсячному тюремному заключенію. Вмѣстѣ съ тѣмъ военный судъ, въ силу 24-й главы упомянутаго кодекса, приговариваетъ виновнаго къ лишенію чиновъ и знаковъ отличія. Копіи съ настоящаго приговора имѣютъ быть разосланы во всѣ части войскъ императорской арміи.

20-го муххарема 1295 г. или 12-го января 1879 г.

Подписано: президентъ военнаго суда въ Малой Азіи *Халимъ-Ессадъ-Махмудъ-Мессудъ;* члены: *Гассанъ-Гаифъ*, *Гассанъ-Ахмедъ-Раифъ*, *Суфетъ-Мехмедъ-Селимъ.*